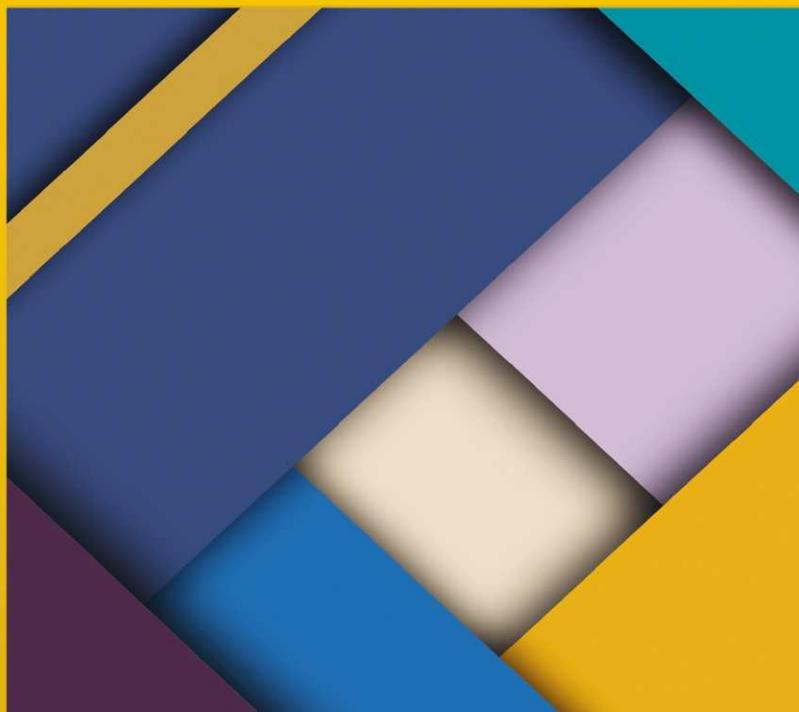

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 14, Number 1
2022

Современные исследования социальных проблем

Том 14, № 1
2022

Modern Studies of Social Issues

Volume 14, Number 1
2022

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2022

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 14, № 1, 2022 / Vol. 14, No 1, 2022

<p>Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр</p> <p>Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.</p> <p>Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук</p> <p>Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань</p> <p>Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: Россия, 660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088</p>	<p>Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House</p> <p>Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010.</p> <p>Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses</p> <p>Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan'</p> <p>Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088</p>
--	--

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2022

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Сериккалиева Ажар Еркемовна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-14-36

УДК 94

**ПРЕДИКТОРЫ РАБОЧЕГО ПРОТЕСТА
В СССР В КОНЦЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1930-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ
НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА)***А.О. Тюрин*

Обоснование. В статье рассматривается протестное поведение советских рабочих Нижневолжского региона в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. посредством анализа предикторов коллективных действий: социальной идентичности и самоэффективности, которые и являются предметом исследования.

Цель. Цель исследования состоит в изучении потенциала рабочего протеста в условиях социального кризиса в Нижневолжском регионе в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Научная новизна заключается в отсутствии в региональной историографии подобных исторических исследований по данной проблеме, а также во введении в научный оборот ряда архивных документов.

Материалы и методы. В статье при изучении предикторов коллективных действий применяются историко-типологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования, а проанализировать формирование и оценить потенциал рабочего протеста в целом позволил междисциплинарный подход. Источниковым материалом выступают информационные сводки и обзоры ОГПУ, в которых сконцентрированы данные о протестном поведении населения, а теоретической базой исследования выступили научные труды отечественных авторов занимающихся этой проблемой.

Результаты работы. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в СССР разразился социальный кризис, что привело к увеличению количества протестных выступлений, в первую очередь забастовок. Однако анализ предикторов коллективных действий продемонстрировал их низкую эффективность и слабый потенциал рабочего протеста в целом.

Область применения результатов. Материалы, полученные в процессе исследования и представленные в статье, могут использоваться историками, изучающими протестное поведение, в том числе пролетариата, а также применяться в современном образовательном процессе.

Ключевые слова: протестное поведение; предикторы коллективных протестных действий; рабочий протест; рабочий класс; социальная идентичность; самоэффективность; СССР

**PREDICTORS OF WORKERS' PROTEST
IN THE USSR AT THE END OF THE 1920S –
THE BEGINNING OF THE 1930S: SOCIAL IDENTITY
AND SELF-EFFICIENCY (BY THE MATERIALS
OF THE LOWER VOLGA REGION)**

A.O. Tyurin

Justification. The article deals with the protest behavior of Soviet workers of the Lower Volga region in the late 1920s – the first half of the 1930s by analyzing predictors of collective actions: social identity and self-efficacy, which are the subject of the study.

Objective. The objective of the study is to explore the potential of labor protest in the conditions of social crisis in the Lower Volga region in the late 1920s - first half of the 1930s. The scientific novelty lies in the absence of similar historical studies on this problem in regional historiography, as well as in the introduction into scientific circulation of a number of archival documents.

Materials and methods. In the article, when studying predictors of collective actions, historical-typological, historical-comparative and his-

torical-genetic research methods are used. An interdisciplinary approach allowed the author to analyze the formation and to assess the potential of labor protest in general. The source material is the information reports and reviews of the OGPU, which concentrate data on the protest behavior of the population, and the theoretical basis of the study was the scientific works of domestic authors dealing with this problem.

Results. *In the late 1920s - the first half of the 1930s, a social crisis broke out in the USSR, which led to an increased number of protest actions, mainly strikes. However, the analysis of predictors of collective actions demonstrated their low efficiency and weak potential of labor protest in general.*

Practical implications. *The materials obtained in the course of the research and presented in the article can be used by historians studying protest behavior, including that of the proletariat. They can also be applied in the modern educational process.*

Keywords: *protest behaviour; predictors of protest activity; workers' protest; working class; social identity» self-efficacy; USSR*

Введение

Протестное поведение населения изучалось многими науками гуманитарной сферы и на современном этапе остается актуальным для исследования. Во время кардинальных социально-экономических и политических изменений уровень жизни населения резко падает, а показатели протестного поведения значительно увеличиваются. Период конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. в СССР полностью соответствует этому утверждению, так как проводимой политике форсированной индустриализации сопутствовал социальный кризис, поставивший на грань выживания советское население, в том числе и «гегемона социалистической революции» – пролетариат, что, в свою очередь, способствовало повышению уровня протеста. Однако до массовых протестных выступлений представителей рабочего класса – «всероссийских стачек» революционных времен, которые своим масштабом заставили существующую власть целиком пересмотреть или ввести существенные коррективы в проводимую политику, дело

не дошло, и государство продолжало проводить намеченный социально-экономический курс. Эту неоднозначную ситуацию мы постараемся рассмотреть посредством анализа предикторов коллективных протестных действий, которые в свою очередь помогут исследовать рабочий протест изнутри. Исследователи рассматривают три основных предиктора коллективных действий: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции, социальная идентичность и самоэффективность [2, с. 132].

Предлагаемая статья является продолжением изучения предикторов коллективных протестных действий (протестного поведения), а именно социальной идентичности и самоэффективности. В предыдущей статье [25] были проанализированы причины протестного поведения и обозначенный в названии статьи предиктор. Результат анализа этого предиктора показал высокую степень готовности рабочих к коллективным протестным действиям.

Цель исследования состоит в изучении потенциала рабочего протеста в условиях социального кризиса в Нижневолжском регионе в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Для реализации цели исследования потребуются решить следующие задачи:

- проанализировать предикторы коллективных действий: социальную идентичность и самоэффективность;
- определить влияние предикторов на выбор нормативных и ненормативных действий.

Материалы и методы

В статье при изучении предикторов коллективных действий применяются историко-типологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования, а проанализировать формирование и оценить потенциал рабочего протеста в целом позволил междисциплинарный подход.

Теоретическая база исследования представлена научными трудами отечественных авторов, изучавшими различные аспекты проблемы рабочего протеста, а именно С.В. Богданова [12], Л.В. Борисовой [13], И.Н. Камардина [21], С.А. Красильникова [22], И.В. Шильниковой [30], Д.О. Чуракова [28], С.В. Ярова [31]. При анализе предик-

торов самоидентификации и самоэффективности использовались исследования А.И. Вдовина и В.З. Дробижева [15], В.А. Чолохяна [27] и Н.А. Шарошкина [29]. Основными источниками стали материалы информационных обзоров и сводок региональных органов ОГПУ, так как в изучаемый хронологический период сведения по протестным настроениям и поведению населения концентрировались именно в этих документах.

Результаты и обсуждение

В своем обзорно-аналитическом исследовании Е.Р. Агадулина и А.В. Ловаков отмечают, что социальная идентификация с группой рассматривается в большинстве психологических работ как основной предиктор готовности присоединиться к протестному движению [2, с. 134]. При анализе предиктора воспринимаемой несправедливости и связанных с этим эмоций мы увидели, что многие городские жители Нижневолжского региона в своих высказываниях открыто причисляли себя к рабочему классу. Кроме этого они часто возлагали вину за сложившийся социальный кризис на руководство разных уровней, членов коммунистической партии, а также представителей других социальных и профессиональных групп («спецы», «торговцы» и т.п.).

В мае 1929 г. в Астрахани произошел трудовой конфликт между работницами городских рыбных промыслов и окружным отделом труда. Работницы (около 100 человек) для разрешения спорной ситуации первоначально пришли в профсоюзный комитет пищевиков. Возглавлявшая шествие Бахтина предъявила определенные требования профсоюзу и достаточно эмоционально высказалась: «Мы пришли громить весь союз и всех коммунистов. Зачем вы разделили один район на два? Что мы должны теперь делать, куда идти работать? Вот до чего вы нас довели «наши защитники»... Перевесить надо всех коммунистов. Разве так гласит коммунизм, что бы вы были сыты, а рабочие гибли с голоду... Кругом рвачество, взятки и проституция. Довольно терпеть – быть бунту!» Работницы с одобрением восприняли выступление Бахтиной. Из толпы раздавались крики: «Они сыты, а о нас рабочих не думают!» [18, л. 54]. В своем монологе Бахтина (как и остальные работницы) четко идентифици-

рует свою социальную принадлежность – рабочие. Группы же, к которой предъявлялись претензии (по словам Бахтиной «наши защитники») в сознании были перемешены. Виноваты все – профсоюз и коммунисты, подразумеваются и местные власти. Все они, судя по выступлению – рвачи, коррупционеры, и «о рабочих не думают!».

6 июня 1929 года в Астрахани при проверке патентов и разрешений на торговлю на рынке Татар-базар, произошли столкновения финансовых агентов и милиционеров с торговцами и частью покупателей, а впоследствии и с родственниками продавцов, то есть социальный состав горожан на базаре был очень пестрым. В итоге возмущенная толпа в количестве около 1000 человек стала кидать камни и избивать сотрудников милиции и финантеров. Из толпы были слышны следующие призывы: «Довольно пить кровь из рабочих, пора расправится с ними!», «Бей милицию – шкурников!», «Бей финотдельцев – взяточников!.. теперь они пришли нас грабить» [17, л. 13]. И в этом случае мы видим, что многие участники конфликта самоидентифицировали себя с пролетариатом, а проверяющих представителей власти с «взяточниками и коррупционерами».

В многочисленных очередях за продовольствием и промтоварами, в столовых и на собраниях при сравнительных и оценочных суждениях, высказываниях и заявлениях многие граждане подчеркивали свой рабочий статус. Однако, как мы видим из вышеприведенных примеров, не все те, кто идентифицировал себя как рабочий класс, попадали под данную социальную категорию. В 1929 г. в рамках дела «Астраханщины» Л.М. Каганович привел следующую характеристику социальной ситуации в регионе: «Вот говорили, что в Москве частник был силен, но мы здесь в Москве имеем мощный пролетариат, так что это никак несравнимо с Астраханью. Индустриального пролетариата там мало, промышленность носит кустарный характер, большое количество нэпманских и мещанских элементов...» [16, л. 31]. В Сталинграде и Саратове ситуация с количественными и качественными характеристиками пролетариата была несколько лучше. Однако в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в СССР шла массовая миграция населения из сельской местности в город, на стройки первых пятилеток. Этот процесс зна-

чительно увеличил численность рабочего класса, но осуществлялся рост во многом за счет выходцев из деревни.

По оценке А.И. Вдовина и В.З. Дробижева, за весь период реконструкции народного хозяйства крестьяне дали 59,5% [15, с. 116] всех кадров рабочих и служащих. Это подтверждается профсоюзной переписью 1932-1933 гг., по данным которой пополнение рабочего класса за счет крестьян произошло на 45,1% [23, с. 116-117]. В Нижневолжском регионе в профсоюзе мукомольной промышленности процент выходцев из деревни в 1932 г. составил 65,3% [23, с. 94]. В Астрахани в 1930 г. на Муфлонном заводе из 400 человек рабочих две трети являлись выходцами из деревни [7, л. 262]. На Сталинградском тракторном заводе вчерашних жителей села было 80% [14, с. 367].

Стоит отметить массовое вовлечение в производство женщин, до этого в нем не участвовавших. В промышленности Сталинграда доля женщин выросла с 12% в 1926 г. до 38,2% в 1939 г., Саратова – соответственно с 15% до 43%, Астрахани – с 19% до 56,9% [15]. Пополнялся рабочий класс и за счет молодых людей, в том числе и сельских, которые делали первые профессиональные шаги в своей жизнедеятельности. По отдельным крупнейшим предприятиям Нижневолжского края процент молодежи до 23-летнего возраста составлял: СТЗ – 42,5%, «Красный Октябрь» (Сталинград) – 40%, вольские цементные заводы – 53%, консервный комбинат (Астрахань) – 43,4%, судоремонтный завод им. Сталина (Астрахань) – 36,6% [24, с. 97].

Изменению качественного состава пролетариата способствовал процесс выдвижения, посредством которого пытались сформировать социальную группу советский управленцев и служащих, включая интеллигенцию, по большей части техническую. К 1933 г. в промышленности Нижневолжского региона насчитывалось 594 руководителя предприятий вместе с заместителями и помощниками. В их составе было 268 рабочих-выдвиженцев, что составляло 45% [30, с. 95].

Все эти процессы позволили сделать Ш. Фицпатрик вывод о том, что «период нэпа дал возможность вновь образоваться рабочему классу, стали укрепляться другие социальные структуры. Однако затем наступил перелом – первая пятилетка и коллективизация, – который вновь лишил почвы миллионы людей, «ликвидировал» целые классы,

вызвал огромный приток крестьян в ряды городской рабочей силы и значительное продвижение вверх представителей старого пролетариата. По сути, общество оказалось деклассированно...» [26, с. 19].

Как мы видим, многие граждане заявляли о пролетарской идентичности, но по факту рабочими, как полноценными представителями этой социальной группы, с присущими только ей социальным положением, интересами, ценностными ориентациями и т.п., они еще не являлись. Это отчасти могут подтвердить их коллективные действия, которые также рассматриваются как один из способов обоснования этой самой социальной идентичности [1, с. 47]. Среди таких коллективных действий – участие в митинге или пожертвование денег на движение, помощь и поддержка коллег, то есть проявление солидарности с ними в трудную минуту. В ноябре 1929 г. на заводе «Красный октябрь» (Сталинград) строители-сезонники в ходе собрания заявили: «Нас это не устраивает, мы ничего в пользу польских рабочих не постановили, это постановили коммунисты, пусть они и платят». Далее отмечалось, что подобные настроения и отношения к лодзинским событиям имели место в Сталинградском и Астраханском округах, среди низкоквалифицированных рабочих и сезонников [4, л. 6].

В данном сообщении обращается внимание, что «подобные настроения» наблюдались среди низкоквалифицированных рабочих и сезонников. Еще в августе 1928 г. в обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» отмечалось, что среди сезонных рабочих Астрахани сильное развитие получили «крестьянские настроения», которые выражались в нареканиях на политику советской власти, выкачивающей весь хлеб из деревни, поэтому обрекшей крестьян на голод, и вместе с тем, не сумевшей наладить снабжение городов [3, л. 16]. В спецсводке №2 Астраханского оперсектора ОГПУ от 1 августа 1931 г. приводилась конкретная характеристика сезонников: «Сезонные рабочие, находящиеся в Астрахани, большей своей частью являются приезжими из северных районов бывшего Астраханского округа. Все они, прямо или косвенно, связаны с сельским хозяйством..., в силу чего у них часто являются собственнические тенденции, среди коих скрывается бе-

глое кулачество и другие антисоветские элементы, каковые используют недостатки хозяйственных организаций, денежное, хлебное затруднение, и даже были случаи сплошной забастовки» [9, л. 11].

В 1928 г. на заводе «Баррикады» (Сталинград) забастовала артель каменщиков в количестве 10 человек. Забастовка выразилась в отказе производить работу по постройке механического цеха из-за холодной погоды [4, л. 3об]. 21 мая 1931 г. группа грузчиков Госпароходства (16 человек), работавшая на пристани № 17 (Астрахань) по погрузке муки на баржу, в 12 часов бросила работу. На следующий день они вышли на работу и мотивировали свой вчерашний уход: «Денег нет, пожрать купить не на что, зарплату не дают». Состав группы грузчиков – крестьяне-бедняки [9, л. 1-2]. При производстве работ на промысле им. Володарского (Астрахань) группа рабочих (35 человек), отказалась от дальнейшей работы по сооружению «выхода» этого промысла. Старший группы Крюков (руководитель забастовки) в разговоре с рабочими призвал к тому, чтобы просить увеличение платы за производимую работу. Артель рабочих с этим согласилась и не выходила на работу 4 дня [8, л. 10]. 21 сентября 1932 г. на заводе им. Сталина забастовала артель плотников (Астрахань). Инициаторами не выхода на работу являлись И. Солдатов, 46 лет, из крестьян-колхозников Калояр-Черкасского района Нижне-Волжского края, а также А. Саранцев, В. Коротин и И. Фомичев – все односельчане И. Солдатова [10, л. 444].

В своем исследовании И.В. Шильникова указывает, что подавляющее число забастовок давали как раз сезонные рабочие: 55% в 1928 г. и 70% в 1929 г. [30, с. 82]. Объясняет она доминирование сезонных рабочих тем обстоятельством, что количественно эта группа была очень многочисленной в связи с развернувшимся масштабным строительством, а также созданием новых объектов инфраструктуры. Чаще всего сезонники являлись выходцами из деревень, завербованными для работ [30, с. 83]. В общем, можно констатировать, что артели и группы сезонников, в основном состоящие из вчерашних крестьян, формировали значительную часть «новых рабочих».

Представление о своей эффективности связано с оценкой способности достижения желаемой цели, в частности в социальной и

политической сфере. При этом сочетание высокой политической самоэффективности и высокого уровня доверия к политическим институтам и власти в целом приводит к нормативным формам участия в политической жизни (участие в выборах, референдумах и т.п.), в то время как высокая политическая самоэффективность и низкий уровень доверия к власти связан с участием в силовых и ненормативных действиях (забастовки и т.п.), направленных на социальные изменения [2, с. 133].

Рассмотрим первоначально уровень доверия рабочих, как к местным управляющим структурам, так и к власти в целом. Участие населения в избирательных кампаниях являлось определенным индикатором политической активности и поддержки власти. Пристальное внимание в ходе этих процессов обращалось на рабочих.

В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» за декабрь 1928 г. отмечалась недостаточная активность рабочих и пессимистическое отношение их к перевыборной кампании. В мартеновском цеху завода «Красный Октябрь» (Сталинград) после работ состоялось собрание, на котором из 200 человек присутствовало всего 46. Вопросов по докладу задано не было, а в прениях выступило всего двое рабочих, которые отметили неработоспособность и пьянство депутатов горсовета. Собрание прошло вяло, а объяснялось это тем, что администрация завода никогда не проводила решения рабочих в жизнь: «Посещать собрания нам не интересно, все равно наши постановления администрация не выполняет», – таково мнение большинства рабочих этого цеха. На этом же заводе в цехе паровых котлов из 200 человек на собрании присутствовало 60. Ни одного вопроса и ни одного выступления не было со стороны рабочих. На сталинградском лесозаводе №2 «Электролес» большинство рабочих считало, что перевыборы советов «есть повинность казенного порядка, от которой рабочим никакой выгоды нет». Рабочий шиферного цеха завода «Большевик» заявил о бесполезности посещения перевыборных собраний, так как «нас все равно не выберут, ибо у партии намечены уже заранее свои кандидаты». Аналогичные настроения отмечались на сталинград-

ском заводе ВКЛ и заводе им. К. Маркса в Астрахани [5, л. 11 об-12].

В обзоре «Политическое состояние Астраханского округа» за январь-март 1929 г. о ходе перевыборной кампании в горсовет Астрахани и районные советы отмечалось определенное недоверие к депутатам со стороны рабочих. Рабочий-грузчик Сдобнов в ходе собрания заявил: «Довольно добавлять к наказу, так как горсовет все равно ничего не выполнит, поэтому многие и не пришли на собрание» [6, л. 43-44]. В большинстве случаев в состав членов горсовета и райсоветов избирались кандидаты, рекомендованные коммунистическими фракциями. Однако на некоторых собраниях имели место случаи выступления против рекомендательных списков и отдельных кандидатур коммунистов. Подобная ситуация произошла в Астрахани на собрании среди членов профсоюза строителей. 8 февраля рабочий Стасов высказался: «На что нам ваш список, выбранных заранее кандидатов? Мы здесь сами выберем из присутствующих, кого захотим!». Поднялся сильный шум и многие рабочие выкрикивали с места: «Не нужен ваш список, мы выберем своих». Выступающие с места рабочие обвиняли коммунистов в неумелом хозяйствовании, считая их виновниками продовольственных затруднений. Многие рабочие говорили о необходимости отводов кандидатур в горсовет и следующим образом охарактеризовали подготовительную работу по выдвижению кандидатов: «Собралась вчера эта шайка коммунистов, и выбрали в горсовет, а нам только поднимай руки. Мы не хотим, чтобы они были и надо голосовать за Милехина и Картошкина (оба рабочие-строители)» [6, л. 46].

Можно констатировать достаточно низкий уровень доверия со стороны рабочих по отношению к разным руководящим органам и власти в целом, которое можно подтвердить следующими высказываниями: «Мы утверждали, вносили предложения, только в центре все это к черту вычеркнул» (завод «Баррикады», Сталинград); «За каким чертом мы пойдем на собрание, время зря проводить, если наши постановления в жизнь не проводятся», «Хоть иди или не иди, все равно будет так, как они постановят» («Красный Октябрь», Сталинград); «Где же нам искать защиты, если сам союз тормозит», «Сколько мы не говорим, толку

не будет» (хлебзавод ЦРК, Астрахань)» [5, л. 4-4об]. Эти высказывания также косвенно характеризуют низкий уровень самоэффективности – все предложения рабочих не претворялись в жизнь.

Одной из нормативных форм влияния на руководящие структуры разных уровней, которую инициировала центральная власть, являлась самокритика. Однако и к этой форме у многих рабочих сформировалось недоверие. В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» за август 1928 г. отмечалось, что основным отрицательным моментом отношения рабочих к самокритике являлось неверие в безнаказанность тех, «кто будет критиковать», и опасения эти получали подтверждение. На петровском кирпичном заводе за сообщение инспектору труда поденным рабочим об отсутствии спецодежды, последнего администрация завода уволила. Особо пессимистические настроения наблюдались у рабочих на астраханских промыслах Гострыбтреста (ГТР): «Нас все равно не слушают», «Говорят нам, чтобы мы давали свое мнение, а потом плюют на наши заявления», «Рабочие два года говорят, что на промыслах бюрократы, пьяницы, растратчики и взяточники, а что сделано – ничего. ... А скажи наш брат что-нибудь, так сами же коммунисты тебе заткнут рот, и не пикнешь» [3, л. 32]. В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края» за ноябрь 1928 г. приводился конкретный пример. Рабочий-металлист саратовского трампарка рассказал следующий случай: «Станем говорить что-нибудь, так тебя на заметку, а затем за ворота. Вот пример с контролером Сазоновым. Высказался на собрании не под диктовку, а как говорят рабочие, и его выбросили из предприятия». А среди рабочих завода «Красный Октябрь» (Сталинград) укоренилось мнение: «Мы рабочие слишком запуганы, чтобы критиковать свое начальство» [4, л. 5].

Если же рабочие осмеливались открыто критиковать политику центральной власти, то их ожидали репрессии со стороны правоохранительных органов. 30 октября 1930 г. на общем собрании рабочих Госхолодильника (Астрахань) при обсуждении финансовых трудностей рабочие Доброквашин и Рогов выступили с резкой критикой партии и правительства. Доброквашин заявил: «Я не согласен

с политикой партии, рабочих обманывают, а трудовая дисциплина низкая, потому что рабочие не видят перед собой перспективы». Рогов поддержал Доброквашина: «Проводимая сейчас политика партии неверна. В 1925 г. мы жили хорошо, но благодаря козням Сталина в партии получился раскол, выжили Троцкого и теперь с каждым днем все хуже». В заключение Рогов сказал: «Требуем немедленно выплатить зарплату или же мы все бросим работу». Характерно, что большая часть рабочих, присутствующих на собрании, сочувствовала Рогову и Доброквашину. Предложение об осуждении подобных выступлений и о снятии их с производства было провалено, так как большинство рабочих проголосовало против этого. Однако чуть позже Рогова и Доброквашина арестовали [7, л. 357].

Негативные последствия, которые наступали вслед за открытой критикой в адрес руководящих структур и власти, также способствовали развитию недоверия к политическим институтам и нормативным формам участия, и заставляли рабочих принимать пассивную или отчужденную позицию при нормативных формах коллективных действий. Это хорошо иллюстрирует следующий пример. В октябре 1930 г. на общем собрании рабочих Болдинских промыслов (Астрахань) при обсуждении промфинплана никто из присутствующих не высказался после основного доклада. На вопрос председателя: «Почему молчите?», Ефимова (член ВКП(б)) ответила: «Я не знаю что говорить, выскажешь свое мнение, да еще попадешь в оппортунисты. На днях одной приварили за то, что высказала свои мысли» [7, л. 264].

В общем, низкий уровень доверия к политическим институтам, к власти и ее представителям, а также неэффективность нормативных форм коллективных действий подталкивали рабочих к осуществлению ненормативного протестного поведения. К тому же Е.Р. Агадулина отмечает, что если первичные действия группы не имели успеха, представления о групповой эффективности начинают снижаться, что приводит к дальнейшему предпочтению ненормативных форм коллективных действий [1, с. 47].

По мнению И.В. Шильниковой, в годы реализации первого пятилетнего плана забастовочное движение было не только не менее, но

даже более активным, чем в период дореволюционной российской индустриализации [30, с. 87]. В 1928 г. органы ОГПУ зарегистрировали 940 забастовок, в 1929 г. – 820, а за первые пять месяцев 1930 г. – 206 забастовок [30, с. 82].

Ненормативные формы протеста рабочих на рубеже 1920-х – 1930-х гг. отмечались и в Нижневолжском регионе. 1 октября 1930 г. на промысле артели «Оборот» (Астрахань) группа рабочих в количестве 8 человек по причине не выплаты зарплаты бросила работу по выгрузке рыбы. 21 октября 1930 г. на лесозаводе №6 (Астрахань) в связи с невыплатой зарплаты на работу не явилось 12 человек [7, л. 356]. 29 октября 1930 г. после обеда группа каменщиков бондарного завода ГРТ (Астрахань) в количестве 53 человек бросила работу, мотивируя отказ невыдачей зарплаты. Горбунова – работница Консервного завода (Астрахань), в связи с несвоевременной выдачей зарплаты вела агитацию среди работниц: «Раз денег не дают, нечего на работу выходить». 30 октября 1930 г. из-за несвоевременной выплаты зарплаты не вышли на работу 10 человек этого предприятия, в том числе и Горбунова [7, л. 340].

Иногда протестующие добивались своих требований. 11 ноября 1930 г. артель плотников Трусовского промысла ГРТ (108 чел.) выбрала делегатов Павлова и Кривдина и послала их с наказом: «Требуйте зарплату, и скажите, что если не выдадут, то работу прекратим». Трест удовлетворил требование и выплатил аванс в сумме 3 200 рублей [7, л. 403]. В спецсводке №24 Астраханского оперсектора ОГПУ отмечалось, что артель плотников завода им. Сталина (38 человек) подали 15 сентября 1932 г. заявление в фабзавком, из которого следовало, что артель не выйдет на работу, если не выдадут задолженность по зарплате. 21 сентября 36 человек из этой артели не приступили к работе. Только после того, как плотникам выдали по 10 рублей и талоны на питание в кредит, артель приступила к работе» [10, л. 443].

Однако далеко не всегда протестные действия оканчивались выполнением требований рабочих. Можно согласиться с И.В. Шильниковой, что забастовки были достаточно краткосрочны по времени – в основном один день, к тому же хозяйственные и партийные

организации быстро включались в конфликт, стремясь снизить градус напряжения разъяснениями и убеждениями, что часто давало положительный эффект и позволяло возобновить работу, не дожидаясь удовлетворения требований [30, с. 86].

В последнем примере артель плотников завода им. Сталина получила по 10 рублей и талоны на питание, хотя требовали выплату всей задолженности по зарплате, проявив настойчивость в неоднократных беседах с директором завода, секретарем заводской ячейки ВКП(б) и начальником цеха, которые обещали им погасить долги в обеденный перерыв. Плотники возмущались: «Жрать нечего, семья голодает, больше существовать не на что, а нас кормят обещаниями и считают забастовщиками» [19, л. 321], «Когда же нас перестанут обманывать и выдадут деньги?», «Мы говорим одно, а думаем совсем другое, ведь должны же понять, что на голодном рабочем далеко не уедешь» [19, л. 322]. Реплики плотников подтверждают низкий уровень доверия со стороны рабочих по отношению к представителям руководящих структур, которые часто их обманывали, не выполняя данных обещаний, даже в ходе протеста при разрешении конфликтных ситуаций.

Стоит отметить, что практически все протестные выступления фиксировались в сводках ОГПУ и по некоторым участникам коллективных протестных действий в дальнейшем принимались решения об их наказании. Например, рассматриваемую нами забастовку артели плотников завода им. Сталина, следствие ОГПУ определило как антисоветское выступление, а ее организаторов привлекли к уголовной ответственности. Аналогичную антисоветскую характеристику получил, рассмотренный нами выше, конфликт работниц болдинских промыслов в Астрахани. Ряд высказываний рабочих также подтверждает проведение репрессии в отношении участников протеста. В октябре 1930 г. в ходе собрания на Муфлонном заводе (Астрахань) рабочие узнали о возможном понижении зарплаты и заявили, что работать в таких условиях не собираются и уйдут с завода. Выступающий рабочий Турасов, который на предложение директора завода высказаться рабочим, а не выкрикивать с места, сказал, что говорить бояться, «так как всех застращали – скажешь, а потом тебя за это и

потянут» [7, л. 262]. В марте 1933 г. на заводе им. III Интернационала (Астрахань) в ходе собрания токарь Пиньков высказался: «Вы товарищи как в рот воды набрали. Хотя я думаю, и все так думают, что сейчас скажи, а завтра придут и заберут» [20, л. 81].

В общем, можно констатировать, что эффективность коллективных протестных действий была относительно низкой. Рабочие редко добивались полного удовлетворения своих требований, к тому же активные участники протеста подвергались репрессиям, а сами протестные выступления часто характеризовались как антисоветские. Стоит отметить, что представители других социальных и профессиональных групп советского общества в своих оценочных суждениях отмечали общую пассивность коллективных действий рабочих. Инженер технического бюро завода им. Ленина (Астрахань) недоумевал: «Вот карточки хлебные отбирают, как жить будем? Как рабочие на это посмотрят? Когда их дома начнут тормозить семьи, пожалуй, тогда они не вытерпят и чего-нибудь скажут» [20, л. 53]. Уборщица этого же предприятия недоумевала: «Не понимаю, почему рабочие молчат, когда у них отнимают последний кусок хлеба. Теперь членам семьи убавили паек, а с 15-го вовсе не дадут» [20, л. 53]. Продавец промтоварного магазина возмущался: «Вот дожили, хлеба в столовой нет, и по карточкам убавили. Дураки рабочие, если будут молчать... бунт надо делать» [11, л. 5]. В итоге рабочих не смогли растормозить дома, они не подняли бунт и в подавляющем большинстве смолчали. Одну из причин низкой эффективности активного протеста назвал котельщик завода им. III Интернационала (Астрахань): «Нужно послать своих жен к власти просить хлеба, а то у нас нет организованности» [20, л. 29]. К отсутствию должной сплоченности и организованности пролетариата следует еще добавить страх наказания за участие в протесте и определенную слабость в отстаивании своих требований и достижения цели в ходе самого протестного выступления. При этом все три причины взаимосвязаны, а их итогом явилась низкая эффективность активных ненормативных форм коллективных действий рабочих.

Сложившаяся экономическая конъюнктура – большое количество строек и введенные в строй новые предприятия, требующие

массовую рабочую силу – способствовала появлению неактивной формы коллективных протестных действий, которая была связана с горизонтальной социальной мобильностью. В июле 1930 г. на заводе им. К. Маркса (Астрахань), вследствие низких расценок около двадцати человек строителей-каменщиков бросили работу и ушли с предприятия. В судоремонтных мастерских «Золотого затона» десять человек строительных рабочих также ушли с производства [7, л. 24]. 15 октября 1930 г. в ходе собрания на Муфлонном заводе (Астрахань) рабочие узнали о возможном понижении зарплаты, а 16 октября 30 рабочих, преимущественно из крестьян, подали заявление об увольнении и ушли с завода [7, л. 262]. В 1933 г. рабочий завода им. III Интернационала (Астрахань) высказался в кругу коллег: «Нужно бежать с завода, так как наш труд на заводе не ценят, работаем за копейки. Если не будут давать расчет добровольно, то нужно прогулять один день и тебя уволят за прогул» [20, л. 115]. Многие рабочие в поисках лучших бытовых условий, более качественного снабжения и большей зарплаты переезжали со стройки на стройку и с предприятия на предприятие. Несмотря на введение института прописки и ужесточение трудового законодательства «борьба с летунами» велась на протяжении всех 1930-х гг.

Заключение

Воспринимаемая несправедливость, социальная идентичность и эффективность группы являются взаимосвязанными предикторами [1, с. 47]. Анализ предикторов протестного поведения показал, что рабочие часто отдавали предпочтение решению проблем, ненормативным формам протеста (забастовкам и т.п.), что подтверждается статистическими сведениями и многочисленными примерами из сводок ОГПУ.

С одной стороны, анализ предиктора воспринимаемой несправедливости, чему была посвящена первая статья [25], показал высокую готовность рабочих к коллективным протестным действиям. Несмотря на то, что на протяжении конца 1920-х – 1930-е гг. шел процесс формирования нового социального состава рабочих, все же многие

«новые рабочие» самоидентифицировали свой социальный статус как рабочих, т.е. эти люди в группе в большинстве ситуаций рассматривали себя именно как членов этой группы. Участники, которые сильно идентифицируются с социальной группой или движением, чаще выбирают ненормативные формы протеста, а с невысокой идентификацией останавливаются на мягких и нормативных формах [2, с. 135]. О частом выборе рабочих в пользу ненормативных форм протеста говорит и предиктор самоэффективности. При его анализе зафиксирован низкий уровень доверия рабочих к политическим институтам, представителям руководящих структур и власти в целом.

С другой стороны, формирующаяся социальная группа рабочих была еще неустойчивой, а социальная идентичность влияет на коллективные действия, если она является устойчивой [1, с. 42]. Состоящие во многом из только что оторвавшихся от «земли» и бежавших от коллективизации и раскулачивания крестьян, «новые рабочие» не обладали устойчивой социальной идентичностью, с которой часто связаны сила единства и организованность. Поэтому участников протеста характеризовало отсутствие стойкости и упорства в достижении поставленной цели, а отсюда – кратковременность забастовок.

Все это вместе сказывалось на низкой эффективности ненормативных коллективных протестных действий. Если же протестное поведение не будет восприниматься как эффективный способ решения проблем, даже сильная идентификация с группой не приведет к протесту, в этом случае группа вероятнее всего будет выбирать неконфронтационные способы для решения сложившихся проблем [2, с. 135]. К этому стоит добавить высокие издержки, в виде репрессий активных участников протеста, которые перевешивали ожидаемые выгоды, что также сказывалось на желании многих рабочих принимать участие в коллективных протестных действиях.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что, несмотря на большое количество зафиксированных ненормативных форм активного протестного поведения, в первую очередь забасто-

вок, анализ предикторов коллективных действий показал слабый потенциал рабочего протеста в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Многие рабочие все больше занимали пассивную или отчужденную позицию, а для разрешения своих социальных проблем все чаще выбирали не активный протест, а неконфронтационную горизонтальную мобильность.

Список литературы

1. Агадулина Е.Р., Коллективные действия: предикторы и модели // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. №3. С. 42-50.
2. Агадулина Е.Р., Ловаков А.В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. Том 2. №4. С. 131-138.
3. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 60.
4. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 62.
5. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63.
6. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 74.
7. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 110.
8. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 112.
9. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 132.
10. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 151.
11. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 177.
12. Богданов С.В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930-1950-х гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. №1. С. 58-82.
13. Борисова Л.В. Трудовые конфликты в Советской России (1918 – 1924 гг.) / Л.В. Борисова. М.: Собрание, 2006. 288 с.
14. Боффа Дж. История Советского Союза. Т.1. М.; Междунар. отношения, 1990. 628 с.
15. Вдовин А. И. Рост рабочего класса СССР. 1917-1940 гг. / А.И. Вдовин, В.З. Дробижев. М.: Мысль, 1976. 264 с.
16. Государственный архив Астраханской области (ГААО). П. 6. Оп. 1. Д. 57.

17. ГААО. П. 6. Оп. 1. Д. 59.
18. ГААО. П. 6. Оп. 1. Д. 67
19. ГААО. П. 20. Оп. 1. Д. 25.
20. ГААО. П. 20. Оп. 1. Д. 29.
21. Камардин И.Н. Рабочий протест в Поволжье в 1919-1920 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №22 (165). Выпуск 28. С. 134-140.
22. Красильников С.А. От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // ЭКО. 2017. №1. С. 176-189.
23. Профсоюзная перепись 1932-1933 гг. М., 1934.
24. Статистический справочник. Нижняя Волга 1929-33 гг. М., 1934.
25. Тюрин А.О. Предикторы рабочего протеста в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции (на материалах Нижневолжского региона) // Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 10. С. 2047-2052.
26. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2001. 336 с.
27. Чолахян В.А. Социальные аспекты становления и развития мобилизационной экономики Нижнего Поволжья в 1920-1930-е гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 138-146. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/097.pdf (дата обращения: 12.02. 2022).
28. Чураков Д.О. Бунтующий пролетарий: рабочий протест в Советской России (1917-1930-е гг.) / Д.О. Чураков. М.: Вече, 2007. 352 с.
29. Шарошкин Н.А. Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917-1937 гг.) / Н.А. Шарошкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984
30. Шильникова И.В. Забастовки в советской промышленности в годы первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. №4. С. 80-89.
31. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм. 1917-1921 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1997. – 69 с.

References

1. Agadulina E.R., Kollektivnye dejstvija: prediktory i modeli [Collective actions: predictors and models]. *Social'naja psihologija i obshhestvo*, 2013, vol. 4, no. 3, pp. 42-50.
2. Agadulina E.R., Lovakov A.V. Protestnoe povedenie: individual'nye i grupповые factory [Protest behavior: individual and group factors]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*, 2013, vol. 2, no. 4, pp. 131-138.
3. *Arhiv Informacionnogo centra Upravlenija MVD Rossii po Astrahanskoj oblasti* [Archive of the Information Center of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Astrakhan Region] (AIC UMVD AO). F. 32. Op. 1. D. 60.
4. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 62.
5. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 63.
6. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 74.
7. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 110.
8. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 112.
9. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 132.
10. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 151.
11. AIC UMVD AO. F. 32. Op. 1. D. 177.
12. Bogdanov S.V. *Kollektivnye trudovye konflikty v SSSR v 1930-1950-h gg.: prichiny vozniknovenija, formy protekanija, sposoby razreshenija* [Collective labor conflicts in the USSR in the 1930s-1950s: causes of occurrence, forms of course, methods of resolution]. *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 58-82.
13. Borisova L.V. *Trudovye konflikty v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor conflicts in Soviet Russia (1918–1924)]. M.: Sobranie, 2006, 288 p.
14. Boffa Dzh. *Istorija Sovetskogo Sojuza* [History of the Soviet Union]. Vol. 1. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1990, 628 p.
15. Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. *Rost rabocheho klassa SSSR. 1917-1940 gg.* [Growth of the working class of the USSR. 1917-1940]. M.: Mysl', 1976, 264 p.
16. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GA AO)* [State Archive of the Astrakhan region]. P. 6. Op. 1. D. 57.

17. GAAO. P. 6. Op. 1. D. 59.
18. GAAO. P. 6. Op. 1. D. 67
19. GAAO. P. 20. Op. 1. D. 25.
20. GAAO. P. 20. Op. 1. D. 29.
21. Kamardin I.N. Rabochij protest v Povolzh'e v 1919-1920 gg. [Labor protest in the Volga region in 1919-1920]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*, 2013, no. 22 (165), issue 28, pp. 134-140.
22. Krasil'nikov S.A. Ot zabastovok k «volynkam»: rabochie protesty v sovetskoj strane 1920-h godov [From strikes to “bagpipes”: workers' protests in the Soviet country of the 1920s]. *JeKO*, 2017, no. 1, pp. 176-189.
23. *Profsojuznaja perepis' 1932-1933 gg.* [Trade union census 1932-1933] M., 1934.
24. *Statisticheskij spravocnik. Nizhnjaja Volga 1929-33 gg.* [Statistical handbook. Lower Volga 1929-33]. M., 1934.
25. Tyurin A. O. *Prediktory rabocheho protesta v SSSR v konce 1920-h – pervoj polovine 1930-h gg.: vosprinimaemaja nespravedlivost' i svjazannye s nej jemocii (na materialah Nizhnevolzhskogo regiona)* [Predictors of Workers' Protest in the USSR at the End of the 1920s – the Beginning of the 1930s: Perceived Injustice and Related Emotions (by the Materials of the Lower Volga Region)]. 2021, volume 14, issue 10, pp. 2047-2052.
26. Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod.* [Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSPJeN), 2001, 336 p.
27. Cholahjan V.A. Social'nye aspekty stanovlenija i razvitija mobilizacionnoj jekonomiki Nizhnego Povolzh'ja v 1920-1930-e gg. [Social aspects of the formation and development of the mobilization economy of the Lower Volga region in the 1920s-1930s.]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*, 2016, no. 1, pp. 138-146. https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/097.pdf

28. Churakov D.O. *Buntujushhij proletarij: rabochij protest v Sovetskoj Rossii (1917-1930-e gg.)* [The rebellious proletarian: workers' protest in Soviet Russia (1917-1930s)]. M.: Veche, 2007, 352 p.
29. Sharoshkin N.A. *Izmenenija v chislennosti i sostave rabochih Povolzh'ja v perehodnyj period ot kapitalizma k socializmu (1917-1937 gg.)* [Changes in the number and composition of workers in the Volga region during the transition period from capitalism to socialism (1917-1937)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1984.
30. Shil'nikova I.V. *Zabastovki v sovetskoj promyshlennosti v gody pervoj pjatiletki (po materialam informacionnyh obzоров i svodok OGPU)* [Strikes in the Soviet Industry during the First Five-Year Plan (Based on Information Reviews and Reports of the OGPU)]. *Jekonomicheskaja istorija*. 2016, no. 4, pp. 80-89.
31. Jarov S.V. *Gorozhanin kak politik. Revoljucija i voennyj kommunizm. 1917-1921 gg.* [City dweller as a politician. Revolution and war communism. 1917-1921]. SPb.: SPbGTU, 1997, 69 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тюрин Алексей Олегович, доцент, к.и.н., заведующий кафедрой истории России
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20А, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация
tualol1977@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexey O. Tyurin, associate Professor, Ph.D. in history, Head of the Department of Russian History
Astrakhan State University
20A, Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
tualol1977@yahoo.com
SPIN-code: 7022-2069
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1486-8658>

Поступила 15.02.2022

После рецензирования 21.02.2022

Принята 04.03.2022

Received 15.02.2022

Revised 21.02.2022

Accepted 04.03.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-37-53

УДК 008+304.44+93/94

АДЫГСКАЯ ДЖИГИТОВКА XIX – НАЧАЛА XXI ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.В. Юрченко

Обоснование. За последнее десятилетие неуклонно растет интерес, особенно малых народов, к своей национальной культуре, появилось много исследований по традиционному воспитанию и джигитовке адыгов. Объектом нашего исследования является адыгская джигитовка в научной литературе начала XXI вв. на русском и адыгском языках, опирающаяся на источники XIX – начала XXI вв., а предметом – элементы адыгской джигитовки, выявленные в данном библиографическом корпусе.

Цель исследования – выяснить степень изученности джигитовки у адыгов и составить список элементов адыгской джигитовки, известных на сегодняшний день.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили работы современных историков, филологов, лингвистов и педагогов, посвященные традиционному маскулинному адыгскому воспитанию – джигитовке. При анализе материала были использованы такие методы, как историко-системный при выявлении всего джигитовочного комплекса воспитания у адыгов и сравнительно-типологический метод для систематизации упражнений адыгской джигитовки, как вида боевого искусства.

Результаты. Из четырех элементов адыгской джигитовки за XIX – начало XXI в более всего известны упражнения джигитовки, относящиеся к боевому искусству. Меньше всего изучены методики физического воспитания мальчиков у адыгов. Идеологическая и сакральная составляющая маскулинного воспитания у адыгов описываются на основе Нартского эпоса, а также известны благодаря частичной десаκραлизации тайных знаний учеными-ады-

гами (Б.Х. Бгажноков, М.Г. Куек, А.С. Куек), носителями данной культуры. Состав упражнений джигитовки, как вида боевого искусства, характеризуется такими свойствами: слабо развит комплекс «акробатических» упражнений; много вариантов стрельбы по различным мишеням; Две или три традиционные тактики ведения боя; несколько испытаний для коня, практического и сакрального назначения.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы для возрождения джигитовки адыгов, как части национального спортивного воспитания и сохранения нематериального культурного наследия Северного Кавказа.

Ключевые слова: этноспорт; джигитовка; адыги; Северный Кавказ

ADYGHE RIDING OF THE XIX – EARLY XXI CENTURIES IN MODERN HISTORIOGRAPHY

N.V. Yurchenko

Background. For the last ten years small nations start to interest in their national culture. Many researches on adygs traditional upbringing and dzhigitovka appear. The object of research is adyg dzhigitovka described in scientific literature at the beginning of XXI century in Russian and adyg languages, which is based on XIX-beginning of XX century historical sources. The subject of research is the elements of adyg-dzhigitovka found in published materials.

Purpose. The aim of the research is to determine research degree of adyg dzhigitovka and to generate a list of today known elements of adyg dzhigitovka.

Materials and methods. Works of modern historians, philologists, linguists and educators on dzhigitovka, which is an element of traditional adyg masculine upbringing, are the materials for researching. We use historical and systematic method for determining complete adyg dzhigitovka upbringing complex and we also use the compara-

tive and typological method for systemizing elements of adyg dzhigitovka as a martial art.

Results. *For XIX–XXI centuries adyg dzhigitovka consists of four elements. The most known are those related to martial art. The less known are methods for boys physical training. Ideological and sacral parts of adyg masculine upbringing is known from Nartskii epos. And it is also known since adyg scientists Bgazhnokov B.Kh., Kuek M.G. and Kuek A.S., who are culture-bearers, partly desacralize it. Dzhigitovka as a martial art contains many variants of target shooting and a little acrobatic elements. Also there are two or three traditional battle tactics and some horse tests including practical and sacral ones.*

Practical implications. *The results of investigation can be used for reviving adyg dzhigitovka as a part of national athletic upbringing and for saving immaterial cultural heritage of the North Caucasus.*

Keywords: *Ethnic sport; dzhigitovka; Adygs; North Caucasus*

Введение

Сегодня в мире происходят два взаимоисключающих процесса – глобальной унификации и поиска национальной идентификации. Первый помогает упростить процесс межкультурной коммуникации, а второй – определить и сохранить свою самость для каждого этноса. В связи с этим за последние время неуклонно растет интерес, особенно малых народов, к своей национальной культуре.

За последнее десятилетие появилось много исследований по культуре, традиционному воспитанию и джигитовке адыгов. Предшествующий период интереса к этносport уадыгов можно определить 70-80 гг. XX века, и незначительно началом 90-х. Авторы 70-80-х гг. XX века опираются на исследования начала XX века, т.н. дореволюционные издания, а те, в свою очередь, на сообщения участников Кавказской войны с начала XIX в., а также несколько обобщающих трудов 70-80-х гг. XIX в., подводящих итоги присоединения Кавказа к России. Надо также отметить, что исследования XIX – начала XX веков принадлежат в основном военным. В 70-80-е гг. XX века

изучением адыгов занимались этнографы, филологи и искусствоведы. В начале XXI века – это в основном педагоги, фольклористы и культурологи.

Таким образом, хронологические рамки нашего исследования вынужденно ограничиваются двумя веками – с начала XIX по начало XXI. Это, безусловно, не говорит об отсутствии у адыгов джигитовки до указанного периода.

Объектом нашего исследования является адыгская джигитовка в научной литературе начала XXI вв. на русском и адыгском языках, опирающаяся на источники XIX – начала XXI вв. А предметом – элементы адыгской джигитовки, выявленные в данном библиографическом корпусе. Цель исследования – выяснить степень изученности джигитовки у адыгов и составить список элементов адыгской джигитовки, известных на сегодняшний день.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили работы современных историков, филологов, лингвистов и педагогов, посвященные традиционному маскулинному адыгскому воспитанию – джигитовке.

Из четырех элементов адыгской джигитовки за период XIX – начало XXI вв. более всего известны боевые упражнения джигитовки, где преобладает стрельба по различным мишеням, присутствуют тактики ведения боя и испытания коня, но комплекс «акробатических» упражнений развит слабо. Меньше всего изучены методики физического воспитания. Идеологическая и сакральная составляющая маскулинного воспитания у адыгов описываются на основе Нартского эпоса, а также известны благодаря частичной десакрализации тайных знаний учеными-адыгами (Бгажноков Б.Х., Куек М.Г., Куек А.С.), носителями данной культуры.

При анализе материала были использованы такие методы как историко-системный при выявлении всего джигитовочного комплекса воспитания у адыгов и сравнительно-типологический метод для систематизации упражнений адыгской джигитовки, как вида боевого искусства.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день слово джигитовка имеет несколько значений. Первое – акробатика на скачущей галопом лошади по прямой или по кругу. Второе – спортивная дисциплина, включающая в себя кроме акробатики также владение шестью видами оружия. Третье – боевое искусство казаков. Четвертое – боевое искусство кочевников Великой Степи и народов Кавказа. Пятое – комплекс маскулинного воспитания у кочевников Великой Степи и народов Кавказа, направленный на подготовку полноценного члена общины, прохождение юношей обряда инициации и последующее создание семьи.

Национальная джигитовка, в нашем случае адыгская, соответствует пятому из приведенных значений. Поскольку речь идет о комплексе маскулинного воспитания, еще и связанного с обрядом перехода, то он включает в себя ряд боевых и спортивных упражнений, а также обучение социальному поведению и сакральную составляющую.

Мужские доблести у адыгов

С рождения и до четырех, максимум семи лет, мальчики воспитывались женщинами вместе с девочками. Разные исследователи констатируют отличные возрастные периоды в жизни мужчин (С.Х. Мафедзев 7-15 лет, 15-25, 25-35, 35-45 лет; В.К. Гарданов до 6-8, до 10-12, до 14-16; Л.Х. Урусова до 10-12, до 14-15, до 16-18) [15, с. 223]. С указанного выше возраста мальчики переселялись на мужскую половину. Там мальчики учились правильному поведению в мужском коллективе и за его пределами [6, с. 55-56]. Для этого в традиционных гостиных *хьакIэц* они слушали песни о Нартах [7, с. 44-45; 8, с. 23]. Певцы-*джегуакIо* обычно присутствовали на праздничных ристалищах и ходили с воинами в походы. После, всегда слагали песни о том, что видели. Самым страшным для адыга было попасть в песню в образе труса [5, с. 49; 11, с. 60]. Таким образом, певцы корректировали поведение мальчиков и взрослых мужчин. Главной доблестью для адыга считалась способность тер-

петь любое мучение-испытание *штэпкэ* [7, с. 44; 8, с. 23]. Вторая доблесть – любовь к Родине [5, с. 49]. Обряд инициации юноши проходили только в военном походе – наездничестве *зекло*, где демонстрировали все свои умения и доблести. Но и прошедшие этот обряд должны были постоянно состязаться друг с другом. А также было обязательно вызывать на поединки противников для выявления лучшего воина [7, с. 46; 9, с. 128; 11, с. 62]. Феноменом адыгско-го наездничества также является предпочтение гибели с честью во время похода, чем получение богатой добычи [7, с. 47].

Сакральная составляющая джигитовки

Мы видим у адыгов типичный мужской союз со своими внутренними, отличными от всей общины правилами. Как во всех мужских союзах правила поведения подкреплялись ритуальными действиями. Отправляясь в поход, адыги обязательно устраивали прощальную трапезу, после которой шло гадание на *блэбгьу* (бараньей лопатке) или *кIэн* (альчике). В случае неудачного гадания, поход могли отменить [7, с. 45-46; 8, с. 27; 9, с. 128]. По возвращении из похода, воины обязательно приносили дары священному дереву. Вешали на дерево кольчуги, мечи, позже ленты или кусочки цветных тряпок [8, с. 27; 11, с. 62-63]. Покровителем наездничества-*зекло*, был походный бог *Зекухт*. Он «сопровождал» адыгов с первой посадки на коня в возрасте 3-5 лет и до конца жизни. Второй бог, покровительствующий мужчинам, был *Шыузэрещ* – бог всадников [7, с. 45; 11, с. 61, 64]. Готовый, совершенный всадник получал название *шыухъазыр*. Настоящий *шыухъазыр* умел заставить коня танцевать по кругу священный танец *удж*, посвященный солнцу. В исполнении коня со всадником этот танец назывался *Шыгъэудж* [7, с. 45; 8, с. 25; 9 с. 127-128; 11, с. 62]. Адыги устраивали состязания в ловкости не только во время прохождения обряда инициации, но и при других обрядах перехода, таких как свадьба или похороны. В XIX-XX веках также зафиксированы состязания при всех аграрных праздниках [14, с. 84] и у священных предметов [3, с. 51].

Физическая подготовка адыгов

Физическая подготовка будущего адыгского война разделялась на три этапа. С 5-7 до 10-12 лет, до 14-16 и до 16-18 [15, с. 223]. Первый этап был связан с переводом мальчика на мужскую половину и покупкой ему комплекта маленького, под размер, оружия: холодного, огнестрельного и лука со стрелами [10, с. 139-140; 15, с. 223; 16, с. 51]. Кроме тренировки с оружием мальчик проходил обучение верховой ездой на взрослой опытной лошади. Владению оружием и верховой езде на этом этапе он обучался отдельно. Обучение джигитовке происходило без лошади. Для этого в каждом селении существовал столб высотой около 2-х метров с рогатиной наверху на подобие полочного седла. Мальчики взбирались на этот столб, не прикасаясь к нему туловищем и там тренировали элементы джигитовки [8, с. 24; 11, с. 61-62]. Кроме этого, мальчики приобщались к мужскому труду, который естественным образом состоял из комплекса упражнений. Мальчики поднимались в гору и спускались с нее, а также лазали по скалам вверх и вниз. Они перепрыгивали через поваленные деревья, овраги и ручьи, преодолевали речки и ущелья по тонким бревнышкам. У адыгов насчитывается большое число детских подвижных игр таких как борьба, состязания в прыжках, метание камня, лазание по канату и др. [5, с. 49; 6, с. 59; 9, с. 127; 12, с. 27; 15, с. 224; 16, с. 51].

В 12-14 лет все мальчики участвовали на праздниках в гладких скачках на 3-5 км. Всю дорогу они ехали стоя на стременах, для этого у седла заранее убирали подушку. С этого возраста начиналось соединение навыков владения оружием с верховой ездой, то есть обучение полноценному боевому искусству – джигитовке в ее третьем значении [5, с. 48; 14, с. 88; 15, с. 224-225].

С 16-18 лет юноши отправлялись в поход, чтобы стать полноценными членами общины, о чем уже было сказано. В этот период большое внимание уделяется их этическому воспитанию [15, с. 225]. Но они продолжают тренировать свое тело, принимая участие в различных взрослых состязаниях.

Упражнения джигитовки у адыгов с оружием и без

Они выполнялись в огороженном коридоре или без ограждения. Огороженный коридор был длиной 20-30 метров, шириной 3-4 метра [4, с. 103]. В эти упражнения входят:

1. Поднимание предметов с земли. На состязаниях адыги-джигиты поднимали монету с земли, монету с расстеленного платка, папаху, яйцо, не раздавив с небольшого возвышения над землей (столбика, холмика), три воткнутые в землю палки, по высоте ниже живота лошади. Предмет нужно было поднять и сохранить в руке или кинуть зрителям [1, с. 20; 2, с. 14; 4, с. 103; 14, с. 85-86].

2. Прыжки с коня и запрыгивание обратно. Существует классический вариант исполнения этого упражнения. Всадник спрыгивает с левой стороны коня, держась правой рукой за переднюю луку седла, бежит несколько метров рядом с конем и запрыгивает обратно в седло. Еще один вариант – перепрыгивание с лошади на лошадь. Самым сложным вариантом исполнения было спрыгивание с коня назад. Затем всадник бежал несколько метров, держа коня за хвост, ускоряется и запрыгивает на седло через круп [1, с. 20; 7, с. 24; 14, с. 87].

3. Преодоление препятствий. Прыжки через бурку, которую скручивали и растягивали два человека на высоте 1-1,5 метров от земли. Прыжки через горящее препятствие – обычный костер. Прыжки через закрытые ворота. Ритуальное действие на свадьбе, прежде чем пропустить через ворота повозку с невестой [1, с. 19; 14, с. 86].

4. Езда, стоя на седле. Встречается в комплексе упражнений. Стрельба с коня из положения стоя на седле, после выстрела переход в стойку вниз головой [1, с.22; 2, с. 14].

5. Езда, стоя вниз головой. Как самостоятельное упражнение и как часть, описанного выше [2, с.14].

6. Пролаз под животом коня [1, с.22].

7. Подсечка. Ложное убийство лошади. По команде всадника, лошадь на всем скаку падала и притворялась мертвой до следующей команды всадника [1, с.22]. Возможно, что использовались штра-

баты, но в описании они не указаны. (Штрабаты – тонкие ремни с петлей, которые одеваются на передние ноги лошади. Другие концы всадник держит в руках. В нужный момент всадник дергает за эти ремни, и лошадь падает.)

8. Похищение человека. Всадник подъезжал к толпе зрителей, хватал самую красивую девушку: сажал ее на коня и делал вид, что ее крадет [1, с.23; 2, с. 116; 10, с. 140; 14, с. 86].

9. Проход (шудэч). Зрители, образовывали узкий коридор, шириной около 1,5 метров длиной 30-50 метров. Всадник должен был очень быстро проскакать через коридор, остановить коня, развернуться и проскакать обратно [1, с.21; 14, с. 86].

10. Разбивание яиц конем. Для всадников выстраивалось несколько яиц в вертикальном положении, которых надо было разбить ногой коня [1, с.24].

11. Джигитовка-гарцевание. Танец на коне *Шыгъэудж*. Конь двигался по кругу перекрещивая ноги и качая в такт музыке головой [1, с. 24 и др.]. (Возможно это элемент – принятие, уступка шенкелю или менка ноги в один темп).

12. Стрельба с коня из ружья. Варианты мишеней.

- Наперсток. Вешался на иголку, воткнутую в кусок мягкого дерева. Высота, на которой все это устанавливалось не известна [1, с. 23; 16, с. 50].

- Иголка и нитка. Иглу с ниткой втыкали в деревянный шест с развилиной. Проскакивая под ним, наездники стреляли. Надо было стрелять по нитке, а не по игле, разорвать нитку, и на полном скаку подхватить падающую иглу полый своей бурки [1, с. 24].

- Шашка. Втыкалась в землю на расстоянии 12-13 метров острием в сторону стреляющих. Всадник направлял коня галопом в сторону шашки и стрелял. Если попадал правильно, то шашка падала [1, с. 24].

- Шапка. Шапку клали на землю и по ней стреляли на полном скаку. Ружье нужно было расчехлить уже на галопе. Второй вариант. Подобрать шапку с земли, подбросить в воздух, расчехлить ружье, выстрелить, поймать шапку [1, с. 24; 14, с. 84].

- Яйца. По информации одного из источников яйца располагались на земле. Второй вариант, подвешивались над всадником высоко на палке. Стреляли в такую мишень лежа, запрокинувшись на спину лошади [1, с. 24; 2, с. 115-116, 117; 4, с. 104; 14, с. 87].

- Шесты. Тонкие шесты устанавливались на расстоянии 10-15 метров. Их нужно было срезать пулей [4, с. 103-104].

- Толстая доска поднятая высоко на шесте *Къэбэкъ*. Во время праздника по поводу окончания сева, называвшегося также *Къэбэкъ*, на шест привязывали разные предметы, кто попадал в них, забирал свой трофей. Стрелять надо, наклонившись в правую сторону из-под левой руки. Кроме ружья стреляли из пистолета и лука [1, с. 23; 4, с. 104; 6, с. 59; 14, с. 84].

13. Рубка шашкой. На прямой линии устанавливались 10-15 столбиков высотой около 1 метра с привязанными к ним прутиками высотой до 1,5 метров. Расстояние между столбиками было около 5 метров. Всадник должен был змейкой проскакать через эти столбики, нанося удары шашкой направо и налево [4, с. 103-104].

14. Борьба за флаг. Один всадник выезжает с флагом на большой скорости, призывая тем самым товарищей флаг отнять. Борьба происходит до тех пор, пока на древке остается хотя бы кусок полотнища. Играют на празднике «Возвращения пахарей» и на свадьбах. На тризне гоняются не за флагом, а за покрывалами на посвященных покойнику конях [14, с. 85, 87].

15. *Пылэ зэфлэхь* Борьба за шапку. Игроки делятся на две группы и пытаются у противников скинуть шапки. Побеждает тот, у кого больше осталось игроков в шапках. Обычно играют на свадьбе [14, с. 86].

16. *Шуклансэршэ*. Специфическая техника ведения боя. Условно можно перевести как растягивание всадников в веревку. Существует два варианта исполнения. Первый вариант: всадник имитирует бегство от своих противников, заставляя их нарушить собственный строй и растянуться в линию. Затем всадник неожиданно останавливается и начинает рубить шашкой по одному подъезжающих врагов. Второй вариант: растянув врагов в линию,

всадник не останавливается, но с двух сторон на линию нападают другие адыги [1, с. 21-22].

17. Приемы атаки на каре пехотинцев. «Конная мельница»: всадники на всем скаку подъезжают к каре, стреляют, резко разворачиваются и скачут обратно, чтобы избежать ответного выстрела. Делают это все одновременно. «Конное сальто»: всадник разгоняет коня и на большой скорости врезается в каре неприятеля, жертвуя конем, который натыкался грудью на пики. Одновременно конь использовался и как щит и как трамплин, позволяя всаднику со своей спины перепрыгнуть через головы первых рядов пехоты. Цель всадника было убийство командира каре. В этой атаке не выживал ни конь, ни всадник. (Упражнения взяты нами из сведений о практическом применении, в праздничных мероприятиях не описывались) [13, с. 109].

18. Битва конных с пешими. Чаще всего на свадьбе. Жители деревни невесты с паками в руках пытаются задержать всадников из деревни жениха [2, с. 115; 10, с. 140; 14, с. 86].

Заключение

Из четырех элементов адыгской джигитовки, как комплекса маскулинного воспитания более всего изученными оказались упражнения джигитовки, относящиеся непосредственно к боевому искусству. Видимо, это связано с их зрелищностью, и отдельным вниманием к ним всех некавказских народов, изучающих культуру адыгов. Слабее всего представлены методики физического воспитания мальчиков у адыгов. Даны только цели воспитания разных возрастов. Это возможно объяснить отсутствием фиксации этих методик в как в самой адыгской среде, так и недоступностью их из-за определенной сакральности воспитания для инородцев. Идеологическая и сакральная составляющие маскулинного воспитания у адыгов изучена на основе Нартского эпоса и десакрализации тайных знаний учеными-адыгами, как носителями данной культуры.

Состав упражнений джигитовки, как вида боевого искусства, говорит о слабом развитии в ней «акробатических» упражнений.

Основное внимание уделялось стрельбе по различным мишеням из разных положений. Тактические приемы ведения боя разнообразны. Их около трех вариантов. Адыги много внимания уделяли подготовке коня, но испытания для него также не разнообразны: два вида проверки его боевых и скоростных качеств и два вида дрессуры, один из которых имеет не столько практическое, сколько ритуальное применение.

Список литературы

1. Бгажноков Б.Х. Черкесская джигитовка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2014. № 4 (23). С. 18-25.
2. Бгажноков Б.Х. Черкесская свадьба воспоминания армянского миссионера (Из журнала «Etudes». Paris, 20 Novembre. 1907. pp. 571–589) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2013. № 1 (20). С. 110-120.
3. Дзуганова Р.Х. Топонимические термины в адыгском Нартском эпосе // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 1 (40). С. 44-51. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-44-51
4. Козлова Н.Ш., Козлов Р.С. Гармоничное развитие личности на примере конных игр адыгов // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее. Материалы региональной конференции. Иркутск, 2019. С. 102-105.
5. Костылев С.В. Воинский культурный комплекс как фактор проявления менталитета адыгского этноса в современных условиях // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 9. С. 47-51.
6. Кудзаева А.Г., Бекоева Е.Д. Влияние воспитательного опыта адыгских народов на формирование просвещения в Северо-Кавказском регионе на рубеже XVIII–XIX столетий // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 3. С. 53-60.

7. Куек А.С. Мотивы в мифоэпической традиции адыгов (черкесов) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2017. № 11 (35). С. 40-48.
8. Куек А.С. Наездники Зекуатха // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2014. № 5 (29). С. 22-35.
9. Куек А.С. Отражение мотива наездничества в мифопоэтике и феодальном эпосе адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 1 (172). С. 125-131.
10. Куек А.С. Философия единоборства в историко-фольклорной парадигме этноса // Этнофилософия адыгов: от мифа к логосу. Материалы Круглого стола, посвящённого 75-летию доктора философских наук, профессора Ханаху Руслана Асхадовича. Майкоп, 2016. С. 138-159.
11. Куек М.Г., Куек А.С. Культ коня и мотив наездничества в адыгской мифопоэтике // Язык, история, литература как фактор устойчивого развития общества. Материалы Международной научно-практической конференции (к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа, писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова). Магас, 2018. С. 59-65.
12. Мирза М.Ю., Ельникова О.О., Сидоров В.И., Чувакин А.Л., Тугаришев А.К. Предпосылки формирования системы физического воспитания адыгов // *Magyar Tudományok Journal*. 2020. № 46 (46). С. 25-27.
13. Остахов А.А. Кризис ударной мощи горцев в эпоху кавказской войны: на примере черкесов // Археология и этнология Северного Кавказа. 2016. № 6. С. 106-111.
14. Унежев К.Х., Бароков Э.А. Место конноспортивных игр в военной культуре адыгов (черкесов) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. № 5-2 (37). С. 84-89.
15. Урусова Л.Х. Система маскулинного воспитания в адыгской этнопедагогике // Вестник Костромского государственного университета.

Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 2. С. 222-227.

16. Чуяко А.Б. Отражение физического воспитания детей в адыгском фольклоре // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 20 (44). С. 49-52.

References

1. Bgazhnikov V.H. Cherkesskaja dzhigitovka [Circassian dzhigitovka]. *Vestnik Instituta guma-nitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*, 2014, no. 4 (23), pp. 18-25.
2. Bgazhnikov V.H. Cherkesskaj asvad'ba vospominanija armjanskogo missionera (Izzhurnalna "Etudes". Paris, 20 Novembre. 1907. P. 571–589) [Circassian wedding memoirs of an Armenian missionary]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respublikii Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 2013, no. 1 (20), pp. 110-120.
3. Dzuganova R.H. Toponimicheskie terminy v adygskom Nartsko mjepose [Toponymic terms in the Adyghe Nart epic]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, 2019, no. 1 (40), pp. 44-51. <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-1-40-44-51>
4. Kozlova N.Sh., Kozlov R.S. Garmonichnoe razvitie lichnosti naprimere konnyh igr adygov. [Harmonious development of personality on the example of equestrian games of the Adygs]. *Fizicheskaj akul'turai sport v structure professional'nogo obrazovanija: retrospektiva, real'nost' ibudushhee. Materialy regional'noj konferencii* [Physical culture and sport in the structure of vocational education: retrospective, reality and future. Materials of the regional conference]. Irkutsk, 2019, pp. 102-105.
5. Kostylev S.V. Voinskij kul'turnyj kompleks kak factor projavlenija mentaliteta adygskogo jetnosa v sovremenny huslovijah [The military cultural complex as a factor of manifestation of the mentality of the Adyghe ethnic group in modern conditions]. *Novaja nauka: Sovremennoe sostojanie i puti razvitiya*, 2016, no. 9, pp. 47-51.

6. Kudzaeva A.G., Bekoeva E.D. Vlijanie vospitatel'nogo opyta adygskih narodov na formirovanie prosveshhenija v Severo-Kavkazskom regione na rubezhe XVIII–XIX stoletij [The influence of the educational experience of the Adyghe peoples on the formation of education in the North Caucasus region at the turn of the XVIII–XIX centuries]. *Jekonomicheskiei humanitarnye issledovanija regionov*, 2015, no. 3, pp. 53-60.
7. Kuek A.S. Motivy v mifojepicheskoj tradicii adygov (cherkesov) [The influence of the educational experience of the Adyghe peoples on the formation of education in the North Caucasus region at the turn of the XVIII–XIX centuries]. *Vestnik nauki Adygejskogo respublikanskogo instituta humanitarnyh issledovanij imeni T.M. Kerasheva*, 2017, no. 11 (35), pp. 40-48.
8. Kuek A.S. NaездникиZekuatha [Riders of the Zekuath]. *Vestnik nauki Adygejskogo respublikanskogo instituta humanitarnyh issledovanij imeni T.M. Kerasheva*, 2014, no. 5 (29), pp. 22-35.
9. Kuek A.S. Otrazhenie motiva naездничества v mifopojetike i feodal'nom jepose adygov. [Reflection of the motive of horsemanship in the mythopoetics and feudal epic of the Adygs]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie*, 2016, no. 1 (172), pp. 125-131.
10. Kuek A.S. Filosofija edinoborstva v istoriko – fol'klornoj paradigme jetnosa [The philosophy of martial arts in the historical and folklore paradigm of the ethnos]. *Jetnofilosofija adygov: ot mifa k logosu. Materialy Kruglogo stola, posvjashhjonogo 75-letiju doktora filosofskih nauk, professora Hanahu Ruslana Ashadovicha* [Ethnophilosophy of the Adygs: from myth to logos. Materials of the round table dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philosophical Sciences, Professor Khanahu Ruslan Askhadovich]. Maykop, 2016, pp. 138-159.
11. Kuek M.G., Kuek A.S. Kul't konja i motiv naездничества v adygskoj mifopojetike [The cult of the horse and the motive of horsemanship in the Adyghe mythopoetics]. *Jazyk, istorija, literature kak factor ustojchivogo razvitija obshhestva. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (k 120-letiju so dnja rozhdenija uchenogo-kavkazoveda, pisatelja, perevodchika D.D. Mal'sagova)* [Language, history, literature as a factor in the sustainable development of society. Proceed-

- ings of the International scientific-practical conference (to the 120th anniversary of the birth of the Caucasian scientist, writer, translator D.D. Malsagov)]. Magas, 2018, pp. 59-65.
12. Mirza M. Ju., El'nikova O.O., Sidorov V.I., Chuvakin A.L., Tutarishev A.K. Predposylki formirovaniya sistemy fizicheskogo vospitaniya adygov [Prerequisites for the formation of the system of physical education of the Adygs]. *Magyar Tudományos Journal*, 2020, no. 46 (46), pp. 25-27.
 13. Ostahov A.A. Krizis udarnoj moshhi gorcev v jepohu kavkazskoj vojny: naprimere cherkesov [The crisis of the striking power of the Highlanders in the era of the Caucasian War: on the example of the Circassians]. *Arheologija i jetnologija Severnogo Kavkaza*, 2016, no. 6, pp. 106-111.
 14. Unezhev K.H., Barokov Je. A. Mesto konnosportivnyh igr v voennoj kul'ture adygov (cherkesov) [The place of equestrian games in the military culture of the Adygs (Circassians)]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, 2010, no. 5-2 (37), pp. 84-89.
 15. Urusova L.H. Sistema maskulinno go vospitaniya v adygskoj jetnopedagogike. [The system of masculine education in the Adyghe ethnopedagogy]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika*, 2016, vol. 22, no. 2, pp. 222-227.
 16. Chujako A.B. Otrazhenie fizicheskogo vospitaniya detej v adygskom fol'klore. [Reflection of physical education of children in Adyghe folklore]. *Vestnik nauk i Adygejskogo respublikanskogo instituta gumanitarnyh issledovanij imeni T.M. Kerasheva*, 2019, no. 20 (44), pp. 49-52.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Юрченко Наталия Владимировна, кандидат исторических наук,

доцент, доцент

Московский Государственный Технический Университет имени Баумана (НИУ); Московского энергетического института (НИУ)

ул. 2-я Бауманская, 5, к. 1, г. Москва, 105005, Российская Федерация; ул. Красноказарменная, 14, стр. 1 г. Москва, 111250, Российская Федерация

welesenta@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Yurchenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Bauman Moscow State Technical University; Moscow Power Engineering Institute

5/1, 2nd Baumanskaya Str., Moscow, 105005, Russian Federation; 14/1, Krasnokazarmennaya Str., Moscow, 111250, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9151-4418>

SPIN-code: 6417-6970

welesenta@yandex.ru

Поступила 03.03.2022

После рецензирования 17.03.2022

Принята 25.03.2022

Received 03.03.2022

Revised 17.03.2022

Accepted 25.03.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-54-63

УДК 351.74

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

П.А. Сунгуров

Актуальность исследуемой темы связана с проблемами неравномерного экономического положения регионов современной России.

Ключевой целью статьи является рассмотрение динамики развития экономики региона на протяжении исторического периода, сопровождавшегося модернизационными процессами в жизни всего государства.

***Материалы и методы.** Исследование базируется на различных источниках, представленных в виде периодических и справочно-статистических изданий. Теоретической основой работы выступает теория модернизации. Используются принцип историзма, сравнительно-исторический и описательный методы.*

***Результаты.** В работе исследуется состояние экономического потенциала Тобольской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. Представлены различные экономические показатели, позволяющие делать обоснованные выводы о реальном положении экономической жизни исследуемого региона. Указаны отдельные категории экономической деятельности, являвшиеся специфичными для региона, приводятся сравнительные характеристики экономического потенциала Тобольской губернии с другими регионами в аналогичный период.*

***Область применения результатов.** Выводы, представленные в данной статье, могут иметь практическое применение в процессе преподавания соответствующих дисциплин в образовательных учреждениях различного уровня.*

***Ключевые слова:** Тобольская губерния; экономика; торговля; промышленность; реформы*

ECONOMIC POTENTIAL OF TOBOLSK PROVINCE (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)

P.A. Sungurov

*The **relevance** of the topic under study is related to the problems of the uneven economic situation of the regions of modern Russia.*

*The key **purpose** of the article is to consider the dynamics of the development of the region's economy during the historical period, accompanied by modernization processes in the life of the entire state.*

***Materials and methods.** The research is based on various sources presented in the form of periodicals and reference and statistical publications. The theoretical basis of the work is the theory of modernization. The principle of historicism, comparative historical and descriptive methods are used.*

***Results.** The paper examines the state of the economic potential of the Tobolsk province in the last quarter of the XIX – early XX centuries. Various economic indicators are presented that make it possible to draw reasonable conclusions about the real situation of the economic life of the studied region. Separate categories of economic activity that were specific to the region are indicated, comparative characteristics of the economic potential of the Tobolsk province with other regions in the same period are given.*

***The scope of the results.** The conclusions presented in this article may have practical application in the process of teaching relevant disciplines in educational institutions of various levels.*

***Keywords:** Tobolsk province; economy; trade; industry; reforms*

Введение

Экономическое развитие, несомненно, является одним из важнейших показателей для существования любого современного региона. Указанное обстоятельство было актуально и в прошлом. Огромные территории, слаборазвитая инфраструктура государства – всё это осложняло развитие, как самой Российской империи, так и отдельных местностей.

В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни. Тобольская губерния, как первый регион за Уралом, всегда играла важную роль в жизни Империи.

Материалы и методы

Источниковую основу работы составляют материалы, содержащиеся в периодических и справочно-статистических изданиях: «Адрес-календари», «Статистические обзоры», журнал «Сибирские вопросы», газета «Сибирская жизнь». Теоретическая основа исследования. Рассмотрение вопросов экономического положения отдельных регионов следует рассматривать через призму теории модернизации (И.В. Побережников [3], А.В. Абрамов [1]). Именно модернизация России, начавшаяся в XIX в., определяла все аспекты развития, как социально-политической, так и экономической жизни страны. В статье используется базовый для исторического знания принцип историзма, находят отражение сравнительно-исторический и описательный методы. Вопросы экономического развития регионов, в разные годы представляли интерес для исследователей. Множество вопросов, связанных с экономикой сибирских губерний разрабатывали как учёные, так и различные общественные и политические деятели (Н.М. Ядринцев [11], Г.Н. Потанин [5], В.В. Покшишевский [4], А.В. Ремнев [6], А.Б. Храмцов [9]). Проблемы экономического развития России исследуемого периода затрагивались и в иностранной литературе [12; 13; 14; 15].

Результаты и обсуждение

Характеризуя регион в указанный исторический период, следует сказать, что губерния занимала обширную площадь, простирающуюся почти на восемнадцать градусов широты и двадцать пять градусов долготы, от берегов Ледовитого океана до степей средней Азии, от гор Уральского хребта до водораздела бассейнов рек Оби и Енисея.

Фабрично-заводская промышленная Тобольской губернии была крайне ограничена и преимущественно концентрировалась на удов-

летворении насущных потребностей местного населения. Принимая во внимание отсутствие особых природных богатств в губернии, чем она отличалась почти от всей Сибири, здесь не было условий ни для развития горного дела, ни для золотопромышленности [2, с. 170].

Тем не менее, чётко прослеживался рост числа фабрик и заводов на территории региона. Данные представлены в таблице 1 [8, с. 136].

Таблица 1.

**Динамика количества фабрик и заводов на территории
Тобольской губернии в период с 1891 по 1903 гг.**

Уезд	Число фабрик и заводов	
	1891 г.	1903 г.
Тобольский	249	254
Туринский	53	21
Тюкалинский	49	74
Тюменский	314	1185
Ишимский	217	780
Курганский	247	827
Тарский	217	713
Ялуторовский	369	638
Березовский	0	3
Сургутский	0	0

На начало XX в. торговля в регионе, как и в предшествующие годы, концентрировалась в отпуске продуктов местных производств как за пределы губернии, так и на внутренние рынки. Вместе с тем, осуществлялся ввоз в губернию разного рода товаров для местного потребления. Главнейшими товарами для внешней торговли служили: зерновые хлеба – пшеница и овес, также продукты сельского хозяйства и скотоводства, сливочное масло, мясо, кожи, сало, яйца, разного рода дичь, рыба, пушной товар, орехи, в небольшом количестве мамонтовую кость. Всё перечисленное закупалось в регионе и местными торговцами и приезжающими из внутренних губерний России.

Ввозились же в регион разные продукты, мануфактурные, фабричные и заводские товары, закупаемые на Ирбитской, Крестов-

ской и частично на Нижегородской ярмарках. На 1897 г. в губернии насчитывалось 560 ярмарок, к 1900 г. их количество незначительно снизится и составит 525 [7, с. 213]. В северных территориях ярмарок не проводилось, что порождало дополнительные сложности. Как отмечает тюменский ученый А.Б. Храмцов: «В Березове ни ярмарок, ни базаров не проводилось. В результате чего цены здесь на отдельные товары устанавливались выше, чем в центрах земледельческой полосы, и зависели как от времени года, так и от монопольного положения отдельных торговцев, которые повышали цены сразу после отплытия пароходов, доставивших товар» [10, с. 67].

Если характеризовать отдельные виды торговли, то нужно сказать, что хотя общий процент вывозимого хлеба из Сибири и увеличивался, но хлебная торговля Тобольской губернии снижалась с каждым годом. Причины этого процесса крылись как в общем развитии экономической жизни губернии, так и в том, что в последнем десятилетии XIX в. был ряд неурожайных лет, в результате чего в некоторых местах значительно ухудшилось состояние сельского хозяйства. Прежние «житницы», известные не только в губернии, но и во всей Западной Сибири, такие, как Курганский, Ялуторовский и Ишимский округа, сильно истощились.

Шел процесс повышения цен на хлеб, что объяснялось как неурожаем хлебов, так и крупными закупками хлеба для винокуренных заводов. По-прежнему препятствовало развитию хлебной торговли и отсутствие развитых путей торгового сообщения Сибири с внутренними губерниями Империи.

Продукты скотоводства, такие как кожи, сало и масло составляли самые важные статьи торговли. Южные округа губернии со значительным успехом занимались данными отраслями сельского хозяйства, откармливая скот, закупаемый, в т.ч. и в «Киргизской степи».

Сало обрабатывалось на заводах преимущественно Курганского и Ишимского округов и отправлялось на Ишимскую ярмарку или в Ирбит, Кунгур, Екатеринбург. Кроме того, в начале XX в. набирал обороты вывоз сала на свечные заводы Кракова, Казани, Москвы и Петербурга.

К началу XX в. значительные масштабы приобрел вывоз из губернии куриного яйца. Данный продукт вывозился преимущественно через Курган, объёмы поставок достигали к 1910 г. 60 тыс. пудов.

Кожи привозились также из южных округов и обрабатывались в Тюмени. Торговые обороты разраставшейся с каждым годом Тюменской ярмарки, где преимущественно сосредоточивалась торговля кожевенным товаром, достигали нескольких миллионов. $\frac{1}{4}$ всего объёма кож уходила на экспорт за границу.

Рыбная торговля была сконцентрирована в руках Тобольского купечества, они владели лучшими рыболовными местами по рекам Обь и Иртыш. Нужно сказать, что инородцы севера занимались рыболовством преимущественно для собственного потребления. К 1907 г. объём продажи рыбы достигал полмиллиона рублей.

Пушнина продавалась и обменивалась на Обдорской ярмарке, которая проводилась в январе месяце, а отсюда уже отправлялась в Ирбит и на Нижегородскую ярмарку.

Торговля лесом, преимущественно, была направлена на обеспечение потребностей местного рынка. Причина этого крылась как в отсутствии рынков сбыта, дороговизне и неудобстве путей сообщения для сплава в южные округа губерния, так и в отсутствии предпринимателей, способных активно и эффективно организовывать такую торговлю в широких масштабах.

Инородцы Березовского и Сургутского округов использовали, даже в конце XIX в., меновую торговлю. На Обдорской ярмарке уже возникала денежная торговля: инородцы предпочитали продавать свои товары за деньги и на деньги же покупать то, что им нужно. В местностях севернее Обдорска, в Тазовской губе, деньги еще практически не использовались, а главными меновыми знаками служили пуд осетра и шкурка белки [2, с. 171].

Следует сказать и о таком виде экономической деятельности населения губернии, как кустарная промышленность. Особенно важным на рубеже XIX–XX вв. было «древодельное» производство. К наиболее распространенному производству из дерева относилось изготовление саней, дровней и бондарных изделий. В Туринском

округе изготавливали даже небольшие деревянные суда. Однако, следует отметить, что подобным промыслом население занималось в основном в зимнее время, т.к. летом имелась возможность заниматься более выгодной работой.

Помимо кустарной промышленности огромное значение для населения Тобольской губернии имело извозное дело. Постройка железной дороги между Тюменью и Екатеринбургом и развитие пароходного сообщения по Оби и Иртышу значительно ослабили данный вид деятельности. Однако, фактически до 1917 г. извозный промысел являлся важным источником дохода для жителей Тюменского, Тюкалинского, Ялуторовского и Ишимского округов [8, с. 138].

Заключение

В конце XIX – начале XX вв. в Тобольской губернии происходили сложные процессы модернизации. На экономический потенциал региона они оказали разнонаправленное воздействие: рост фабрично-заводского производства и развитие путей сообщения, являвшиеся, бесспорно, позитивными тенденциями, в то же время вытеснялись традиционные методы и формы ведения экономической жизни.

В исследуемый период экономический потенциал Тобольской губернии представлял собой сложный симбиоз «новых» и «старых» тенденций, сосуществование меновой торговли и современных промышленных предприятий, неминуемо, меняло и само сибирское общество. Формировались новые социальные группы, ставшие впоследствии основой революционного движения, прекратившего существование Российской империи.

Список литературы

1. Абрамов А.В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012. № 3. С. 35–51.

2. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10: Тобольская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1894.
3. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
4. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1951. 208 с.
5. Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
6. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 252 с.
7. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Год десятый. Томск: Издание Ф.П. Романова, 1903.
8. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1907 год. Год четырнадцатый. Томск: Издание М. П. Кедроливанского, 1907.
9. Храмов А.Б. Источники по истории городского самоуправления Тобольской губернии: Монография. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic, 2011. 280 с.
10. Храмов А.Б. Экономическое положение города Березова на рубеже XIX–XX веков // Научное мнение. 2014. № 9-1.
11. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. 750 с.
12. De Windt H. Siberia as It is. London, 1892.
13. Foster P.P. New Ports and Railways in Russia // Review of Reviews. Vol. LIII. 1916. P. 709-711.
14. Grosvenor A.E. Siberia // National Geographic Magazine. Washington, Vol. XII. 1901 P. 317-324.
15. Saunders D. Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881. London, 1995. 400 p.

References

1. Abramov A.V. Stanovlenie teorii modernizacii i al'ternativnye koncepcii obshhestvennogo razvitiija [Formation of modernization theory and alternative concepts of social development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Electronic journal "Bulletin of the Moscow State Regional University"], 2012, no. 3, pp. 35–51.
2. *Volosti i naseleennye mesta 1893 goda. Vyp. 10: Tobol'skaja gubernija* [Volosts and localities of 1893. Issue 10: Tobolsk province]. SPb.: Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del, 1894.
3. Poberezhnikov I.V. *Perehod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshhestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii* [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPAN, 2006, 240 p.
4. Pokshishevskij V.V. *Zaselenie Sibiri* [Settlement of Siberia]. Irkutsk: Irkutsk Regional State Publishing House, 1951, 208 p.
5. Potanin G.N. *Oblastnicheskaja tendencija v Sibiri* [The regional trend in Siberia]. Tomsk: Steam typo-lithography of the Siberian Printing Association, 1907, 64 p.
6. Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX* v [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX - early XX century] Omsk: Publishing House of Tomsk University, 1997, 252 p.
7. *Sibirskij torgovo-promyshlennyj i spravochnyj kalendar' na 1903 god. God desjatyj* [Siberian Commercial, Industrial and Reference calendar for 1903. The tenth year]. Tomsk: Edition of F.P. Romanov, 1903.
8. *Sibirskij torgovo-promyshlennyj i spravochnyj kalendar' na 1907 god. God chetyrnadcatyj* [Siberian Commercial, Industrial and Reference calendar for 1907. The fourteenth year]. Tomsk: Edition of M. P. Kedrolivansky, 1907.
9. Khramtsov A.B. *Istochniki po istorii gorodskogo samoupravlenija Tobol'skoj gubernii: Monografija* [Sources on the history of urban self-government of Tobolsk province: Monograph]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic, 2011, 280 p.

10. Khramtsov A.B. Jekonomicheskoe polozhenie goroda Berezova na rubezhe XIX–XX vekov [The economic situation of the city of Berezova at the turn of the XIX-XX centuries]. *Nauchnoe mnenie*, 2014, no. 9-1.
11. Yadrinsev N.M. *Sibir 'kak kolonija v geograficheskom, jetnograficheskom i istoricheskom otnoshenii*. [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms] St. Petersburg: Edition of I.M. Sibiryakov, 1892, 750 p.
12. De Windt H. *Siberia as It is*. London, 1892.
13. Foster P.P. *New Ports and Railways in Russia. Review of Reviews*, 1916, vol. LIII, pp. 709-711.
14. Grosvenor A.E. *Siberia*. National Geographic Magazine. Washington, 1901, vol. XII, pp. 317-324.
15. Saunders D. *Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881*. London, 1995, 400 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Сунгуров Павел Александрович, кандидат исторических наук,
доцент Экономики и организации производства
*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования Тюменский индустриаль-
ный университет*
ул. Володарского, 38, г. Тюмень, 625000, Российская Федерация
Pavelsungurov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Sungurov, Candidate of Historical Sciences, Associate Profes-
sor of Economics and Production Organization
Industrial University of Tyumen
38, Volodarsky Str., Tyumen, 625000, Russian Federation
Pavelsungurov@yandex.ru
SPIN-code: 4412-3995
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1582-9957>

Поступила 02.03.2022

После рецензирования 15.03.2022

Принята 24.03.2022

Received 02.03.2022

Revised 15.03.2022

Accepted 24.03.2022

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-64-80

УДК 141.32

**КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА
СУБЪЕКТА ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА***Е.В. Лазинина*

Коммуникативная компетенция в реалиях современного мира является одним из базисных навыков, определяющих не только структуру коммуникативной личности цифровой эпохи, но и выступает значимым критерием социализации, социальной интеракции внутри общества. В настоящее время социум подвергается активному переустройству не только с точки зрения системного функционирования и институциональных трансформаций, но и в части каналов взаимодействия, что сигнализирует об активном становлении цифрового общества, как нового этапа цивилизационного развития. Подобная реальность обусловлена ускорением темпов развития цифровых технологий, импликации процессов цифровизации во все сферы общественной процессуальности, а также значительного воздействия цифровизации на коммуникативные способности человека, обусловленные расширением всего коммуникативного пространства через трансперсонализацию с цифровой реальностью. В данной статье предпринимаются попытки рассмотреть цифровое общество через социально-философский ракурс в коммуникативном аспекте на уровне его структурной составляющей – субъекта-коммуниканта, интересующего, в частности, с позиции коммуникативной компетенции.

***Обоснование.** Цифровое общество выступает абсолютно новым этапом в развитии человечества, следовательно, логичным*

действием является проведение его всестороннего исследования с целью глубокого, детального понимания сущности, структуры, свойств и характеристик. Исследование коммуникации на уровне субъекта в рамках цифрового общества дает представление о характерных признаках современного цифровизируемого социума.

Цель. В статье рассмотрена коммуникация в цифровом обществе с позиции анализа ее продуцентов – субъектов-индивидов, развивающих навыки формирования коммуникативных актов нового типа в пространстве виртуально-цифровой среды, а именно - коммуникативной компетенции в рамках цифровой коммуникации.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования были использованы ряд научных работ, посвященных теоретизированию цифрового общества, выявлению его основных свойств и характеристик; рассмотрены положения, касающиеся сущности процессов цифровизации; собраны взгляды на видение коммуникации современного типа – цифровой коммуникации. При анализе использовались приемы социально-философской рефлексии, а именно аналитический метод.

Результаты. В качестве результатов можно озвучить ряд выявленных модификаций в области признаков коммуникативной компетенции современного человека цифровизируемого социума. В данном случае речь идет об упразднении языковых средств, используемых для передачи смысла в коммуникативном акте в пользу лексических замен графическими символами, что подтверждает наличие клиповости мышления и восприятия. Отсутствие прямого коммуникативного контакта практически исключает эмоциональный компонент коммуникации, либо искажает его. Семантическая сторона коммуникации искажается и приводит к утрате взаимопонимания и эмпатии. Нарушение когнитивно-эпирического аспекта личности показывает деформацию процесса передачи моральных ценностей и этических ориентиров, моделей поведения, что искажает систему представлений об окружающей действительности, идентичности и механизмах субъект-объектных взаимосвязей. Прагматический уровень коммуникации модифицируется вви-

ду субъективного ситуативного опыта, который формируется в большей части в пространстве цифровой реальности, что создает трудности при непосредственной коммуникации. В ходе целеполагания самого коммуникативного процесса в виртуально-цифровой среде происходит сдвиг в части игнорирования объективных фактов, правил и законов, либо тривиально обесценивание мнения другого коммуниканта, что возвращает нигилизм, эгоизм, а также подводит к разрушению всего процесса коммуникации в целом.

Область применения результатов. Общеизвестным фактом является взаимообусловленная связь между обществом и коммуникацией в части ретрансляции качественных и количественных характеристик изучаемого объекта и предмета, их коэволюции. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем социально-философском осмыслении структур и характеристик цифрового общества в целом, и коммуникации в частности. Анализируя коммуниканта с позиции его специфических свойств, в данном случае – навыка коммуникации в условиях цифровизации, представляется возможным сформировать отдельные признаки современного социального устройства во взаимосвязи с трансформацией коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; коммуникативная компетенция; цифровое общество; цифровизация; цифровая коммуникация

COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION AS A CHARACTERISTIC OF THE SUBJECT OF DIGITAL SOCIETY

E.V. Lazinina

Communicative competence in the realities of the modern world is one of the basic skills defining not only the structure of the communicative personality of the digital age, but also a meaningful criterion of socialization, social interactivity within society. At present, the society is undergoing an intensive restructuring, not only in terms of system

functioning and institutional transformation, but also in terms of way of interaction, which signals the active establishment of a digital society, as a new stage in civilizational development. This reality is due to the acceleration of the development of digital technologies, the implication of digital processes in all areas of public procedure, and the significant impact of digitization on human communication capabilities caused by spreading of communicative area. This article attempts to consider the digital society from social-philosophy way in a communicative point of view at the level of its structural component – the subject and its characteristics of communicative competence.

Background. *The digital society is an entirely new stage in the development of mankind, and therefore the logical action is to conduct a comprehensive study of it with a view to a thorough, detailed understanding of the essence, structure, properties and characteristics. A study of communication at the level of the subject within a digital society gives an idea of the characteristics of a modern digital society.*

Purpose. *The article considers communication in a digital society from the point of view of analysis of its producers - individual subjects developing the skills of formation of communicative acts of a new type in a virtual – digital environment, namely communicative competence in digital communication.*

Materials and Methods. *A number of research papers on the theory of digital society, the identification of its basic properties and characteristics, and the provisions on the essence of digital processes were used as research materials; collected views on the vision of communication of the modern type-digital communication. The analysis used social and philosophical reflexes, namely the analytical method.*

Results. *As results, we can voice a number of identified modifications in the field of signs of communicative competence of the modern person of the digitalized society. In this case, we are talking about the abolition of language means used to convey the meaning in a communication act in favor of lexical substitutions with graphic symbols, which confirms the presence of clippiness of thinking and perception. The absence of direct communicative contact practically eliminates the emotional component*

of communication, or distorts it. The semantic side of communication is distorted and leads to a loss of understanding and empathy. Violation of the cognitive-epiric aspect of the personality shows the deformation of the process of transferring moral values and ethical guidelines, behaviors, which distorts the system of ideas about the surrounding reality, identity and mechanisms of subject-object relationships. The pragmatic level of communication is modified due to subjective situational experience, which is formed mainly in the space of digital reality, which creates difficulties in non-mediated communication. During the goal of the communicative process itself in the virtual-digital environment, a shift occurs in terms of ignoring objective facts, rules and laws, or trivially devaluing the opinion of another communicant, which nurtures nihilism, selfishness, and also leads to the destruction of the entire communication process as a whole.

Practical implications. *A well-known fact is the mutually agreed connection between society and communication in terms of relaying the qualitative and quantitative characteristics of the studied object and subject, their coevolution. The results of the study can be used in further socio-philosophical understanding of the structures and characteristics of digital society in general, and communication in particular. Analyzing the communicant from the point of view of its specific properties, in this case – the skill of communication in the conditions of digitalization, it is possible to form signs of a modern social device through transformation of communication.*

Keywords: *communication; communicative competence; digital society; digitalization; digital communication*

Введение

Цель. Рассмотреть коммуникацию в цифровом обществе с позиции анализа ее образующих элементов – коммуникантов, находящихся на стадии активного процесса адаптации к изменяющимся условиям и характеристикам всего социально-коммуникативного пространства через экспликацию коммуникативных актов нового типа в пространстве виртуально-цифровой среды, с последующим

приобретением коммуникативной компетенции как части коммуникативного потенциала.

Актуальность

Тематика исследования актуальна ввиду того, что цифровое общество выступает абсолютно новым этапом в развитии человечества, следовательно, логичным действием является проведение его всестороннего исследования с целью глубокого, детального понимания сущности, структуры, свойств и характеристик, прогнозирования дальнейшего развития. Исследование коммуникации в аспекте социально-личностных свойств субъекта, в данном случае коммуникативной компетенции в рамках цифрового общества и цифровой коммуникации, дает представление о характерных признаках современного цифровизируемого социума.

Материалы и методы

Следует отметить тот факт, что несмотря на актуализацию исследований в области влияния цифровых технологий и цифровизации на человека и общество, присутствия множества научных работ, относящихся к озвученной проблематике, до сих пор не существует единой концепции относительно объекта исследования – цифрового общества. В качестве материалов исследования проанализированы работы, посвященные теоретизированию цифрового общества, выявлению его основных свойств и характеристик; рассмотрены положения, касающиеся сущности процессов цифровизации; структурированы мнения относительно коммуникации нового типа – цифровой коммуникации. При анализе использовались приемы социально-философской рефлексии, а именно аналитический метод.

Результаты и обсуждение

Коммуникативная компетенция является важным навыком социального взаимодействия и личностного становления в парадигме актуальной действительности, которая активно подвергается сращению с цифровой реальностью. Коммуникативная компетенция

изучается множеством научных деятелей, таких как Е.В. Старостина, Н.Г. Шаповалов [9], О.Л. Гнатюк [2], М.В. Стурикова [10], А.В. Хуторской [13] и др. Насущный этап развития цивилизации в значительной части формируются процессами цифровизации, цифровой коммуникации, с одновременной актуализацией цифрового общества. Теоретизированием данных понятий и выявлением присущих им свойств и признаков занимаются такие современных ученые, как Д.Е. Добринская [3], Г.Б. Прончев, Д.Н. Монахов [8], М. Кагель [14], М.В. Шенбергер и К. Кукьер [6], А.Н. Поддьяков [7]. Для успешного достижения цели необходимо разграничить понимание цифровизации и оцифровки для уточнения специфичности цифровой коммуникации, обозначить актуальное состояние образовательной среды как первой ступени для обретения коммуникативной компетенции, обозначить актуальные критерии коммуникативной компетенции современного субъекта цифрового общества, применяя социально-философский анализ и принципы аналитического метода.

Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), являющиеся базисом цифровой коммуникации с точки зрения ее технологической составляющей, активно совершенствуются параллельно с экспоненциальным внедрением процессов цифровизации в общество. Стоит отметить, что ИКТ представляет собой одно из направлений информационных технологий, которое относится к области типологии каналов передачи информации. Т.П. Гордиенко, О.Ю. Смирнова рассматривают понятие ИКТ как описание методов, способов, алгоритмов сбора, хранения, обработки, передачи информации [1]. В данной статье мы будем опираться на теоретическое интерпретирование ИКТ и цифровых технологий как единой системы, в которой цифровые технологии включают в себя область ИКТ. Сама импликация данных технологий в общественную систему соотносится с термином цифровизации. Также, во всеобъемлющем смысле, данный процесс является концепцией экономической деятельности, которая осуществляется на основе цифровых технологий [11]. Кроме того, необходимо различать цифровизацию

и оцифровку, так как в первом случае речь идет о создании новой виртуальной цифровой модели, датаизированной (основанной на технологиях больших данных) области, в отличие от тривиального перевода информации с материального носителя в цифровую форму. В данном случае также возможно согласиться с мнением Т.Ю. Кудрявцевой, К.С. Кожинной, разграничивающих термины digitization и digital transformation [4]. Таким образом, оцифровка или digitization предполагает кодирование информации в удобную для осуществления цифровой коммуникации форму. Цифровая трансформация или digital transformation предполагает полную перестройку социально значимых процессов в парадигме цифровых технологий с точки зрения способов и области их осуществления.

Цифровые технологии синтезировались практически со всеми сферами жизни человека, отразившись на его коммуникативной деятельности. Для успешной коммуникации и достижения взаимопонимания, субъект проходит ряд этапов социализации, в том числе в части накопления коммуникативного потенциала. Логично, что озвученный процесс тесно связан с обучением. Для обеспечения соответствующего социального-экономического развития, субъект социума должен отвечать требованиям современности - обладать цифровыми компетенциями для ориентирования и работы с цифровыми ресурсами и платформами. Общеизвестно, что на практике данная тенденция реализуется через попытки цифровизации образования и внедрения курсов повышения квалификации в обозначенном направлении. Подобный вектор выглядит более гуманным по отношению к сформировавшейся взрослой личности, однако безграничный процесс фанатичной цифровизации всей системы общего и высшего образования воспринимается как опасный вектор модернизации многими учеными и педагогами [15]. Безусловно, не будем слишком консервативны по отношению к современным реалиям жизни и скажем о том, что некоторые внедрения в области методологии преподавания, а также в части освоения дисциплин, вводящих и информирующих учащихся о цифровых технологиях и, главное, – формирующих умение ими грамотно и продуктив-

но пользоваться (что формирует в сущности трендовый критерий индекса цифровой грамотности и цифровой гигиены), безусловно нужны и важны. В данном случае речь идет больше о компьютеризации, нежели цифровизации образования, так как более важным выступает освоение именно навыков эффективного пользования, потребления и фильтрации цифрового контента [12]. С одной стороны, стирание территориальных границ и быстрый доступ к необходимой для образовательного процесса информации, являются полезными для человека современного. Своеобразной «ложкой дегтя» в «бочке меда» идеализированных цифровых технологий выступает стрессогенность окружающего «цифрового» мира, спровоцированная информационной перегруженностью человека. И без того еще не достаточно окрепшая и находящаяся в процессе активной социализации личность, базисы которой как раз закладываются приблизительно к пятилетнему возрасту, вынуждена оперативно и судорожно адаптироваться к жизни, где навязывается идеология цифрового мира и клиповости. Как результат, возникает клиповое мышление с последующими признаками поверхностного восприятия окружающей реальности и неустойчивых, безинтересных для субъекта социальных взаимоотношений, цифровой аутизм, цифровая зависимость, повышенная агрессия к внешнему «живому» окружению, утрата устойчивого канала передачи культурного кода, т.е. формирование препятствий в процессе передачи накопленного поколениями национального, лингвистического, социокультурного потенциала, как важнейшего критерия социализации в целом. Глубинное обоснование возникновения данных явлений и процессов в психике современного человека следует оставить в компетенциях психологии и психиатрии, однако, в рамках исследуемой темы, из вышесказанного можно предположить, что цифровое образование как новая система должна иметь четко выверенные возрастные критерии в части объема внедрения нововведений. В данном случае, важно обращать особое внимание на обретение навыков ведения непосредственной коммуникации с частичным присутствием цифровизированных каналов опосредования. Иными словами, найти

баланс между обучением прямой социальной коммуникацией и цифровой социальной коммуникацией.

Следующим важным аспектом можно обозначить соотношение социальной реальности и виртуально-цифровой реальности, выраженной в новом способе интеракции между социальными субъектами, цифровыми устройствами как между собой, так и с окружающей реальностью, а также с этими же субъектами, в рамках цифровых платформ, функционирующих с помощью цифровых алгоритмов [5]. В данном случае, речь идет о цифровой коммуникации. Цифровая коммуникация представляет собой «систему коммуникативных актов, наполненную множеством квалиа динамичных коммуникантов, выраженных синтетически через нарративные элементы общения, что, в целом, составляет искусственную резоматическую коммуникативную область. Характерной чертой подобной синтетической области общения является формализация отношений между коммуникантами и уплотнением объема общения, подмены глубины «живой» высказанной мысли формально выраженным сообщением» [5, с. 83]. Коммуникация претерпевает глубокое переустройство в части самой коммуникативной модели, внедряя в коммуникативную цепочку новый тип коммуниканта – искусственный интеллект, одновременно выступая пространством для осуществления цифровой коммуникации. Процессы цифровой коммуникации активно формируют архитектуру цифрового общества. Несмотря на существование множества видений относительно понимания цифрового общества, общепринятой концепции до сих пор нет. Тем не менее, наиболее близким выступает мнение Д.Е. Добринской о том, что цифровое общество представляется результатом импликации цифровой инфраструктуры в систему общественной жизни через процессы сетевизации, датификации, алгоритмизации [3, с. 128].

Несмотря на мобильность подобного социально-цифрового симбиоза, проблема состоит в том, в подобных условиях коммуникант подвергается психологическому и идеологическому программированию. Так, казалось бы, повышение комфорта и умень-

шение необходимости запоминания выглядит привлекательным. Однако, что есть мозг? Невероятно сложная нервная организация, биологически существующая изначально для здорового управления процессами жизнедеятельности, функционирования каждой системы в организме через ее активизацию. Но, соответственно, деградирующая, если она не получает сложных, комплексных задач, сложного выстроенного набора информации из внешней среды. Цифровые технологии достаточно успешно помогают не загружать сознание и память статичной информацией, которую необходимо обрабатывать, что нивелирует ряд жизненно значимых аспектов личности, уничтожает ее индивидуальность, в том числе, упраздняет целеполагание «живой» коммуникации и преобразует ее в общение по крайней необходимости. Как крайний случай, в качестве примера можно привести систему искусственного интеллекта, которая направляет (часто, неосознанно для человека) вектор принятия того или иного решения, исключая осознанный выбор человека и без проявления его волеизъявления. Задача социального субъекта, в данном случае, просто потребить результат. Подобные обстоятельства тесно связаны с коммуникативной компетенцией современного человека. Так, сама коммуникация становится для него процессом получения или передачи необходимой информации. А.В. Хуторской, подразумевает под коммуникативной компетенцией умение взаимодействия с окружающими, внутри социальной группы [13]. Стоит отметить, что термин коммуникативной компетенции достаточно многогранен в своей трактовке. Руководствуясь тематикой и областью исследования в рамках данной статьи, мы используем общее понимание. Если соотнести само определение коммуникативной компетенции, как внутреннего ресурса для достижения успеха в межличностном, общественном взаимодействии, который складывается из таких показателей, как уровень владения набором языковых средства (вербальный опыт), накопление познавательного опыта (приобретение системы ценностей и создание картины мира) и мотивация коммуникации (обусловленная намерением, установка-

ми и ситуативностью) [9], то можно проследить соответствующее изменения в перечисленных характеристиках коммуникативной компетенции современного субъекта. Упраздняется набор используемых языковых средств для передачи смысла в коммуникативном акте в пользу лексических переустройств и замены языковых единиц графическими символами (как следование принципу клиповости мышления и восприятия). Вербализация речи в рамках цифрового общения затруднена ввиду того, что она происходит преимущественно через мессенджеры и цифровые платформы, что практически исключает эмоциональный компонент коммуникации, либо искажает его. Нарушается семантическая составляющая коммуникации, что приводит к отсутствию достижения одной из основных назначений межличностной коммуникации – взаимопониманию и эмпатии. Следующим признаком является нарушение когнитивно-эпирического аспекта личности, а именно ввиду затрудненного формирования эмоционального интеллекта, страдающего от неумения сопереживать и анализировать чужие эмоции в совокупности с личными, происходит деформация в процессе передачи моральных ценностей и этических ориентиров, поведенческих моделей. Субъект цифровой коммуникации выстраивает свое понимание добра и зла, плохого и хорошего, полагаясь, например, на принцип «трендовости» в социальных сетях с их последующей субъективизированной интерпретацией, что существенно искажает систему представлений об окружающей действительности, идентичности и механизмах субъект-объектных взаимосвязей. Третья составляющая коммуникативной компетенции также подвергается модификации, что примечательно при рассмотрении прагматического уровня коммуникации. В данном случае коммуникант, задействованный в выстраивании цифровой коммуникации, исходит из субъективного ситуативного опыта, который формируется в большей части в пространстве цифровой реальности, что создает трудности при непосредственной коммуникации. Кроме того, в ходе целеполагания самого коммуникативного процесса в виртуально-цифровой среде происходит сдвиг в

части игнорирования объективных фактов, правил и законов, либо тривиально обесценивание мнения другого коммуниканта, что возвращает нигилизм, эгоизм, а также подводит к разрушению всего процесса коммуникации в целом.

Важна ли коммуникативная компетенция в современном мире, если на смену реального собеседника приходит, например, искусственный онлайн-помощник, либо сама коммуникация перестает быть процессом, не только информационно значимым, но и эмоционально, духовно наполненным? Однозначно важна ввиду того, что сама социальная реальность является в определенном ракурсе результатом коммуникации; свойства, качество, статика, динамика процессов коммуникации и общественная действительность взаимообусловлены. Цифровая коммуникация, с одной стороны, является необходимым продолжением привычного коммуникативного процесса. С другой стороны, входит в оппозицию с точки зрения духовной, социокультурной составляющей, но больше обращается к информационному потребительству.

Заключение

Цифровые технологии активно преобразуют признаки коммуникативной компетенции современного коммуниканта, как умения качественно общаться с другими людьми, передавая, культурные и духовные ценности (этический и социокультурный аспект) через умелое пользование средствами общения, либо как возможности обозначить эмоциональную связь между коммуницирующими людьми (психологический, экзистенциальный аспект межличностной коммуникации), а также как важный этап социализации. В совокупности все озвученное составляет коммуникативный потенциал личности. В процессе проведенного исследования были выявлены модификации структурных составляющих коммуникативной компетенции, связанных с изменениями характеристик коммуникантов-субъектов, происходящих ввиду активной цифровизации коммуникативного процесса – перехода в плоскость цифровой коммуникации.

Список литературы

1. Гордиенко Т.П., Смирнова О.Ю. Классификация информационно-коммуникационных технологий в образовании // Проблемы современного педагогического образования. Сборник научных трудов. Ялта: РИО ГПА, 2017. Вып. 55. Ч. 1. С. 130-140.
2. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации. М.: КНОРУС, 2010. 256 с.
3. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Том 12. №2. С. 112-129.
4. Кудрявцева, Т.Ю., Кожина, К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. №44(3). С. 150.
5. Лазинина Е.В. Цифровая реальность в контексте процессов коммуникации и экзистенции человека // Современные исследования социальных проблем. 2019. №2-1. С. 78-90. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-2-78-90>
6. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.
7. Поддьяков А.Н. «Отравляющие» атаки на машинное обучение и семантические сети: версия нарратива угрозы в цифровом обществе // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Материалы Международной научно-практической конференции. Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. РГГУ, Москва. 2018. С. 12-16.
8. Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58). С. 1763–1771.
9. Старостина Е.В., Шаполвалов Н.Г. Основы теории коммуникации: учебное пособие. Саратов. 2014. С. 3-5.
10. Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. С. 27-32.
11. Что такое цифровизация и какие сферы жизни она заденет URL: <https://center2m.ru/digitalization-technologies> (дата обращения 10.03.2022)

12. Цифровая грамотность как компонент жизненных навыков обучающихся современной школы. URL: https://kiro46.ru/docs/Cifr_Gramot.pdf (дата обращения 10.03.2022)
13. Хуторской А.В. Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 85-91.
14. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society: Oxford University Press, 2002. 304 p.
15. Pavlova E.L. Modern man in the modern world: independence vs manipulation // Kant. 2021. № 1 (38). С. 146-153.

References

1. Gordienko T.P. Smirnova O.Ju. Klassifikacija informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v obrazovanii [Classification of information and communication technologies in education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. Sbornik nauchnyh trudov* [Problems of modern pedagogical education. Collection of scientific papers]. Jalta: RIO GPA, 2017, no. 55, part 1, pp. 130-140.
2. Gnatjuk O.L. *Osnovy teorii kommunikacii* [Fundamentals of communication theory]. Moscow: KNORUS, 2010.
3. Dobrinskaja D.E. Chto takoe cifrovoe obshhestvo? [What is a digital society?]. *Sociologija nauki i tehnologij*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 112-129.
4. Kudrjavceva, T.Ju., Kozhina, K.S. Osnovnye ponjatija cifrovizacii [Basic concepts of digitalization]. *Vestnik Akademii znaniy*, 2021, no. 44 (3), p. 150.
5. Lazineva E.V. Cifrovaja real'nost' v kontekste processov kommunikacii i jekzistencii cheloveka [Digital reality in the context of human communication and existence processes]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, 2019, no. 2-1, pp. 78-90. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-2-78-90>
6. Majer-Shenberger V., Kuk'er K. *Bol'shie dannye. Revoljucija, kotoraja izmenit to, kak my zhivem, rabotaem i myslim* [Big data. A revolution that will change the way we live, work and think]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014.

7. Podd'jakov A.N. «Otravljajushhie» ataki na mashinnoe obuchenie i semanticheskie seti: versija narrativa ugrozy v cifrovom obshhestve [“Poisoning” attacks on machine learning and semantic networks: a version of the threat narrative in a digital society]. *Cifrovoe obshhestvo v kul'turno-istoricheskoy paradigme. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Digital Society in the Cultural-Historical Paradigm. Materials of the International scientific-practical conference] / ed. T.D. Marcinkovskaya, V.R. Orestova, O.V. Gavrichenko. Moscow: RGGU, 2018, pp. 12-16.
8. Pronchev G.B., Monahov D.N. Ot cifry k cifrovomu obshhestvu [From the digital to the digital society]. *Voprosy politologii*, 2020, vol. 10, no. 6 (58), pp. 1763–1771.
9. Starostina E.V., Shapolvalov N.G. *Osnovy teorii kommunikacii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of communication theory: textbook]. Saratov: 2014.
10. Sturikova M.V. Kommunikativnaja kompetencija: k voprosu o definicii i strukture [Communicative competence: on the question of definition and structure]. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii*, 2015, no. 6, pp. 27-32.
11. *Chto takoe cifrovizacija i kakie sfery zhizni ona zadenet* [What is digitalization and what areas of life will it affect]. <https://center2m.ru/digitalization-technologies> (accessed March 10, 2022)
12. *Cifrovaja gramotnost' kak komponent zhiznennyh navykov obuchajushhihsja sovremennoj shkoly* [Digital literacy as a component of the life skills of modern school students]. https://kiro46.ru/docs/Cifr_Gramot.pdf (accessed March 10, 2022)
13. Hutorskoj A.V. Metodologicheskie osnovanija primenenija kompetentnostnogo podhoda k proektirovaniju obrazovanija [Methodological grounds for the application of a competence-based approach to the design of education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2017, no. 12 (218), pp. 85-91.
14. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*: Oxford University Press, 2002.
15. Pavlova E.L. Modern man in the modern world: independence vs manipulation. *Kant*, 2021, no. 1 (38), pp. 146-153.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лазинина Екатерина Викторовна, преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр. Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355035, Российская Федерация
timashova-k@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Lazinina, Lecturer of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines
Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
43, Kulakov Ave., Stavropol, 355035, Russian Federation
timashova-k@mail.ru
SPIN-code: 6951-2073
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8120-5889>

Поступила 27.02.2022

После рецензирования 03.03.2022

Принята 17.03.2022

Received 27.02.2022

Revised 03.03.2022

Accepted 17.03.2022

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-81-96
УДК 812

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В СТРУКТУРЕ ЗООМОРФНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ ЭВЕНОВ

Р.П. Кузьмина

Целью исследования является характеристика мотивирующих, понятийных, образных и символических признаков концепта МЕДВЕДЬ в зооморфном коде культуры эвенков.

Методы, используемые в работе: в статье использованы метод сплошной выборки, метод полевой этнографии, интервьюирование, лингвистический и культурологический методы.

Результаты исследования: репрезентантами концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании эвенков выступают иносказательные номинации, образованные от терминов родства, адъективных, субстантивных и глагольных лексем. В результате исследования внутренней формы слов-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ выявлен 31 мотивирующий признак. Когнитивные признаки выражены в виде устойчивых сравнений, оформленных формантами подобия и сравнения –гчин/-гичин, -кчин, -мдас/-мдэс. В эвенской картине мира МЕДВЕДЬ символизирует тотемного предка, хозяина земли, также определяющим символическим признаком концепта является сила, выносливость, крепость духа.

Область применения результатов: содержащиеся в работе языковые материалы и выводы могут быть использованы в спецкурсах по этнолингвистике, по эвенской лингвокультурологии, а также применены в лексикографических исследованиях эвенского языка и других тунгусо-маньчжурских языков.

Ключевые слова: медведь; концептуализация; обряд; мотивирующие признаки; языковое сознание; картина мира; миф; традиционное мировоззрение

IMAGE OF THE BEAR IN THE STRUCTURE OF THE ZOOMORPHIC CODE OF THE EVEN CULTURE

R.P. Kuzmina

The aim of the study is to characterize the motivating, conceptual, figurative and symbolic features of the concept BEAR in the zoomorphic code of the Even culture.

Methods used in the work: the article uses the method of continuous sampling, the method of field ethnography, interviewing, as well as linguistic and cultural methods.

Research results: representatives of the concept BEAR in the linguistic consciousness of the Evens are allegorical nominations formed from kinship terms, adjective, substantive and verbal lexemes. As a result of the study of the internal form of the words-representatives of the concept BEAR, 31 motivating signs were revealed. Cognitive features are expressed in the form of stable comparisons, formalized by the formants of similarity and comparison - gchin / -gichin, -kchin, -mdas / -mdes. In the Even picture of the world, the BEAR symbolizes the totemic ancestor, the owner of the earth, and the defining symbolic sign of the concept is strength, endurance, fortitude of spirit.

Scope of the results: the linguistic materials and conclusions contained in the work can be used in special courses on ethnolinguistics, on Even linguocultural studies and also applied in lexicographic studies of the Even language and other Tungus-Manchu languages.

Keywords: bear; conceptualization; rite; motivating signs; linguistic consciousness; picture of the world; myth; traditional worldview

Введение

В зооморфном коде культуры эвенков концепт МЕДВЕДЬ занимает центральное место. Г.М. Василевич начало медвежьего культа у тунгусов относит к периоду расселения пратунгусов по тайге задолго до начала оленеводства [2, с. 165]. З.П. Соколова дает следующее определение культа, «Культ медведя – широкое понятие,

включающее в себя представления о медведе, обряды, связанные и с охотой на него, и с поеданием его мяса, и с хранением его костей; тогда как медвежий праздник – более узкое понятие и охватывает лишь те обряды, которые относятся к поеданию медвежьего мяса, а именно извинительные и умилоостивительные» [13, с. 41].

Культ медведя у эвенов был частично рассмотрен в работах У.Г. Поповой и др. [3; 11]. Детальное исследование культа медведя в культуре эвенков нашло отражение в этнографических трудах Г.М. Василевич, А.И. Мазина, А.Ф. Анисимова [1; 2; 7]. Медвежий культ в культуре и фольклоре других сибирских народов был предметом исследования многих специалистов [16; 17; 18; 19; 20]. Этимология и семантика некоторых иносказательных номинаций медведя были предметом исследования А.А. Петрова, Р.П. Кузьминой [10; 5].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования структурно-семантических признаков концепта МЕДВЕДЬ послужили лексикографические источники по эвенскому языку и другим тунгусо-маньчжурским языкам, также фольклорные и этнографические работы, изданные в разные годы.

В статье использованы метод сплошной выборки, метод полевой этнографии, интервьюирование, лингвистический и культурологический методы, принятые в научной школе концептуальных исследований под руководством М.В. Пименовой.

Результаты исследования и их обсуждение

В фольклоре эвенков Г.М. Василевич выделяет три мифа о медведе. Западный миф характерный для ангарско-енисейских эвенков, второй – кругобайкальский, третий – восточный, отмеченный у охотских эвенков и эвенов и оттуда, распространившийся у ороков Сахалина [2, с. 151].

У большинства эвенских групп распространен один миф о медведе, в котором девушка, попав в берлогу медведя, провела там зиму и забеременела от медведя. Спрятавшись от людей в пещере, родила двух детей, медвежонка и человеческого ребенка. Медвежонка,

которого назвали Накат, воспитала бабушка. Повзрослев, он ушел в лес. Мальчику дали имя Торгани. Однажды человек и зверь встретились и стали драться. Торгани убил Наката. Перед смертью Накат научил людей проводить Уркачак – медвежий праздник [3, с. 120]. Данный сюжет считается общесибирским и зафиксирован в фольклоре других народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [17].

Мотивирующие признаки концепта МЕДВЕДЬ в эвенской языковой картине мира

С дефиницией `медведь` в эвенском языке функционирует лексическая единица *накат*. Данная лексема является производной от корня *накита* с дефиницией `шкура медведя`. Аналогичные лексические единицы со схожей дефиницией зафиксированы во многих языках тунгусо-маньчжурской группы: эвен. *накат* `медведь; шкура медведя; медвежий`; эвенк. *накита, наката, накашиа* `шкура медведя; медведь; название притока Подкаменной Тунгуски`; нег. *нахата* `шкура медведя`; уд. *на́та, ната* `шкура медведя`; орок. *натта* `шкура медведя` [14].

В эвенском языке от корня *накита* образовались следующие дериваты: *накатамдай* `пахнуть медведем`, *накатас, накат нандан* `шкура медведя`, *накаткан* `игрушечный медведь, медвежонок`, *накат асиуан, накат асин, накат нямичанни* `медведица`, *накат дюн* `берлога`, *накат уалан* `лапа медведя`, *накат хутэн, накат качиканни* `медвежонок`, *накиман* `человек, хорошо охотящийся на медведя`, *небаты накат* `белый медведь`, *нам накатан* `морской медведь`, *накиман* Ох `человек, хорошо охотящийся на медведя` [6; 12; 14; 15; 5].

В языковой картине мира эвенов зафиксировано значительное количество тотемических номинаций-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ, являющихся наиболее употребляемыми в силу запретности называния медведя прямым именем *накат*. Е.М. Мелетинский утверждает, «Но даже там, где тотемизм в качестве социального или религиозного института имеется лишь в виде пережитков, часто сохраняются тотемические классификации и звериные имена мифологических героев» [9, с. 160].

Анализ внутренней формы слов-репрезентантов даст возможность понять первосмысл концепта. М.В. Пименова считает, что «чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом...» [4, с. 155].

Итак, наряду с общим наименованием *накат* в говорах западного наречия эвенского языка используется номинация медведя *мэмэкэ*, *мэмэчэ* Ол, П, *мэмэчэн*, *мэмэкэ* С-Эв, Алл, *момө* Тюг `медведь` [14], имеющая аналогии в юкагирском языке – *мэмэ* `медведь`. В ламунхинском говоре лексема *момө* употребляется с дефиницией `страшилище`.

Также следует отметить, что у эвенов наименование *мэмэ* является этнонимом группы эвенов, проживающих в Момском улусе Якутии. Слово *мэмэ* можно соотнести с наименованием группы аборигенов *уамондри* (~*момондой*), отмеченных в мифах эвенков, вошедших в состав тунгусов Приангарья в древности и давших некоторым эвенкийским семьям оленей [2, с. 152].

В эвенских говорах выявлено имя медвежьего предка тунгусов – *Торгандра*, которое является фонетическим вариантом имени *Торгани* – сына девушки и медведя из эвенского мифа. Наименование медведя *торгандри* также было зафиксировано в негидальском языке и у эвенкийских групп, населяющих побережья Охотского моря и Омолона, и в негидальском языке. Данная номинация является древним родоплеменным названием тунгусов Среднего Приамурья [2, с. 154]. Г.М. Василевич пишет: «Фонетические варианты *Торганэй* ~*Торгандри* ~*Торгани* (в эвенских сказках) образованы древним тунгусским суффиксом, впервые записанным, как уже упоминалось, в XI в. в именах чжурчженей, что позволяет относить начало образования подобного рода собственных мужских имен к Приамурью. Сама основа имени –торган – была названием племени или группы населения в Верхнем Приамурье. В XVII в. этим именем называли группу дауров, по языку близкую конным тунгусам и связанную с ними узами свойства» [Там же, с. 156].

В эвенском языке большое количество иносказательных номинаций-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ являются производными от терминов родства старших родственников: *абйга*, *абыга*, *абауа*

‘дедушка (одно из названий медведя)’ от абага ‘дед (отец отца, матери) < як. *абаґа* ‘дядя (старший брат отца)’; *амикан*, *амаґа*, *амака*, *амика* ‘дедушка, батюшка (медведь)’ от *ама* ‘отец’; *упэ* ‘медведь (букв. бабушка)’ от *упэ* ‘бабушка’, *Ох* ‘тетка’; *этикэн* ‘медведь’ от *этикэн* ‘старик’; *этки*, *атка* ‘медведь’ от *этки* ‘тесть; свекор; старший брат жены; шурин (старший брат жены)’; *кэки* ‘старшенький, крестный (о медведе)’; *кэдук* ‘медведь’ от *кэли* ‘свояк, свояки (мужчины, женатые на сестрах, по отношению друг к другу)’; *кяга*, *киаґална* ‘медведь’ < юк. устар. *кагийа* ‘термин родства’; *каги*, *кагил* ‘а букв. ‘хитрый’ (о медведе) [5; 10].

Зафиксированные иносказательные номинации медведя, образованные от адъективных лексем и оформленные аугментативными аффиксами, характеризуют не только внешние признаки медведя, но также обладают дополнительной коннотацией, выражающей чаще всего страх и уважение человека к этому зверю: *ялдана-ндя* букв. ‘чернеющий, как уголь’ от *ялданя* ‘черный; темный’; *дэбэ-рэ* ‘шерстистый’ от *дэбули*, *дэбуку* ‘лохматый, мохнатый, шерстистый’; *нугдэ*, *нугдэ-кэ*, *нугдэ-не*, *нугды*, *нугдэ-кэ*, *нугдэ-не* букв. ‘темный; темнеющий’ от *нугдэ* ‘темный силуэт, предмет’; *эгде-кэе* букв. ‘большущий’ от *эгден* ‘большой (по размеру, величине)’; *чима* ‘масляный (о медведе)’ от *чима-ня* ‘блестяще-масляный’ [5].

Производные от субстантивных лексем иносказательные наименования медведя представляют ассоциации носителей языка, в которых зверь может сравниваться по внешнему сходству и тем или иным действиям с явлениями природы и предметами: *агды* букв. ‘громоподобный’ от *агды* ‘гром’; *ачуркан*, *очуркан* ‘медведь’ от *ачуркан* ‘покрывало яранги’; *кобалан* букв. ‘трескучий’ от *кабала* ‘грохот, гром, гул, рокот, треск, трескотня, хруст’ [5; 10].

Одним из тотемических именовании медведя в ряде говоров является *хэвья* О, Д-Ч, *хэвче* Бер, *хэвэйэ* Ох, вероятно, произошедшим от слова *хэвки* ‘бог; божественный’. По представлениям эвенков, медведь, считавшийся первопредком человека, наделялся иногда чертами доброго, всемогущего духа, хозяина окружающей природы, выступающего в различных ипостасях [5].

В эвенских говорах большую группу составляют иносказательные номинации медведя, производные от глагольных лексем с помощью различных субстантивных формантов: *дэрикэн* букв. `беглец` от глагола *дэримэттэй* `убегать от кого-л.`; *көлэуэ* букв. `ушедший` от тотемного слова *көлнэдэй* `уйти, удалиться; исчезнуть; отлучиться`; *уэлэуэ, уэлукэ* букв. `страшилище` от *уэлдэй* `испытывать страх, бояться, трусить, страшиться, дрожать от страха`; *хигимүэ, игэмүэ* букв. `свежевальщик` от *хигдэй* `свежевать зверя, снимать шкуру с убитого зверя, оленя`; *хучана, хучуна* букв. `беглец` и `черт` *хучудай* `упустить, дать уйти, убежать, скрыться; освободить от привязи; дать выскользнуть, вырваться`; *умалаңа* `медведь` [5; 6; 10; 15].

В результате анализа внутренней формы слов-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ определено, что семантическое содержание данных иносказательных номинаций обладают дополнительной коннотацией, характеризующих опасение человека перед этим животным, преклонение перед его силой, внешние характеристики и сакральность медведя в эвенском мировосприятии.

В результате этимологического анализа репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ определены следующие мотивирующие признаки: медведь; шкура медведя; дедушка; бабушка; старик; муж; хозяин; тесть; свекор; старший брат жены; шурин (старший брат жены); старшенький; крестный (о медведе); свояк, свояки (мужчины, женатые на сестрах, по отношению друг к другу); чернеющий, как уголь; шерстистый; темный; темнеющий; большущий; блестяще-масляный; хитрый; громоподобный; трескучий; божественный; беглец; страшилище; свежевальщик; черт; медвежий предок тунгусов.

В понятийное поле концепта МЕДВЕДЬ включены следующие признаки: половозрастные признаки, подставные наименования медведя, ритуальная охота на медведя, медвежий праздник Уркачак, сооружение для обрядового захоронения сакральных или жертвенных животных.

Половозрастные признаки медведя в эвенских говорах представлены следующим образом:

С дефиницией `медвежья семья` в ольском говоре используется лексема *төри*.

Номинация самцов медведя: hatмар ~ hadмар ~ атмар (эвенк. сатъмар), *эткэ* Бер `самец медведя` от *этки* `тесть; свекор; старший брат жены; шурин (старший брат жены)`.

Наименование самок медведя: упэ Ох, *атка* Бер, *накат асин, накат асиуан* Ол, *кяга н`амичанни накат н`амичанни* Ох, Лам; *кяга аһин* Лам, Тюг; *биран* Ох `медведица`; *хуркэч* Ол, М, Ох, П, Т, *уркэс* Арм, *уркэч* Б `медведица с медвежатами`; *хуркэ* Ол, П, *хуркө, хуркэ* Ох `беременная, зачавшая, стельная самка медведя`, также слово означает `стельная самка оленя, волка`; *ата* Ох иноск. `медведица` от *ата* `бабушка` (эвенк. *атыркаһа* от *атыркан* `старуха`, эвенк. *атыркана* букв. `большая старуха`) [6; 14; 15].

Наименования детенышей медведя: ган`ипчан Ол, *ган`апчан* Ох, Т, *ган`ипа* Ол, *ган`апа* П `годовалый медведь`; *накат качиканни* Ол, П `медвежонок`; *кэки утэннэ ~ кэки уччэнни* Арм `медвежонок (досл. детеныш медведя)`; *накат һутэн, кяга һутэн* – Лам, *накат качиканни* Ол, П, Ох (букв. щенок медведя) `медвежонок`; *оис~ойис* Ох `медвежонок (до одного года)`, *абауанилчакар* Бер `медвежата` [6; 14; 15].

В признак «подставные наименования медведя» включены табуированные лексемы, относящиеся к частям его тела, к пищевым запретам. В эвенской лингвокультуре подставные наименования применяются во время поедания мяса медведя, во время охоты на него, также табуированность сохранялась по отношению к частям тела медведя: *кунакатлилдай* `есть мясо медведя`; *кунамдудудай* Лам `убить медведя`; *уд`адай* Ол `потрошить медведя`; *абагамидай* `охотиться на медведя`; *чимадай* `есть жир (медведя)`; *уд`имчин* Ол, *уд`амчин* Ох `потроха медвежьё`; *мәна* `лапа медведя`; *н`бс* Ох `жир медведя`, *һэтэ* Ол, П, Ох, *этэ* Арм `сало медведя`; *кунакач* `мясо, жир медведя`; *кэкинчи* Арм, *накат ~накита* Ох `медвежья шкура`; *уркаттай* Ох `угощать мясом медведя` [5; 6; 14].

Признак «ритуальная охота и медвежий праздник Уркачак». В эвенской этнографической литературе не зафиксировано подробного описания обрядовой охоты на медведя и проведение медвежьего праздника. Этому способствовал запрет, восходящий к культу медведя, согласно которому медведь был тотемным предком чело-

века, поэтому у большинства эвенских групп Якутии специальной охоты на медведя не отмечено. В основном эвены охотились на не залегшего в берлогу осенью медведя-шатуна, являвшегося угрозой для людей и оленей. У.Г. Попова полагает, «...в частности, в той же рассохинской группе «медвежьи праздники» ввиду шаманских запретов специально не устраивались» [11, с. 189]. В лингвокультуре эвенов зафиксированы следующие зоолексемы, характеризующие признаки медведя-шатуна: *хөкэчэн* Ол, П, *хукэчэн*, *өкисэн* Арм, *өкэчэн* Б, *хукэчэн* Анад, Ох `медведь-шатун` от *хуг* `голодный` (нег. *хуүүчэн* ~ *хухэчэн* `голодный; озверелый (о медведе-шатуне –зимой)`); *медведь-шатун* (медведь, не залегший на зимнюю спячку)` (эвенк. *хуг*, *хууе*, *хууи*, *хууун*, *хух* `голодный (о звере); озверелый; медведь-шатун`); *һөкэчэн* Ол, П, *өкисэн* Арм, *өкэчэн* Б, *һукэчэн* `шатун или тарбаган, не залегший в берлогу` [5; 6; 14].

У некоторых восточных групп эвенов был зафиксирован медвежий праздник Уркачак, являвшийся сугубо мужским праздником, который они устраивали после добычи первого медведя. При разделке и поедании туши медведя соблюдался строгий ритуал, по которому люди произносили умиловительные слова, чтобы убедить медведя, что это не они его убили: «*Чамакчана киргаддын, дилики киргаддын...*» `Мыши тебя грызут, горностаи грызут`; вырезая шкуру около глаз, распорядитель каркал как ворон [3, с. 121].

При поедании мяса медведя соблюдались строгие правила, выполнявшиеся неукоснительно всеми членами рода. Женщинам разрешалось есть только заднюю часть туловища. Некоторые запреты, распространившиеся при проведении медвежьего праздника на женщин, были, очевидно, связаны с тем, что женщина считалась медведю более близкой родственницей чем мужчина [11, с. 121]. Старшая из женщин кормила огонь очага, воздавая тем самым благодарственную и искупительную жертву священному животному [3, с. 121].

В отличие от эвенов у эвенков особой запретности на проведение медвежьего праздника не зафиксировано. Ритуальное убиение медведя, проведение медвежьего праздника и его «похороны» были строго структурированы. Охота на медведя у эвенков проходила в

основном осенью. В ритуальной охоте существовали свои правила. Охотник, найдя нору, должен сообщить об этом своему собственнику, чаще брату жены, и предложить ему убить и освежевать медведя. Передача этого «убийства» называлась *ниматкин*, а собственник в таких случаях назывался *нимак ~ нимэк* [2, с. 160]. Г.М. Василевич приводит записанную по этому поводу К.М. Рычковым поговорку «Для медведя восемь чужеродцев легче, чем два брата», в которой отразилось представление о медведе – брате человека, поэтому убивать его должен был член другого рода [Там же, с. 160].

С дефиницией `царапина (сделанная медведем на дереве)` применяется в охотском диалекте лексическая единица *галак*. В мировосприятии эвенов считается запретным прикасаться к тому предмету, на чем оставил свои метки медведь, и такую вещь чаще всего выбрасывали. От человека, на которого напал медведь, после выздоровления от полученных ран ничего брать не разрешалось даже во временное пользование [11, с. 189].

Признак «*сооружение для обрядового захоронения сакральных или жертвенных животных*» вербализуется лексическими единицами *гэлин*, *гэлик* `лабаз из жердей и тальников, куда кладут кости священных зверей и оленя`; *гэливэттэй* `делать сооружение для останков медведя`. Эвены после убийства и поедания мяса медведя череп и кости медведя хоронили на специальном помосте *гэлик*, так как считалось, что в черепе и костях медведя находится его душа. Кости скелета связывались вместе в анатомическом порядке, чтобы медведь как можно быстрее возродился. Перед захоронением кости наряжали: надевали корьевые очки на глазницы, серьги, браслеты и т.п. По мнению эвенов, все это было необходимо медведю для далекого пути. На лиственницу, недалеко от помоста, вешали кусок материи – *хунматин*, который должен был защищать людей и оленей от этого медведя в будущем [3, с. 121].

Образные признаки концепта МЕДВЕДЬ выражены в виде устойчивых сравнений, использующихся в эвенском языке с формантами сравнения и подобия *-мдас/-мдэс* и *-гичин*, *-кичин*. По мнению В.А. Масловой: «Одним из ярких образных средств, спо-

собных дать ключ к разгадке национального сознания, является устойчивое сравнение» [8, с. 145].

М.В. Пименова отмечает: «Когда Собакевича называют медведем, то одновременно имя медведь относят к классу животных и к конкретному человеку, а из числа ассоциируемых с медведем признаков отбирают те, которые подходят к индивиду (крепость, грубая сила, косолапая походка, окраска и т.д.)» [4, с. 117].

В эвенском языке установлены следующие зоометафоры с компонентом *медведь*, характеризующие внешний облик человека, его характер, физическую силу:

внешний облик человека: о человеке большого роста используется выражение, *накатамдас* `подобный медведю`;

характер человека: о вспыльчивом человеке – *накатамдас хируку* `вспыльчивый, как медведь`, *накаткичин куиуңчин* `смотрит, как медведь` (о злом человеке), *накаткичин көргөдни* `зарычал, как медведь` (об обидчивом человеке) [5];

физические характеристики человека: *накатамдас эхуи* – о сильном человеке, *накатамдас эгден* `огромный, как медведь`;

действия человека, сравниваемые с действиями медведя: *накаткичин околаддиван* `как медведь поедает ягоды`.

В эвенской лингвокультуре зоометафора «*Як хучуна одай дэ-римэттэн*. `Убегает, словно медведь`» является характеристикой человека нелюдимого, сторонящегося людей.

Устойчивое сравнение «*Кягавчин хуклэли-дэ хуклэли*. `Как медведь все время сплю`» характеризует человека сонливого и ленивого.

В эвенской картине мира МЕДВЕДЬ **символизирует** тотемного предка, силу, выносливость, крепость духа. Согласно исследованиям, по представлениям тахтоямских эвенов медведь является хозяином земли и леса [3, с. 118]. **Символические признаки** концепта МЕДВЕДЬ в лингвокультуре эвенов отражены в шаманских обрядовых действиях, совершаемых во время ритуальной охоты на медведя и медвежьего праздника.

У тауйских эвенов женщины-шаманки при камланиях пользовались рукавицами, сшитыми из передних лап медведя, на которых

сохранились когти. [11, с. 181]. Вполне возможно, что, совершая камлание в таких рукавицах, обладатель рукавиц наделялся могущественной магической силой.

До настоящего времени эвенские знахари и шаманы для лечения человека используют лапы медведя с когтями. Во время процедуры лечения шаман расчесывает волосы больного при этом приговаривая: «Кягамдас эхүи оли, кяңамдас махүи оли!» `Стань таким же сильным как медведь, стань таким же твердым (духом) как медведь!`. Сало и желчный пузырь медведя у эвенов употреблялись в лечебных целях. Медвежьи лапы обладают охранительной функцией, и эвены подвешивают ее над дверью.

Лапы медведя эвенки подвешивали на шею оленям, чтобы сохранить их от волков, клали на лабаз, чтобы хищники не разоряли, призывали к колыбели, чтобы ребенок не плакал. На медвежьей лапе присягали, слегка подпаливая ее во время присяги. Грудную кость медведя вешали на центральную жердь (чимка) остова чума [2, с. 163].

У эвенков во время свежевания мяса медведя «охотник (нимак) тут же съедал сердце медведя в сыром виде, чтобы приобрести свойства медведя» [Там же, с. 161].

Заключение

Таким образом, концепт МЕДВЕДЬ является одним из ключевых в эвенской языковой картине мира. Тотемические номинации МЕДВЕДЯ, зафиксированные в лингвокультуре эвенов, отражают персонификацию и сакрализацию данного животного в мировосприятии народа. В языковом сознании носителей языка преобладающими образными признаками являются антропоморфные признаки. Символические признаки отражены в шаманских ритуальных действиях, в обычаях и в обрядах эвенов.

Список литературы

1. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 238 с.

2. Василевич Г.М. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века (Сборник Музея антропологии и этнографии, Т. XXVII). 1971. С. 150-169.
3. История и культура эвенков: Историко-этнографические очерки / Колл. авторов: В.А. Туголуков, В.А. Тураев, Б.А. Спешаковский, Н.В. Кочешков и др. СПб: Наука, 1997. 180 с.
4. Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию. М.: Флинта, 2016. 248 с.
5. Кузьмина Р.П. Концепт «медведь» в языковой картине мира эвенков // Филология: научные исследования, 2019. № 2. С.223-231
6. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 241 с.
7. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX –XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект; Мир. 2012. 331 с.
10. Петров А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны). Новосибирск: Наука, 2013. 216 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
11. Попова У.Г. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культура эвенков Охотского побережья. 1917-1977. М.: Наука, 1981. 303 с.
12. Русско-эвенский словарь /В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 777 с.
13. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнос и культура, 2002. № 1. С. 41-62
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т.1. А-Н; 1977. Т.2. О-Э.
15. Эвенко-русский словарь / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. Новосибирск: Наука, 2004. 356 с.
16. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finn-Ugrian Society, 1991, 120 p.

17. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the Negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, 297 p.
18. Pulsidski B. Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore. Working papers. Poznan: Adam Mickewicz university institute of linguistics, 1985, 56 p.
19. Pushkarëva E. The experience of ethnological reconstruction of Nenets shamanistic ritual on the topic «prediction of the future» // *Etnomuskologian Vuosikirija*. Helsinki, 1999, pp. 55-61.
20. Sotavalta A. Westlamutische materialen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978, 212 p.

References

1. Anisimov A.F. *Religiya e`venkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy` proisxozhdeniya pervoby`tny`x verovanij* [Evenki religion in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958, 238 p.
2. Vasilevich G.M. O kul`te medvedya u e`venkov [On the Evenks` cult of the bear]. *Religiozny`e predstavleniya i obryady` narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka (Sbornik Muzeya antropologii i e`tnografii, T. XXVII)* [Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the XIX – early XX centuries (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, vol. XXVII)], 1971, pp. 150-169.
3. *Istoriya i kul`tura e`venov: Istoriko-e`tnograficheskie ocherki* [History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka, 1997, 180 p.
4. Kolesov V.V., Pimenova M.V. *Vvedenie v konceptologiyu* [Introduction to conceptology]. Moscow: Flinta, 2016, 248 p.
5. Kuz`mina R.P. Koncept «medved`» v yazy`kovoju kartine mira e`venov [Concept of the bear in the linguistic picture of the Even world]. *Filologiya: nauchny`e issledovaniya* [Philology: scientific studies], 2019, no. 2, pp. 223-231.
6. Lebedev V.D. *Oxotskij dialekt e`venskogo yazy`ka* [Okhotsk dialect of the Even language]. Leningrad: Nauka, 1982, 241 p.
7. Mazin A.I. *Tradicionny`e verovaniya i obryady` e`venkov-orochonov (konecz XIX – XX v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Orochon

- Evenks (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, 1984, 201 p.
8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: «Akademiya» Publ., 2010, 208 p.
 9. Meletinskij E.M. *Poe'tika mifa* [Poetics of the myth]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Mir, 2012, 331 p.
 10. Petrov A.A. *Leksika duxovnoj kul'tury` tungusoyazy`chny`x narodov (e`venki, e`veny`, negidal`cy, solony`)* [Vocabulary of the spiritual culture of the Tungus-speaking peoples (Evenks, Evens, Negidals, Solons)]. Novosibirsk: Nauka, 2013, 216 p.
 11. Popova U.G. *E`veny` Magadanskoj oblasti: ocherki istorii, xozyajstva i kul'tura e`venov Oxotskogo poberezh`ya. 1917-1977* [Evens of the Magadan region: essays on the history, economy and culture of the Evens of the Okhotsk coast. 1917-1977]. Moscow: Nauka, 1981, 303 p.
 12. *Russko-e`venskij slovar`* [Russian-Even Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1952, 777 p.
 13. Sokolova Z.P. Kul't medvedya i medvezhij prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [Bear cult and bear holiday in the worldview and culture of the peoples of Siberia]. *E`tnos i kul'tura* [Ethnos and culture], 2002, no. 1, pp. 41-62.
 14. *Sravnitel'ny`j slovar` tunguso-man`chzhurskix yazy`kov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad: Nauka, 1975. vol. 1-2, 1977.
 15. *E`vensko-russkij slovar`* [Even-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2004, 356 p.
 16. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finn-Ugrian Society, 1991, 120 p.
 17. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the Negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, 297 p.
 18. Pulsidski B. Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore. Working papers. Poznan: Adam Mickewicz university institute of linguistics, 1985, 56 p.
 19. Pushkareva E. The experience of ethnological reconstruction of Nenets shamanistic ritual on the topic «prediction of the future». *Etnomusikologian Vuosikirija*. Helsinki, 1999, pp. 55-61.

20. Sotavalta A. Westlamutische materialen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978, 212 p.

Используемые сокращения в названиях говоров:

Алл – аллаиховский	Ойм – оймяконский
Анад – анадырский	Ох – охотский
Арм – арманский	Ол – ольский
Бер – березовский	П – пенжинский
Б – быстринский	С-Эв – северо-эвенский
Д-ч – догдо-чебогалахский	Т – томпонский
К-О – колымо-омолонский	Тюг – тюгяирский
Лам – ламунхинский	як. – якутский
М – момский	юк. – юкагирский
Н-К – нижнеколымский	

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Раиса Петровна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
raisakuzmina2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Raisa P. Kuzmina, Senior Researcher, Ph. D. in of Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky, Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
raisakuzmina2013@yandex.ru
SPIN-code: 5134-1230
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-3448>
Researcher: K-1522-2018

Поступила 13.01.2022

После рецензирования 17.01.2022

Принята 18.02.2022

Received 13.01.2022

Revised 17.01.2022

Accepted 18.02.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-97-120

УДК 81.42, 81.38 811, 659.11, 659.118

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕКЛАМНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.В. Богуславская, Хунбо Юй

Обоснование. В связи с активным интересом исследователей к проблемам социального взаимодействия в публичном коммуникативном пространстве обоснованным является обращение авторов к рекламному техническому дискурсу, особенности социальной коммуникации которого обусловлены разными типами целевой аудитории (специалисты, деловые люди и массовая аудитория).

Цель исследования заключается в том, чтобы выделить и охарактеризовать социолингвистические особенности рекламного технического дискурса, учитывая социальную целенаправленность и адресованность данного типа дискурса.

Материалы и методы. Эмпирическим материалом послужили рекламные буклеты и объявления в Yandex с 2018 по 2022 гг. Объем выборки для статьи составил 140 текстов технической рекламы. При анализе материала были использованы интерпретативный анализ, метод контент-анализа.

Результаты. Результаты исследования показали, что для рекламных технических текстов, предназначенных для специалистов, характерно использование специальных терминов. Для текстов, адресованных деловым людям характерно доминирование лексических единиц экономической тематики, активное употребление атрибутивных словосочетаний, аббревиатуры в области экономики и международного стандарта безопасности. Техническую рекламу для массовой аудитории отличает употребление оценочных слов и выражений, разных стилистических средств. Анализ социального взаимодействия в рекламном техническом дискурсе позволил выявить и социолингвистическую специфику рекламного технического

дискурса посредством характеристики языковых средств, используемых в рекламе, созданной для разных типов адресатов.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в практической работе рекламными специалистами, продвигающими на рынке техническую и высокотехнологическую продукцию; в курсах лекций по лексикологии и рекламному дискурсу. Они также могут быть полезны ученым, занимающимся исследованиями технической и научно-технической рекламы.

Ключевые слова: социальная коммуникация; рекламный технический дискурс; языковые средства; адресованность

SOCIAL INTERACTION IN ADVERTISING TECHNICAL DISCOURSE

V.V. Boguslavskaya, Hongbo Yu

Background. In connection with the active interest of researchers in the problems of social interaction in the public communicative space, it is reasonable for the authors to refer to the advertising technical discourse, where the features of social communication are due to different types of target audience, i.e., specialists, business people and the mass audience.

The purpose of the study is to identify and characterize the sociolinguistic features of advertising technical discourse, taking into account the social purposefulness and targeting of this type of discourse.

Materials and methods. The empirical material was advertising booklets and ads in Yandex from 2018 to 2022. The sample size for the article was 140 texts of technical advertising. When analyzing the material, interpretive analysis, the method of content analysis were used.

Results. The results of the study showed that technical advertising texts intended for specialists are characterized by the use of special terms. Those addressed to business people are characterized by the dominance of lexical units of economic subjects, the active use of attributive phrases, abbreviations in the field of economics and the international security standard. Technical advertising for a mass audience is distinguished by

the use of evaluative words and expressions, various stylistic means. The analysis of social interaction in advertising technical discourse made it possible to identify the sociolinguistic specifics of advertising technical discourse by characterizing the language means used in advertising created for different types of recipients.

Practical implications. *The results of the study can be used in practical work by advertising specialists who promote technical and high-tech products on the market; in lecture courses on lexicology and advertising discourse, they can also be useful to scientists involved in research on technical and scientific and technical advertising.*

Keywords: *social communication; advertising technical discourse; language means; addressing*

Введение

На сегодняшний день спрос на высокотехнологичные, инновационные товары растет. Это в первую очередь энергосберегающие, высокоэффективные, экологически безопасные товары. Инновации в науке и технике требуют информирования целевой аудитории. Технологическая революция оказала глубокое влияние на управление СМИ и все звенья, формирующие цепочки культурных ценностей [16, p. 113]. Общеизвестным является влияние рекламы на развитие человеческого общества посредством формирования мышления потребительской аудитории: постепенно повышается потребность в приобретении данного товара или услуги, а также растет чувство удовлетворения от процесса использования товара, его эффективности, удобства, утилиты, эстетики и т.п. [14, p. 77]. Рекламный технический дискурс, будучи важным носителем информации и средством массовой коммуникации, стал одним из наиболее важных и распространенных типов современного институционального общения.

Актуальность исследования подчеркивается недостаточной изученностью социального взаимодействия в рекламном техническом дискурсе, что определяется его пограничным положением между техническим, научно-техническим и рекламным дискурсами. Его

исследование требует владения узкоспециальными и общенаучными знаниями, четкого понимания цели (которую ставит перед собой создатель рекламы) и представления об интеллектуально-умственных, эмоциональных и эстетических требованиях потенциальных реципиентов.

Цель статьи состоит в раскрытии и систематизировании социолингвистических особенностей рекламного технического дискурса с учетом адресованности технической рекламы разным типам аудитории.

Научная новизна состоит в том, что рекламный технический дискурс (РТД) впервые охарактеризован в аспекте лингвистически релевантных способов продвижения высокотехнологичной продукции для разных типов целевой аудитории. На уровне лингвистической репрезентации определена лексическая специфика. Впервые определены конститутивные прагматические и семантические признаки русского рекламного технического дискурса, обобщены и систематизированы типичные характеристики текстов русскоязычной технической рекламы в коммуникативном аспекте. Данное исследование вносит вклад в развитие теории дискурса, современной коммуникативистики и лингвистики, характеризуя разновидность русского рекламного дискурса и уточняя текстуально-языковые средства, используемые в данном коммуникативном пространстве.

Материалы и методы

Объектом представляемого исследования является рекламное сообщение по тематике высокотехнологичных товаров – экологических и инновационных осветительных приборов и устройств.

В данной статье использованы:

- интерпретативный анализ, предполагающий толкование рекламных сообщений на социолингвистическом уровне;
- метод контент-анализа, основанный на выявлении фокусов внимания индивидов, определения намерений, интересов, ценностей участников социальной коммуникации [1, с. 97].

Результаты и обсуждение

Рекламный технический дискурс (РТД) представляет собой убеждающий дискурс, содержащий прямые или косвенные аргументы в пользу достоинства технического товара. Прикладные аспекты и вопросы формирования стратегий научной коммуникации и научных достижений (что в полной мере относится и к технической рекламе – рекламе высокотехнологичных товаров в современной модели цифровой коммуникации максимально полно рассматривает W. Matthew Shipman [15, p. 288].

Данные о технических характеристиках научно-технической продукции, ее эффективности и полезности в сравнении с предыдущим поколением являются одним из важнейших фокусов внимания реципиентов рекламного технического дискурса. Так, по мнению С.В. Подолковой, «наличие детального описания устройства и принципа работы рекламируемого объекта определяется категорией пользователя, то есть на кого рассчитан текст рекламы. Если он предназначен инженерам, технологам, то есть людям, занимающимся практической деятельностью в сфере производства, то подробное описание конструкции и принципа действия необходимо. Если текст технической рекламы рассчитан на менеджеров, коммерческих директоров, специалистов смежных отраслей промышленности, то в описании тонкостей конструкции нет необходимости» [5, с. 82].

С точки зрения языка, в рекламе делается акцент на учет этических и психологических особенностей аудитории, на национальные традиции и т.д. [12, p. 56]. Е.Н. Ремчукова подчеркивает, что «несмотря на коммерческий характер национально-ориентированной рекламы, для нее типична социальная направленность, связанная с продвижением продукта или услуги на внутреннем рынке с помощью актуализации национальных ценностей» [6, с. 58]. С целью достижения высокоэффективной целенаправленной передачи информации появилась необходимость классифицирования рекламного технического дискурса по типам адресатов.

Учитывая уровень владения фоновыми знаниями в области технической рекламы, мы разделяем адресатов русского РТД на три группы:

- Специалисты (инженеры, технологи), т.е. люди, занимающиеся практической деятельностью в сфере производства с владением узкоспециальными знаниями, для которых актуально подробное описание конструкции и принципа действия устройства;
- Деловые люди (менеджеры, коммерческие директора, инвесторы, предприниматели, руководители компаний), владеющие межотраслевыми знаниями, – специалисты смежных отраслей промышленности и экономики, для которых в описании тонкостей конструкции, процесса производства и другой наукоемкой информации нет необходимости;
- Массовая аудитория, которая владеет общенаучными знаниями, но не обладает узкоспециальными знаниями.

Е.А. Долуденко выделяет 3 типа рекламных технических текстов:

1) «тексты технической рекламы, адресованные специалистам в области создания информационных технологий. Реклама подобного рода представлена, в основном, в рекламных проспектах, буклетах, листовках, выпускаемых фирмой-производителем»;

2) «тексты технической рекламы, предназначенные для деловых людей, профессионалов в сфере применения информационных технологий (бизнес, финансы и т.п.). Это реклама, публикуемая в профессиональных журналах для деловых людей»;

3) «тексты технической рекламы, направленные на реципиентов – неспециалистов, чьи профессиональные интересы не связаны с использованием новых информационных технологий, но которые в силу определенных причин (из соображений престижа, любопытства, с целью вложения денег, для развлечения, обучения детей и т.д.) готовы приобрести предлагаемые продукты. Техническая реклама, рассчитанная на такую аудиторию, по своим параметрам приближается к бытовой рекламе, оставаясь технической лишь номинально. Она размещается, в основном, в средствах массовой информации, рассчитанных на широкий круг читателей» [2, с. 56-57].

1. Рекламный технический текст (ядро РТД), предназначенный для специалистов

По нашему мнению, адресатом текста технической рекламы являются как специалисты, профессионально подготовленные в сфере высокотехнологичных, инновационных технических достижений и научных открытий, так и деловые люди, представители бизнеса, заинтересованные в продвигаемых технических продуктах, обладающие знаниями в экономической области, и массовая аудитория, имеющая базу общенаучных знаний. Эти фоновые знания помогают аудитории понимать основную информацию технической рекламы.

В рекламном техническом тексте, предназначенном для аудитории специалистов, характерным является широкое использование специальных (технических) терминов. С точки зрения их морфологической характеристики, установлено, что преобладают отглагольные существительные.

Узкоспециальные термины с прямым номинативным значением выполняют важную функцию для описания технических товаров, объяснения их технологических особенностей и аргументации их преимуществ. Чтобы не допустить возникновения погрешности и избежать табу в процессе понимания семантики слова адресатом, не мешать аудитории быстро воспринимать информацию, в тексте не употребляются многозначные слова-термины.

По мнению В.Н Комиссарова, термин имеет «строго определенное значение, которое может быть схемой логического определения, устанавливающего место обозначенного термином понятия в системе понятий данной области науки и техники» [4, с. 86]. М.П. Сенкевич указывает, что для промышленной рекламы характерно обилие общенаучных слов, особенно слов, выражающих абстрактные понятия, и терминов [8, с. 184]. Автор текста использует термины для описания и объяснения специальных объектов, технического процесса, явлений или действий, чтобы достигнуть строгой точности, краткости, профессиональности изложения текста технической рекламы. Например:

Дисплей OLED стал на 28% ярче – до 800 кд/м². На нём всё хорошо видно даже в самый солнечный день. А яркость при просмотре

контента в HDR достигает 1200 кд/м². Вы сможете различить мельчайшие оттенки чёрного и белого – как и всех остальных цветов. При этом дисплей расходует заряд аккумулятора ещё более экономно, чем прежде. (Apple, 2022)

С целью повышения понимания, эффективности семантического декодирования информации в технической рекламе к тексту нередко добавляют словарь общетехнических терминов или существительных с наименованием того или иного технического объекта или явления. Например:

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ, В (Вольт) – физическая величина, значение которой равно работе эффективного электрического поля, совершаемой при переносе единичного пробного электрического заряда из точки А в точку В (AMASIS, 2018).

Насыщенность узкоспециальными терминами является одной из главных особенностей рекламного технического текста, которая отличает его от других типов текста. Например:

КСС (Кривая Силы Света). Под КСС понимают график зависимости силы света светового потока от меридиональных и экваториальных углов, получаемый сечением его фотометрического тела плоскостью или поверхностью. КСС подразделяются на семь типов: концентрированная (К), глубокая (Г), косинусная (Д), полуширокая (Л), широкая (Ш), равномерная (М), синусная (С). Для производственных помещений рекомендуется применять светильники прямого света с КСС типа К, Г, Д. Чем больше высота подвеса, тем уже зона направлений максимальной силы света. Для общего освещения офисов применяют светильники прямого и рассеянного света с КСС типа Г и Д. Для подсветки особых, выделенных зон, внутренних архитектурных решений и деталей интерьера подходят световые приборы с КСС типа К. Для формирования отраженного или приглушенного света (например, в холле здания) применяют светильники преимущественно отраженного света с КСС типа С. Для автострад, улиц, автотранспортных туннелей, надземных и подземных пешеходных переходов и вытянутых коридоров общественных зданий применяют све-

тильники с КСС типа Л и Ш. Для освещения подсобных помещений, подъездов, бытовок применяют светильники с КСС типа М (Good Light, 2018).

Текстам РТД свойственно обилие терминов из различных областей научно-технического знания. Так, например, проанализировав тексты рекламы приборов освещения, мы выделили четыре базовых группы встречающейся в них научной терминологии:

- Оптика. Например: *модификации по цветовой температуре: 3000 К (теплый), 4000 К (комфортный), 5000 К (нейтральный), 6500 К (холодный). Световой поток светильника 3600 Лм, 5200 Лм, 6000 Лм (Дюрэй, 2018)*

- Электричество. Например: *напряжение электросети 230 В/50 Гц. Номинальная мощность 9 Вт, 12 Вт, 15 Вт. (п.р. компания ESYLUX, 2018 г.)*

- Термика. *В частности, диапазон рабочих температур - 40... + 70°С. Наличие встроенного предохранителя. Термопредохранитель невосстанавливаемый, 128°С (GALAD, 2018).*

- Математика. Например, *общая масса, 7.3 кг. Габаритные размеры (Д×Ш×В), 540×420×127 мм. (AMASIS, 2018).*

Кроме этого, сокращения и аббревиатуры тоже выполняют в рекламном техническом тексте функцию терминов. Часто можно увидеть сокращение с оставлением начальной буквы. Такие специальные термины имеют ограничение использования, т.е. используются только в специальной сфере технической деятельности, не подходят для употребления в другой сфере.

В тексте использование таких сокращений на лексико-морфологическом уровне не только экономит время восприятия информации, но и позволяет достигнуть краткости текста, чтобы автор мог больше информировать о товаре в ограниченном рекламном жанром тексте. Например:

- русские аббревиатуры (*Коэффициент полезного действия (КПД); Кривая Силы Света (КСС); концентрированная (К); глубокая (Г); косинусная (Д); полуширокая (Л); широкая (Ш); равномерная (М); синусная (С)*),

- английские аббревиатуры (*LED, светодиод, от англ. Light Emitting Diode; SMD, детали, монтируемые на поверхность – компоненты, от англ. Surface Montage Details*),

- англо-русские гибриды (*IES-файл, файл с расширением.ies, файл данных общества проектирования осветительных приборов, от англ. Illuminating Engineering Society*),

- заимствованные слова в сокращенном виде (*СИ, Международная система единиц, от англ. SI, International System; Вт, Ватт, от англ. Watt; Лм, люмен, от франц. Lumen; К, Кельвин, от англ. Kelvin*).

Термины не только поддерживают точное ясное восприятие информации адресатом, но и создают высокоуровневую сжатую информационную среду, чтобы специалист мог эффективно воспринимать основную идею текста.

Кроме того, для информирования специалистов и деловых людей широко используются отглагольные существительные. О.С. Жесткова отмечает, что «зачастую дается лишь простое указание на то, что отглагольное существительное имеет значение действия или состояния по одному или нескольким значениям мотивирующего глагола» [3, с. 259].

В рекламном техническом тексте нередко прибегают к отглагольному существительному для описания процесса технического производства, перечисления услуг, имеющих конкурентные преимущества в данной области, представления научных достижений, полученных командой инженерно-технического состава. Актуализации эффекта усиления внимания способствуют абстрактные отглагольные существительные со значением действий, имеющих положительный результат: управление, поддержка, сокращение расходов, производство и др. Например:

Производство светотехнического оборудования с 2014 (вместо производить); поддержка проектов архитектурного освещения любой сложности (вместо поддерживать); разработка полного пакета проектной документации (вместо разработать); сопровождение всех этапов работ, от идеи до реализации (вместо сопровождать) (RADUGA, 2018).

Автор текста излагает факт, событие, процесс, действие, состояние посредством использования отглагольных существительных. Например:

Гарантия высокого качества завода изготовителя;
Расчет и изготовление нестандартных конструкций по индивидуальному проекту;
Покраска в любой цвет (палитра RAL);
Доставка автомобильным и железнодорожным транспортом в любую точку России или стран СНГ (Легион, 2019).

Анализ материала исследования позволил заметить, что группы отглагольных существительных разделяются по признакам семантики на три группы:

- отглагольное существительное для выражения процесса или состояния: *гарантия (гарантировать)*;
- отглагольное существительное для выражения действия: *доставка (доставлять – доставить), расчет (рассчитывать – рассчитывать), изготовление (изготавливать – изготовить), покраска (красить – покрасить)*;
- отглагольное существительное для выражения субъекта: *изготовитель (изготавливать – изготовить)*.

Отглагольное существительное часто ставится в начале предложения для актуализации внимания на фактическое действие; в этом случае отглагольное существительное обычно находится в односоставном номинативном предложении для перечисления услуг, сфер и возможностей употребления рекламируемого товара, преимуществ работы компании, что усиливает логичность текста, подчеркивает ключевые пункты и экономит время чтения рекламного сообщения. Например:

- *Производство светотехнического оборудования с 2014 года;*
- *Поддержка проектов архитектурного освещения любой сложности;*
- *Время поставки оборудования от 1 до 45 дней;*
- *Гарантийное обслуживание 5 лет;*
- *Разработка полного пакета проектной документации;*
- *Сопровождение всех этапов работ, от идеи до реализации (Raduga, 2018).*

Частотным является использование отглагольного существительного для обозначения особенностей эксплуатации рекламируемого товара. Например,

Включение и выключение датчиком движения, встроенным в светодиодный светильник.

Радиоуправление цветом и интенсивностью освещения при помощи пульта управления или кнопочного выключателя.

Поддержка освещения встроенными аккумуляторными батареями при исчезновении напряжения в сети питания (Ledix, 2019).

Кроме того, отглагольное существительное, употребляемое для названия продукта обработки – *датчик (давать – дать), движение (двигать – двинуть), светильник (светить), освещение (освещать – осветить), выключатель (выключать – выключить), питание (питать)* – описывает конкретный материальный объект, являющийся результатом технического производства.

С целью повышения красоты, увлекательности и разнообразности текста и во избежание лексических повторов автор текста использует аналогичные пары отглагольным существительным вместо глагола. Например:

«Unilight Green» – система для контроля каждого светильника в теплице, дающая Вам уверенность, что каждый ватт потраченной электроэнергии увеличивает урожай. Теперь Вы можете лучше контролировать климат внутри теплицы и давать растениям столько света, сколько им нужно (Unilight, 2019).

В рекламном техническом дискурсе имеет место активное использование сочетания отглагольного существительного с вещественным, отвлеченным существительным или прилагательным.

Автор текста достигает максимальной информационной насыщенности текста посредством словосочетаний с высокой плотностью семантики. Такой способ выражения типичен для рекламных технических текстов, адресованном специалистам и деловым людям.

Использование отглагольного существительного характеризуется обобщенностью и завершенностью, повышает официальность и нормативность рекламного технического текста.

2. Рекламный технический текст, предназначенный для деловых людей

Базовое отличие РТД, адресатом которого являются деловые люди, заключается в том, что данный вид дискурса не предполагает сложного наукоемкого описания предлагаемого товара, но акцентирует внимание на его потребительских качествах, которые имеют выгодные преимущества для деловых людей в их профессиональной сфере деятельности. Соответственно, в рекламном техническом тексте, предназначенном для деловых людей, характерно доминирование лексических единиц экономической тематики, активное употребление атрибутивных словосочетаний, аббревиатур в области экономики и международного стандарта безопасности. Например:

Оборудование, программное обеспечение и сервисы Apple образуют эффективную экосистему. Начните работу над проектом на Mac, а закончите на iPad, разместите рядом два экрана, чтобы увеличить рабочее пространство, рисуйте на iPad с помощью Apple Pencil или вносите на iPhone исправления, которые сразу же отобразятся и на Mac. Кроме того, все устройства поддерживают приложения от Microsoft и Google, поэтому для любой задачи найдутся подходящие инструменты (Apple, 2022).

Автор текста апеллирует к показателям эффективной работы и интерпретации результатов, полученных компанией, подчеркивая достижения субъекта рекламы с помощью лексики положительной оценки [7, с. 107]. Положительная оценка позволяет вызвать у адресата позитивный отклик, создать общее приятное впечатление о рекламируемом техническом товаре. Одним из наиболее распространенных эмотивных средств является использование общеоценочных прилагательных.

Например: *В 2017 году компания BRAWEX продолжает успешный путь развития, вывода на рынок новой продукции самого высокого качества. Количество SKU в нашем ассортименте неуклонно растет, BRAWEX стал известным брендом на рынке светодиодной продукции. Но не просто брендом, а поставщиком действительно качественной продукции (BRAWEX, 2019).*

Лексика с утилитарной положительной оценкой (прилагательные, существительные) нередко используется в рекламном техническом тексте. Лексика этого типа тесно связана с экономикой. Например:

Предоставление лучших условий работы, низких цен, гибкой системы скидок, регулярное проведение акций – все это позволяет партнерам быть уверенными в своем поставщике и с удовольствием управлять своим бизнесом (Профит лайт, 2019).

Сохранение экологии и экономия электроэнергии. Мы не скрываем, а наоборот гордимся тем, что часть комплектующих, наиболее технологичных, конкурентных и надежных, мы производим на лучших заводах Китая и изготавливаем их из экологически чистых материалов, абсолютно безопасных для вашего здоровья (Good Light, 2018).

Можно отметить, что энергосбережение, экономия времени и денег являются главными темами при указании конкурентных преимуществ компании, особенно в рекламном техническом дискурсе, адресованном деловым людям.

В ранее опубликованных работах авторы уже обращали внимание на то, что «эмоциональное воздействие влияет на восприятие информации о рекламируемых товарах, однако не является обязательным требованием научно-технического рекламного текста» [11, р. 4]. При изложении информации о технических продукциях одной из главных тем является безопасность и долгосрочность. Для выражения таких особенностей автор текста использует лексику с нормативным значением (здоровый, безопасный, надежный, защитный, служить долгие годы, обеспечивать соответствие продукции, самые современные стандарты, качественный, правильный и др.).

В случае обращения за гарантийным обслуживанием в стране, не являющейся страной покупки Продукта Apple, компания Apple может выполнить ремонт или заменить продукт и запчасти на сопоставимые продукты или запчасти в соответствии местными стандартами (Apple, 2020).

Высокая ответственность делает просто необходимым упрощение контроля и управления над такой обширной сетью. Именно

поэтому особое внимание уделяется автоматизации и дистанционному управлению, что позволяет не только повысить надежность, а также снизить потребляемую электроэнергию и стоимость обслуживания осветительной установки (Galad, 2018).

Безопасность всегда оказывается важной характеристикой в текстах технической рекламы для всех типов адресатов.

Деловые люди имеют фоновые знания об экономике, безопасности продукции. Использование аббревиатур в данных областях способствует высокоэффективному и быстрому восприятию информации: EMC (единая модульная система), ГОСТ (государственный стандарт), ISO (International Organization for Standardization) Международная организация по стандартизации), TP TC (Технический регламент таможенного союза), АСУ (автоматизированная система управления) и др.

В компании внедрена передовая система управления качеством, включающая в себя усиленный контроль EMC и фотометрических параметров (LLT, 2018).

Производство соответствует международному стандарту системы менеджмента качества ISO 9001 (DURAY, 2018).

Благодаря апеллированию в текстах технической рекламы к соответствию рекламируемой продукции международным или государственным стандартам безопасности и качества, презентация надежности продукции и достоверности представленной информации считаются главными особенностями текста технической рекламы, адресованного деловым людям.

3. Рекламный технический дискурс, предназначенный для массовой аудитории

Рекламные тексты, адресованные аудитории неспециалистов, рассчитаны на широкий круг реципиентов и качественно отличаются от текстов, предназначенных специалистам или деловым людям. Исследователи отмечают также, что «прямые указатели адресованности характерны для убеждающего и внушающего типов англоязычной научно-технической рекламы, они адекватны тем, что используются в торговой рекламе» [10, с. 23]. Соответственно, такие тексты по своим

лингвокоммуникативным характеристикам соответствуют жанру бытовой рекламы – стремление к отсутствию научного стиля речи, преобладание эмоционально окрашенной и оценочной лексики, обилие приемов языковой игры. Для продвижения информации массовой аудитории автор рекламного текста применяет больше лексико-стилистических средств, чем в тексте, адресованном специалистам или деловым людям. Речевые стратегии, используемые при создании рекламных научно-технических текстов, содержат информацию о свойствах товара с целью продвижения этого товара на потребительском рынке [13, р. 644]. Тексту такого типа присущ публицистический, разговорный или художественный стиль, которые выполняют функции информирования и эмоционального воздействия в соответствии с созданной желательной атмосферой общения.

Использование элементов художественного стиля повышает выразительность текста, создает поэтический и эстетический образ адресанта. Например, в текстах технической рекламы, адресованной массовой аудитории, были обнаружены следующие средства языковой выразительности [9]:

Олицетворение: *Свет создающий комфорт* (LEDRON, 2018)

Переносное значение лексики (*свет* не только обозначает солнечный луч, но и светильники): *Свет, доступный каждому компания* (Профит лайт, 2019).

Инверсия: *Точную стоимость уточняйте у продавца* (Яндекс.Маркет, 2020).

Ассонанс: *Селфи в ночном режиме. Темнота, а красота* (Apple, 2021).

Аллитерация: *Сканер LiDAR. Дополненная реальность со скоростью света. Недостаток света не проблема для портрета* (Apple, 2021).

Гипербола: *Светло. Надежно. Навсегда* (MB Lighting, 2019).

Неполнота, усечение структуры: *Заряжается энергичнее* (Apple, 2021).

Анафора: *Новый широкоугольный семимиллиметровый объектив обеспечивает чёткость в любой части снимка. Новая система опти-*

ческой стабилизации изображения выполняет 5000 корректировок в секунду (Apple 2021).

Метафора: *Свет – источник жизни* (LED Linear, 2018).

Олицетворение: *Наступает ночь. Просыпается Ночной режим* (Apple, 2021).

Парцелляция: *Новые iPhone 12 и iPhone 12 Pro. Купить. Дисплей Retina. Встроенная защита данных. Защита от воды. Широкоугольная камера* (Apple, 2021).

Антитеза: *iPhone 12 mini. Великое в малом. Слабый свет. Неслабый результат* (Apple, 2021).

Сравнение: *Ceramic Shield. Как стекло. Как броня* (компания Apple, 2021).

Можно отметить, что художественный стиль особенно широко применяется в заголовке или слогане. Заголовок и слоган, построенный с использованием средств языковой выразительности, языковой игры отличается образностью, уникальностью, лаконичностью, краткостью и легкой запоминаемостью. В нем подчеркиваются ключевые идеи компании рекламодателя и отличия собственных неповторимых качеств от потенциальных конкурентов.

Текст технической рекламы, написанный в художественном стиле, служит для привлечения внимания массовой аудитории, широкого круга потенциальных клиентов, вызывания энтузиазма и интереса к дальнейшему чтению или ознакомлению с рекламируемой технической продукцией.

Для рекламного технического дискурса, адресованного массовой аудитории, характерным также является апеллирование к ценностям. Ценности, будучи культурно значимыми ориентирами жизни общества, активно используются в рекламном техническом дискурсе. Автор пытается вызвать эмоциональный отклик для создания положительного впечатления. Безопасность, внимание к людям, природа, родина, известность, успех, профессионализм – главные ценности, которые, как правило, читаются в тексте технической рекламы. Например:

Безопасность: *H2Oкей. Защита от брызг и воды ещё лучше* (Apple, 2021).

Внимание к людям: *Уважаемые партнеры! Предлагаем Вам сотрудничество с одним из ведущих российских производителей бытовых светильников – компанией «Декор-лайт»* (Декор-лайт, 2018).

Забота о природе: *В мире проданы миллиарды таких аксессуаров – и часто покупателям просто не нужны новые. Поэтому мы решили исключить их из комплекта для всей линейки iPhone. Это поможет сократить углеродные выбросы, а также снизить объёмы добычи и использования ценных материалов* (Apple, 2021).

Родина: *Отечественный производитель* (MB Lighting, 2018).

Известность: *Компания является членом российской «Ассоциации по развитию парков и городских общественных зон» и является номинантом премии «100 лучших товаров России»* (Сад радости, 2018).

Успех: *Комплексное решение ваших задач – это путь к успеху в условиях современного рынка* (Имлайт, 2018).

Профессионализм: *Сегодня мы используем наш многолетний опыт разработки автоматизированных систем управления зданиями на основе датчиков при разработке перспективных светодиодных систем освещения* (ESELUX, 2018).

Ценности отражаются в коллективном языковом сознании, участвуют в формировании языковой картины мира конкретного социума, влияют на восприятие информации и формирование целостного образа автора текста.

Заключение

Таким образом, было обнаружено, что в рекламном техническом дискурсе коммуникативная специфика отбора и использования языковых средств обусловлена адресацией технической рекламы разным типам целевой аудитории. В результате количественных подсчетов было установлено: из проанализированных 140 текстов (сплошная выборка) 17% адресованы специалистам (24), 53% адресованы деловым людям (74), 30% – массовой аудитории (42).

В рекламе для специалистов доминируют технические термины, в рекламных текстах, адресованных деловым людям, – лексические единицы экономической тематики, а для текстов, адресованных

массовой аудитории характерно использование оценочных слов и выражений.

В текстах, адресованных специалистам, было обнаружено 138 лексических единиц, рассматриваемых нами как доминантные. Из них: **61,5% – технические термины (85)**; 30% – лексика экономической тематики (41); 8,5% – оценочная лексика (12).

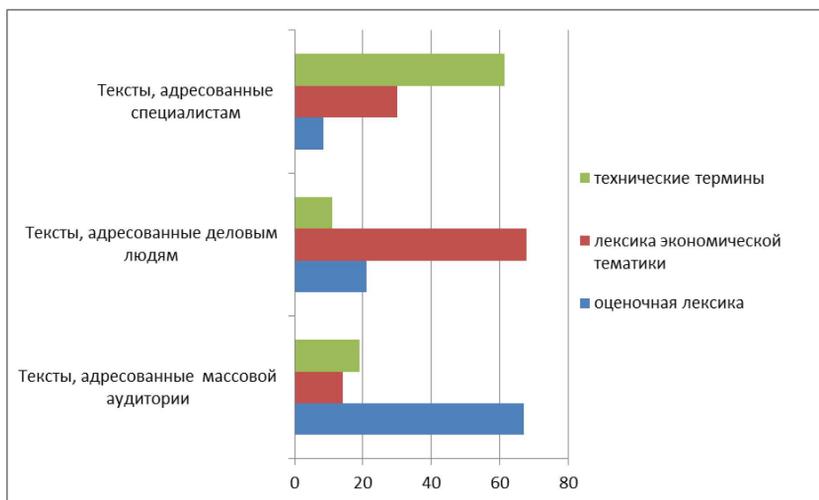
В текстах, адресованных деловым людям, было обнаружено 256 лексических единиц, рассматриваемых нами как доминантные. Из них: 11 % – технические термины (29); **68% – лексика экономической тематики (174)**; 21% – оценочная лексика (53).

В текстах, адресованных массовой аудитории, было обнаружено 233 лексические единицы, рассматриваемые нами как доминантные. Из них: 19 % – технические термины (44); 14% – лексика экономической тематики (33); **67% – оценочная лексика (156)**.

На диаграмме 1 представлено соотношение лексических доминант, характерное для текстов РТД, адресованных различной аудитории.

Диаграмма 1.

Соотношение лексических единиц, характерных для текстов технической рекламы, адресованной разным типам аудитории

Представленные результаты количественных подсчетов подтверждают существование коммуникативной специфики в отборе языковых средств, используемых для разных типов целевой аудитории в рекламном техническом дискурсе.

Такая методологически оправданная постановка задачи комплексного описания дала возможность объединить коммуникативно-прагматический, дискурсивный, лингвосомиотический подходы к изучению речевого материала и продемонстрировать корреляцию между маркетинговыми задачами позиционирования товара и соответствующими характеристиками рекламного текста.

Список литературы

1. Артемьева О.А. Количественные и качественные методы психологического воздействия массовой коммуникации: учеб. пособие. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2007. 155 с.
2. Долуденко Е.А. Тексты технической рекламы, их семантико-синтаксическая и прагматическая характеристики: (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1998. 208 с.
3. Жесткова О.С. К вопросу о проблеме лексикографического описания отглагольных существительных // Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского. 2012, № 27. С. 259-261.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высш. шк., 1990. 258 с.
5. Подолкова С.В. Прагматическая направленность введения как элемента композиции в текстах технической рекламы // Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. 2006. № 3(87). С. 82-85.
6. Ремчукова Е.Н., Омеляненко В.А., Ван Юйджи. Национально-ориентированная реклама как лингводидактический ресурс в преподавании русского и китайского языков // Ценности и смыслы. 2021. № 2(72). С. 45-62.
7. Селеменова О.А. Средства создания рекламных эффектов в креолизованных текстах маркетинговой коммуникации // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2019. № 4. С. 105-118.

8. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и редактирование научных произведений: уч. пос. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1984. 319 с.
9. Хазагерев Т.Г., Богуславская В.В., Ширина Л.С., Ширина Е.В. Стилистика и риторика в схемах таблицах, иллюстрациях: методическое пособие. Ростов-на-Дону: РГУ. 1998. Ч. 1. 24 с.
10. Шестакова И.Г. Научно-техническая реклама как дискурсивное явление // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы IV Международной науч.-практ. конф-ии (16-17 октября 2008 г.). Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. С. 292-297.
11. Boguslavskaya V.V., etc. Advertising Texts in Communication Strategies to Promote Hi-Tech Consumer Goods // Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar. 2019, pp. 3-6. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709629.
12. Gao Fengxia. Social Culture and Advertising Language // Journal of Shangqiu Vocational and Technical College. 2007. № 6(4), pp. 56-57.
13. Ivanova, R.A., Rotanova, M.B., Ivanov, A.V., Prokhorova, M.V., Philip-pova, S.Y. Manipulative IT and Verbal Strategies in Scientific and Technical Advertising // Proceedings of the 2021 IEEE Conference on Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies (IT&MQ&IS), 2021, pp. 644-647.
14. Liao Guirong. A review of the research on advertising language in my country in the past thirty years // Journal of Jiangsu Radio and Television University. 2008. № 2, pp. 76-80.
15. Shipman W.M. Handbook for science public information officers. University of Chicago Press, 2015, 176 p.
16. Yu Hongbo, Boguslavskaya V.V. Semiotic tools in technology for promoting hi-tech products in Chinese and Russian advertising technical discourse // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), 2020, pp. 113-117. DOI: 10.1109/ComSDS49898.2020.9101316.

References

1. Artemyeva O.A. *Kolichestvennye i kachestvennye metody psichologicheskogo vozdeystviya massovoj kommunikacii* [Quantitative and qualita-

- tive methods of psychological impact of mass communication]. Irkutsk: ISU Publ., 2007, 155 p.
2. Doludenko E.A. *Teksty tekhnicheskoy reklamy, ikh semantiko-sintaksi-cheskaya i pragmaticheskaya kharakteristiki: (na materiale angliyskogo yazyka)* [Texts of technical advertising, their semantic-syntactic and pragmatic characteristics: (on the material of the English language)]. PhD dissertation. Pyatigorsk, 1998, 208 p.
 3. Zhestkova O.S. K voprosu o probleme leksikograficheskogo opisaniya otglagol'nykh sushchestvitel'nykh [On the issue of the problem of lexicographic description of verbal nouns]. *Izvestija PGPU im. V.G. Belinskogo* [Proceedings of PSPU named after V.G. Belinsky], 2012, no. 27, pp. 259-261.
 4. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1990, 258 p.
 5. Podolkova S.V. Pragmaticheskaya napravlennost' vvedeniya kak elementa kompozitsii v tekstakh tekhnicheskoy reklamy [Pragmatic orientation of the introduction as an element of composition in the texts of technical advertising]. *Visnyk Sums'kogo derzhavnogo universytetu* [Bulletin of the Sumy State University], 2006, no. 3(87), pp. 82-85.
 6. Remchukova E.N., Omelyanenko V.A., and Wang Yuji. Natsional'no-orientirovannaya reklama kak lingvodidakticheskii resurs v prepodavanii russkogo i kitayskogo yazykov [Nationally oriented advertising as a linguo-didactic resource in teaching Russian and Chinese]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 2021, no. 2(72), pp. 45-62.
 7. Selemeneva O.A. Sredstva sozdaniya reklamnykh effektov v kreolizovannykh tekstakh marketingovoy kommunikatsii [Means of creating advertising effects in creolized texts of marketing communication]. *Vestnik VolGU* [VolSU Bulletin], 2019, no. 4, pp. 105-118.
 8. Senkevich M.P. *Stilistika nauchnoy rechi i redaktirovaniye nauchnykh proizvedeniy* [Stylistics of scientific speech and editing of scientific works]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1984, 319 p.
 9. Khazagerov T.G., Boguslavskaya V.V., Shirina L.S., Shirina E.V. *Stilistika i ritorika v skhemakh tablitsakh, illyustratsiyakh: metodicheskoye posobiye* [Stylistics and rhetoric in schemes, tables, illustrations: a methodological guide]. Rostov-na-Donu: RSU Publ., 1998, part 1, 24 p.

10. Shestakova I.G. Nauchno-tehnicheskaya reklama kak diskursivnoye yavleniye [Scientific and technical advertising as a discursive phenomenon]. *Jazykovaja kartina mira: lingvisticheskij i kul'turologicheskij aspekty* [Language picture of the world: linguistic and cultural aspects]. Biysk: BPSU Publ., 2008, pp. 292-297.
11. Boguslavskaya V.V., etc. Advertising Texts in Communication Strategies to Promote Hi-Tech Consumer Goods. *Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar*. 2019, pp. 3-6. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709629.
12. Gao Fengxia. Social Culture and Advertising Language. *Journal of Shangqiu Vocational and Technical College*, 2007, no 6(4), pp. 56-57.
13. Ivanova, R.A., Rotanova, M.B., Ivanov, A.V., Prokhorova, M.V., Philippova, S.Y. Manipulative IT and Verbal Strategies in Scientific and Technical Advertising. *Proceedings of the 2021 IEEE Conference on Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies (IT&MQ&IS)*, 2021, pp. 644-647.
14. Liao Guirong. A review of the research on advertising language in my country in the past thirty years. *Journal of Jiangsu Radio and Television University*, 2008, no 2, pp. 76-80.
15. Shipman W.M. *Handbook for science public information officers*. University of Chicago Press, 2015, 176 p.
16. Yu Hongbo, Boguslavskaya V.V. Semiotic tools in technology for promoting hi-tech products in Chinese and Russian advertising technical discourse. *Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*, 2020, pp. 113-117. DOI: 10.1109/ComSDS49898.2020.9101316.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Богуславская Вера Васильевна, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, доцент
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ул. Академика Волгина, 6, г. Москва, 117485, Российская Федерация
boguslavskaya@gmail.com

Хунбо Юй, аспирант

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт русского
языка им. А.С. Пушкина»
ул. Академика Волгина, 6, г. Москва, 117485, Российская Феде-
рация
Amy5616@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vera V. Boguslavskaya, Professor, Doctor of Philology, Associate Pro-
fessor at the Department of Russian Literature and Intercultural
Communication

The Pushkin State Russian Language Institute
6, Academician Volgin Str., Moscow, 117485, Russian Federation
boguslavskaya@gmail.com
SPIN-code: 3395-8942
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>
ResearcherID: O-2193-2016
Scopus Author ID: 57203170068

Hongbo Yu, Postgraduate student

The Pushkin State Russian Language Institute
6, Academician Volgin Str., Moscow, 117485, Russian Federation
Amy5616@yandex.ru
SPIN-code: 4181-6983
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4075-2840>
ResearcherID: AAT-7866-2020
Scopus Author ID: 57209026522

Поступила 13.02.2022

После рецензирования 23.02.2022, 10.03.2022

Принята 14.03.2022

Received 13.02.2022

Revised 23.02.2022, 10.03.2022

Accepted 14.03.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-121-136

УДК 811.111:81'373.46:641.5

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ КУЛИНАРНЫХ ИДИОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

*Е.В. Лазуткина, О.Н. Ратуева,
Е.П. Ефремова, Н.А. Сидорова*

В статье представлен опыт практической работы авторов по передаче безэквивалентных кулинарных идионимов русского языка на английский с учетом реалий обеих культур.

Обоснование. *Актуальность передачи идионимов непосредственно связана с увеличением внешнего туристического потока, проведением крупных международных соревнований, открытием индустриальных кластеров и т.д., что приводит к развитию инфраструктуры и наиболее явно проявляется в ресторанном и гостиничном бизнесе, где высокочеловеческий перевод кулинарных и иных идионимов становится конкурентным преимуществом и позволяет обеспечить высокий уровень обслуживания и избежать возможных ошибок в межкультурной коммуникации.*

Цель. *Предложить варианты адекватной и эквивалентной передачи кулинарных идионимов для представителей неанглоязычных культур, которые пользуются английским языком в качестве lingua franca.*

Материалы и методы. *В качестве материала для исследования было использовано основное меню XXIX Всемирной зимней универсиады 2019 г. в г. Красноярск и его варианты (меню для волонтеров, судей и МВД). Методы исследования: метод сравнительного анализа, метод сплошной выборки при подборе практического материала, описательный (дескриптивный) метод лингвостилистического анализа.*

Результаты. *Предложены варианты передачи кулинарных идионимов русского языка на английский с помощью некоторых пере-*

водческих приемов, таких как калькирование, транслитерация, дескриптивный и функционально-аналоговый перевод.

Область применения результатов. Практическая значимость исследования обусловлена расширением сектора гостеприимства. Работа может быть полезна в практике перевода безэквивалентных культурных реалий русского языка, в частности кулинарных идионимов, используемых, например, при составлении меню, написании рецептов, рациона питания и т.д.

Ключевые слова: идионимы; ксенонимы; безэквивалентные идиомы (реалии); транслитерация; описательный (дескриптивный) метод

REVISITING THE WAYS OF RUSSIAN CULINARY IDIONYMS TRANSFER INTO ENGLISH

*E.V. Lazutkina, O.N. Ratueva,
E.P. Efremova, N.A. Sidorova*

The article discusses the authors' practical experience in communicating non-equivalent culinary idionyms of the Russian language into English taking into account the realities of both cultures.

Background. *The relevance of communication of idionyms is directly related to the increase in the external tourist flow, hosting major international competitions, opening industrial clusters, etc., which leads to the development of infrastructure and is most clearly manifested in the restaurant and hotel business where a top-notch translation of culinary and other idionyms becomes a competitive advantage and allows for provision of a high level of service and avoid possible mistakes in intercultural communication.*

Purpose. *To offer options for an adequate and equivalent communication of culinary idionyms for representatives of non-English-speaking cultures who use English as lingua franca.*

Materials and methods. *The main menu of the 29th Winter University Krasnoyarsk 2019 and its versions (menus for volunteers, judges*

and the Ministry of Internal Affairs) were used as material for the study. Research methods: the method of comparative analysis, continuous sampling method in the selection of practical material, descriptive method of linguistic and stylistic analysis.

Results. *The authors proposed some versions of communication of culinary idionyms of the Russian language into English using some translation techniques, such as calque, transliteration, descriptive and functional analogue translation.*

Practical implications. *The practical significance of the study is due to the expansion of the hospitality sector. The authors' experience could be used translating non-equivalent cultural realities of the Russian language, in particular culinary idionyms used, for instance, when making menus, writing recipes and dietary recommendations, etc.*

Keywords: *idionyms; xenonyms; non-equivalent idioms (realities); transliteration; descriptive method*

Язык является своеобразным кодом-инструментом, который позволяет толковать культуру, ментальность, обычаи и привычки того или иного народа. Культура и язык неотделимы друг от друга, как следствие, носители разных культур чаще всего воспринимают и усваивают информацию по-разному, поскольку определенные явления, факты, концепты выражены иначе, отлично от принятых в их языковой картине мира. Важно отметить тот факт, что слова, которые характеризуют историческое развитие страны, национальный менталитет, коммуникативные и психологические особенности поведения, повседневные привычки часто не имеют точных эквивалентов в языке другой страны и переводятся буквально, без учета специфики той или иной культуры, что ведет к появлению грубых ошибок в переводе и как результат может спровоцировать негативные эмоции и ассоциации у реципиента, конфликты и нетерпимость.

Целью статьи является рассмотрение некоторых способов передачи кулинарных идионимов. Авторы предлагают свой перевод некоторых из этих идионимов. Основу исследования образуют ме-

тод сравнительного анализа, метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвистического анализа.

Эффективное межкультурное взаимодействие, по мнению И.И. Халеевой, возможно лишь тогда, когда участники коммуникации не просто лингвистически декодируют текст, но и максимально оперативно используют фоновые знания об иноязычной культуре [11]. В свою очередь, Н.Г. Юзифович отмечает, что эффективная межкультурная коммуникация возможна только при создании общего знакового пространства, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же кодом [12, с. 119].

Однако языковая картина мира и концептуальное пространство коммуникантов могут значительно отличаться, в этом случае нужно учитывать нормативно-стилистическую окраску выбираемых для перевода языковых средств. Несоблюдение стилистических норм ведет к грубым нарушениям речевой нормы. Выбор адекватного и эквивалентного выражения, которое также будет соответствовать правилам узуальности, позволит при переводе сохранить равноценность регулятивного воздействия исходного текста и переводного и обеспечит наибольший эффект в достижении поставленной коммуникативной цели.

Процесс перевода многомерен по своей сущности, переводчику или коммуниканту необходимо максимально целостно и точно передать содержание исходного текста или сообщения, сохранив все стилистические и экспрессивные особенности.

Особую сложность для коммуникации и переводчиков представляет перевод национальных реалий.

В научной литературе можно встретить множество определений понятия «реалия». Вследствие многоплановости и комплексности определения «реалия» ведущие ученые, такие как В.С. Виноградов [3, с. 103-105], Т.Д. Томахин [(9, с. 7)], Ф.В. Федоров [10], С. Влахов [4], С. Флорин [4] и др. разработали развернутые дефиниции, подчеркивая, что основными элементами реалий являются специфические исторические факты, аспекты государственного устройства

характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, специфические явления жизни, быта, нравы и поверья, приущие ее народу и составляющие его уникальный облик.

Существует различные подходы к классификации реалий (В.С. Виноградов, Т.Д. Томахин и др.).

При переводе реалий перед переводчиком стоит сложная задача – перевести неперебиваемое и не существующее в языке перевода, при этом сохранить семантику и стилистическую окраску высказывания, колорит. В случае, когда мы сравниваем и сопоставляем языки и культуры, легко обнаружить лакуны. Особенно явно проявляются несоответствия реалий, когда исторические, экономические и культурные уклады стран кардинально отличаются друг от друга. Слова, обозначающие реалии, относятся к безэквивалентной лексике, т.е. данные слова служат для выражения понятий и явлений отсутствующих в иной культуре. Чаще всего данные лексические единицы не имеют однозначного эквивалента, невозможно найти варианты соответствия, а лексический, лингвистический и синтаксические контексты при переводе реалий тоже малоинформативны. Переводчику приходится использовать целый ряд приемов для более точного, эквивалентного и целостного перевода языковых реалий. Эквивалентность перевода реалий достигается при помощи переводческих трансформаций. Переводческая трансформация – это преобразование, с помощью которого осуществляется переход от единиц ИТ (исходный текст) к единицам ПТ (переводной текст). Она заключается в изменении лексических, грамматических или семантических компонентов ИТ при сохранении содержательной информации (смысла в ПТ) (К.М. Левитан [7, с. 61]). Основными переводческими трансформациями, применяемыми для перевода реалий, являются: транскрипция, транслитерация, калькирование, опущение, описательный перевод, генерализация, целостное преобразование, гиперонимический перевод.

При рассмотрении несоответствия реалий (лакун) в языках и культурах часто используются ксенонимы. Определение ксенонима как единицы культурного континуума было дано В.В. Кабакчи

[5, с. 9-10]. В зависимости от гибкости культурной ориентации выделяется несколько групп:

- лексика нейтральная в своей культурной ориентации;
- полионимы (так называемые универсальные культуронимы);
- идионимы, слова обозначающие специфические элементы внутренней культуры;
- ксенонимы – языковые единицы, функционально направленные на обозначение элементов внешних культур.

Ксенонимы – это попытка осмыслить другую реальность, то, что не свойственно нашей культуре. Эти «белые пятна на семантической карте языка» (Ю.С. Степанов [8]) свойственны каждому языку и не всегда очевидны, пока не появляется необходимость сопоставлять реалии разных культур. Перевод – это тоже своего рода сопоставление явлений разных культур.

В данной статье рассматривается перевод некоторых реалий конкретной группы связанных с кулинарией русских идионимов на английский язык.

Немалую трудность при переводе вызывают слова, эквивалентов которым нет в переводящем языке. Особую трудность для переводчика представляют собой кулинарные идионимы, обозначающие названия блюд национальной кухни. У каждого народа есть свои особенные блюда, перевод которых на иностранный язык вызывает затруднения. Для перевода немалого количества названий блюд русской кухни необходимы пояснения для иноязычных читателей, т.к. в сфере их жизнедеятельности отсутствуют либо сами блюда, либо их ингредиенты, либо способы их приготовления.

Необходимо переводить идионимы так, чтобы можно было получить самое правильное и полное представление о блюдах, предлагаемых в меню; или же об особенностях, характерных для приготовления того или иного блюда, или же о характеристиках, передающих национальный или иной колорит. Тип идионима в некотором роде определяет способ его перевода. В переводящем языке эти идионимы становятся ксенонимами.

Исследователи различают различные типы ксенонимов: заимствования (*kvas*), кальки (*картофельный суп с фрикадельками* – *potato soup with meatballs*), гибридные образования (*ryabchik porridge*), описательные обороты (*potatoes baked in sour cream*) и т.п.

При переводе названий блюд и напитков для меню международных спортсменов, судей, волонтеров и т.д., принимающих участие в XXIX Всемирной зимней универсиаде в г. Красноярск, переводчики использовали различные способы передачи идионимов.

Одним из часто встречающихся способов перевода, используемых переводчиками меню, является транслитерация, например: *goulash*, *khachapuri*, *zraza*. Довольно часто переводчикам приходится прибегать к комбинации двух способов передачи безэквивалентной лексики, например, для передачи названия рода блюда переводчики задействуют транслитерацию, а для уточнения характеристики ими используется описание: *zabava choux pastry* или *borsch with fresh cabbage, meat and sour cream*. При переводе названия одного из видов выпечки переводчиками задействован уже имеющийся в английском языке эквивалент *muffin*, а также транслитерация характеристики данного блюда – *stolichny*, отражающей особенность этого вида выпечки, присущую именно российской реальности.

Русской кухне присуще немалое количество блюд, названия которых относятся к определенной местности: к названию населенного пункта, географическому наименованию или иному месту, где был изобретен рецепт этого блюда или блюдо стало пользоваться особой популярностью. В таком случае переводчики также используют гибридный способ перевода. Они задействуют комбинацию транслитерации и гиперонима, например: *Rostov-style fish soup*, *Vyborg-style bun* или *Vyborg-style cake*. Гипероним – слово с более широким значением, выражающее общее, родовое понятие, название класса (множеств) предметов (свойств, признаков) [2].

Иногда переводчики используют в комбинации с двумя вышеуказанными способами еще и описательный способ, что представляет собой эффективный путь решения переводческой задачи. Например: *Leningrad-style soup with pickled cucumbers and sour cream*.

Язык международного общения обязан передавать реалии внешних культур с помощью любых доступных средств. Он не может замыкаться только на своей внутренней культуре или первичной культурной ориентации. Внешние культуры связываются с внутренней при помощи вторичной культурной ориентации [1].

С переводом реалий, не существующих в англоязычной культуре, нам пришлось столкнуться при переводе меню для иностранных спортсменов и судей на XXIX Всемирной зимней универсиаде 2019 г., среди которых большую часть составляли атлеты, для которых английский язык был лишь языком межкультурного общения, которым они владели в разной степени. Следовательно, нельзя было ориентироваться только на транслитерацию или примерные эквиваленты в русскоязычной и англоязычной культурах, часто нужно было вводить описательный элемент. Осложняло задачу то, что для удобства в меню описание блюд должно быть не пространным, а как можно более четким и емким.

В ходе исследования наиболее предпочтительными представлялись следующие переводческие решения для меню Универсиады 2019 г. Понятие *kaša* на протяжении более века переводилось условным аналогом *porridge*. При переводе меню на английский язык переводчикам следовало учитывать тот факт, что большинство спортсменов не владеют английским языком на достаточном уровне для понимания культурных реалий, что в свою очередь могло привести к дезориентации и коммуникативной неудаче. Л. Чемберлен, которая несколько лет прожила в России и выпустила книгу о русской еде и ее приготовлении, в своей работе 1983 г. пишет, что *porridge* ни в коем случае не эквивалент *kaša*, которое охватывает почти все способы приготовления всех злаков в воде, молоке, бульоне и сливках до различных консистенций [13]. Однако на англоязычных сайтах словосочетание *millet porridge* довольно часто встречается, оно дескриптивно и понятно [15]. Проанализировав все вышесказанное, был предложен культурный аналог *millet porridge and butter* для реалии *каша пшеничная молочная со сливочным маслом*.

Еще один идионим *торт Муравейник*, не имеющий аналога в англоязычной культуре, представлен в меню как *funnel cake*. Рассмотрим более подробно это значение. *Funnel cake* – это десерт из жидкого теста, которое выливается через воронку во фритюр и жарится до золотистого цвета. На американском канале *Food Network* в программе *Chopped* («На куски») он часто переводится для русскоговорящей аудитории как *хворост*, *торт-воронка*, а также и транслитерацией *фанел кейк*. Необходимо отметить, что в Великобритании существует *торт принца Уильяма* (*Prince William's chocolate biscuit cake*), похожий на *торт Муравейник*, для которого бисквитная крошка смешивается с кремом, но крем шоколадный. Предлагаются различные варианты перевода русизма *торт Муравейник* на английский язык, адекватность и эквивалентность которых зависят от квалификации и уровня компетенции переводчика. Как следствие, отсутствует единый подход к переводу данных кулинарных ксенонимов. Существуют аргументы и за, и против того, похож ли *торт Муравейник* на *funnel cake*, однако из-за отсутствия функционального аналога было принято переводческое решение использовать сочетание *funnel cake*.

Следующий заслуживающий внимания пункт меню – *корзиночка Сюрприз*. Перевод названия этого пирожного вызвал мало затруднений, т.к. имеется английский эквивалент *tart* (*открытый пирог*), и оба эти десерта выпекаются из песочного теста. Соответственно, *surprise tart* является калькой идионима *корзиночка Сюрприз*.

Представляет интерес перевод реалии *зраза донская из горбуши*. Зразами может называться как котлета с начинкой, так и рулет из цельных кусочков мяса с начинкой. В русской кухне мы больше знакомы именно с первым вариантом. На англоязычных кулинарных сайтах *zrazy* (*zraza*) чаще всего объясняются как *roulade* или *rolls* и реже – как котлеты с начинкой (*a cutlet or a meatloaf with stuffing inside*) [16; 18], однако при переводе употребляется оригинальное слово *zraza* (*zrazy*). Соответственно, функциональным аналогом реалии *зраза донская из горбуши* является *Don-style pink salmon zraza*.

Бифитекс из говядины, если перевести его как *beef steak*, может стать причиной коммуникативной неудачи, т.к. *steak* в англоязычной

культуре означает толстый кусок обжаренного мяса, а бифштекс в русской кухне готовится из фарша. Вследствие этого в меню Универсиады был применен вариант *beef steak burger*.

Треугольник (с курагой/яблоком/брусникой и др.) представляет практически полный функциональный аналог того, что называют (*dried apricot/apple/red bilberry*) *turnover*. Оба десерта выпекаются с применением слоеного теста.

Приведем ряд примеров перевода позиций меню, основанных на полных или практически полных функциональных аналогах обеих культур. *Плов с курицей* – *chicken pilaf*; *кольцо песочное с орехом* – *shortbread ring with nuts*; *оладьи с джемом* – *fluffy pancakes and jam*; *напиток из кураги* – *dried apricot drink*; *рис с овощами* – *vegetable fried rice*; *рулетик шоколадный* – *chocolate mini roll*; *пирожное заварное* – *choux pastry*; *суп харчо с говядиной* – *kharcho beef soup* (на сайте SBS – *Georgian beef soup (kharcho)*) [14]; *каша манная молочная со сливочным маслом* – *semolina pudding and butter* (*semolina* является десертом в англоязычной культуре, но, как и *rice pudding* (*рисовая каша*), очень похожа на ее англоязычный эквивалент. Эти каши редко готовят, чаще покупают готовыми в консервных банках, разогревают и подают с ложкой джема на десерт, а в России это самостоятельное блюдо на завтрак; *язык слоеный* – *flaky pastry*; *трубочка со сгущенным молоком* – *waffle roll with condensed milk filling*; *каша из хлопьев овсяных геркулес с маслом* – *oatmeal porridge and butter* (мы посчитали нужным уточнить название крупы в этом случае, т.к. название *porridge* фигурировало уже не один раз с разными крупами); *сдоба выборгская* – *Vyborg-style bun*; *цыпленок табака* – *butterflied roast chicken*; *бефстроганов* – *beef stroganoff*; *кекс столичный* – *stolichny muffin*.

Особым пунктом меню, заслуживающим внимания, является сметана. Любовь русской кухни к использованию сметаны, будь то для дальнейшей тепловой обработки или добавления сметаны в уже готовые блюда, проявляется и в нашем меню. Л. Чемберлен сомневалась, что принятый перевод *sour cream* является удачной передачей этого ингредиента. Она писала, что это неточный перевод,

и в русской версии понятие *sour* не фигурирует [13]. Тем не менее была выбрана коллокация *sour cream* из-за ее узнаваемости: *горбуша, запеченная в сметанном соусе – pink salmon baked in sour cream; суп грибной с мясом со сметаной – mushroom soup with meat and sour cream; блины со сметаной – pancakes and sour cream; солянка по-домашнему со сметаной – homemade solyanka and sour cream*. Солянку (*solyanka soup*) тоже можно найти на англоязычных сайтах без особых усилий [17; 19].

Заключение

Итак, при переводе меню переводчики могут испытывать сложности, связанные с выбором эффективного способа перевода для качественной передачи специфики блюд. Очень часто приходится прибегать к транслитерации, а также к развернутым пояснениям, т.к. некоторые названия приходится расшифровывать на переводимый язык более полно, чем они звучат на переводящем языке, поскольку меню читают неспециалисты, для которых английский язык является языком-посредником.

Семантический способ перевода не всегда оказывается достаточным для передачи названий блюд, поскольку некоторые лексические единицы обладают высокой многозначностью, что заставляет тщательно относиться к выбору подходящего значения. Помимо этого, необходимо помнить и об эстетической стороне перевода: название блюда должно выполнять определенные эстетические функции.

Наиболее часто переводчикам помогает комбинированный подход к переводу, включающий в себя, как правило, транскрипционный и описательный приемы перевода, которые способствуют наиболее информативной передаче состава блюда, способа его приготовления и национального колорита.

Таким образом, перевод меню требует от переводчика не только хорошего знания языков, но и владения реалиями и фоновыми знаниями в области гастрономии, рецептуры, особенностей национальных кухонь исходного языка и языка перевода.

Список литературы

1. Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 49–59. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.5>
2. Викисловарь URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1464803> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Институт общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 328 с.
5. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 232 с.
6. Кабакчи В.В. Russian Cuisine, 2014 г. URL: <https://vorto.ru/statyi/russian-cuisine> (дата обращения: 31.01.2022).
7. Левитан К.М. Юридический перевод: основы теории и практики. М.: Пр-кт; Екатеринбург: Изд-во «Уральская государственная юридическая академия», 2015. 352 с.
8. Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 359 с.
9. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 182 с.
11. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
12. Юзефович Н.Г. Отражение российского политического дискурса в английских лексических номинациях и текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика. 2007. Т. 5. № 2. С. 118-123.
13. Chamberlain L. The Food and Cooking of Russia (At Table Series). 2020, 437 p.
14. SBS. Georgian Beef Soup (kharcho). URL: <https://www.sbs.com.au/food/recipes/georgian-beef-soup-kharcho> (дата обращения: 12.02.2022).

15. Sorokina A. How the Soviet Union brought culinary equality to the table, 2018. URL: <https://www.rbth.com/russian-kitchen/327231-soviet-union-brought-culinary-equality> (дата обращения: 30.01.2022).
16. TfRecipes. Zrazy Recipes. URL: <https://www.tfrecipes.com/zrazy/> (дата обращения: 12.02.2022).
17. The Endless Meal. Solyanka Soup. URL: <https://www.theendlessmeal.com/solyanka-soup/> (дата обращения: 12.02.2022).
18. The Spruce Eats. Polish Beef Roulade (Zrazy). URL: <https://www.thespruceeats.com/search?q=zrazy&searchType=recipe> (дата обращения: 12.02.2022).
19. The Spruce Eats. Solyanka Soup. URL: <https://www.thespruceeats.com/russian-ukrainian-solyanka-soup-recipe-1135533> (дата обращения: 12.02.2022).

References

1. Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. Discurs angloyazychnogo opisaniya russkoi kultury: perspektivy korpusnogo issledovaniya [Discourse of the English-Language Description of Russian Culture: Perspectives of Corpus Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 49-59. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.5>
2. *Vikislovar* [Wikidictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1464803> (accessed February 12, 2022).
3. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obschie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical questions)]. Moscow: General Secondary Education Institute RAS Publ., 2001, 224 p.
4. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1980, 328 p.
5. Kabakchi V.V. *Osnovy angloyazychnoi mezhkulturnoi kommunikatsii* [Basics of English-language intercultural communication]. St Petersburg: Herzen University Publ., 1998, 232 p.
6. Kabakchi V.V. *Russian Cuisine*, 2014. URL: <https://vorto.ru/statyi/russian-cuisine> (accessed January 31, 2022).

7. Levitan K.M. *Yuridicheskii perevod: osnovy teorii i praktiki* [Legal translation: basics of theory and practice]. Moscow: Prospekt; Yekaterinburg: Ural State Law Academy Publ., 2015, 352 p.
8. Stepanov Yu. *Frantsuzskaya stilistika v sravnenii s russkoi* [French stylistics compared to Russian]. Moscow: Editorial URSS, 2003, 359 p.
9. Tomakhin G.D. *Realii – amerikanizmy* [Americanisms as realia]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1988, 239 p.
10. Fedorov A.V. *Osnovy obschei teorii perevoda* [Basics of the general theory of translation]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1983, 182 p.
11. Khaleeva I.I. *Osvovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoi rechi* [Basics of the theory of teaching foreign language comprehension]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1989, 238 p.
12. Yuzefovich N.G. Otrazhenie rossijskogo politicheskogo diskursa v anglijskikh leksicheskikh nominacijah i tekstah [Reflection of Russian Political Discourse in English Lexical Nominations and Texts]. *Vestnik NGU* [NSU Bulletin], Series: Philology, 2007, Vol. 5, no 2, pp. 118-123.
13. Chamberlain L. The Food and Cooking of Russia (At Table Series). 2020, 437 p.
14. SBS. Georgian Beef Soup (kharcho). URL: <https://www.sbs.com.au/food/recipes/georgian-beef-soup-kharcho> (accessed February 12, 2022).
15. Sorokina A. How the Soviet Union brought culinary equality to the table, 2018. URL: <https://www.rbth.com/russian-kitchen/327231-soviet-union-brought-culinary-equality> (accessed January 30, 2022).
16. TfRecipes. Zrazy Recipes. URL: <https://www.tfrecipes.com/zrazy/> (accessed February 12, 2022).
17. The Endless Meal. Solyanka Soup. URL: <https://www.theendlessmeal.com/solyanka-soup/> (February 12, 2022).
18. The Spruce Eats. Polish Beef Roulade (Zrazy). URL: <https://www.thespruceeats.com/search?q=zrazy&searchType=recipe> (accessed February 12, 2022).
19. The Spruce Eats. Solyanka Soup. URL: <https://www.thespruceeats.com/russian-ukrainian-solyanka-soup-recipe-1135533> (accessed February 12, 2022).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Лазуткина Елена Владимировна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат культурологии

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
helenal20@mail.ru*

Ратуева Ольга Николаевна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат педагогических наук
*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
ratueva.olga@mail.ru*

Ефремова Елена Петровна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат педагогических наук
*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
poteryaeva@yandex.ru*

Сидорова Надежда Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений
*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
fransis2008@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Lazutkina, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Candidate of Cultural Studies

Siberian Federal University

79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation

helenal20@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5842-7053>

Olga N. Ratueva, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Candidate of Pedagogy

Siberian Federal University

79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation

ratueva.olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0977-8647>

Elena P. Efremova, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Candidate of Pedagogy

Siberian Federal University

79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation

eefremova@sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8012-7882>

Nadezhda A. Sidorova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities

Siberian Federal University

79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation

fransis2008@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9215-6691>

Поступила 18.02.2022

После рецензирования 10.03.2022, 18.03.2022

Принята 29.03.2022

Received 18.02.2022

Revised 10.03.2022, 18.03.2022

Accepted 29.03.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-137-151

УДК 82-1

ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЖАНРА НА ПРИМЕРЕ ТВЕРДОЙ ФОРМЫ СОНЕТА

Н.Н. Кузнецова, И.А. Шевякова

Статья посвящена рассмотрению жанра сонета. Данная тематика представлена в классических поэтиках и учебниках по филологическому анализу текста. Однако в исследованиях последних лет она освещалась недостаточно, поскольку сводилась к рассмотрению жанра у конкретных авторов или при сопоставлении в поэзии разных народов. В ходе же филологического анализа текста проблема жанра сводится лишь к его указанию. Тем не менее в жанровой структуре художественного произведения формальные признаки неразрывно связаны с содержательными. Поэтому актуальность данной темы обусловлена необходимостью акцентировать внимание на их взаимодействии. Проблемой исследования является поиск эффективных способов достижения этого.

***Целью исследования** является систематизация сведений по жанру сонета и создание образцов анализа жанровой формы для студентов педагогического вуза. Уточнение требований к содержанию и форме жанра сонета и проведение сопоставительного анализа канонического и неканонического сонетов выступают задачами исследования.*

***Методы исследования:** метод наблюдения и описательный, структурно-семантический, заключающийся в описании семантики языковых единиц различных уровней в различных контекстах, а также сравнительный. Именно он позволяет проследить то, каким образом в сонете взаимодействуют формальные и содержательные признаки.*

***Результаты исследования:** было установлено, что именно применение сравнительного анализа позволяет отработать навыки опреде-*

ления формальных и содержательных признаков сонета и на примере их взаимодействия проследить, как элементы формы могут выступать в художественном тексте в качестве элементов содержания.

Ключевые слова: жанр сонета; филологический анализ; требования к форме и содержанию; канонический сонет; неканонический сонет; текстоцентрический подход; микротема

STUDY OF THE CATEGORY OF THE GENRE ON THE EXAMPLE OF THE SOLID FORM OF THE SONNET

N.N. Kuznetsova, I.A. Shevjakova

The article is devoted to the consideration of the sonnet genre. This topic is presented in classical poetics and textbooks on philological text analysis. However, in the studies of recent years, it was not covered enough, since it was reduced to the consideration of the genre by specific authors or by comparison in the poetry of different peoples. In the course of the philological analysis of the text, the problem of the genre is reduced only to its indication. Nevertheless, in the genre structure of a work of art, formal features are inextricably linked with meaningful ones. Therefore, the relevance of this topic is due to the need to focus on their interaction. The research problem is to find effective ways to achieve this.

The aim of the study is to systematize the requirements of the sonnet genre for content and form and conduct a comparative analysis of the canonical and non-canonical sonnets.

The methods of the study are as follows: method of observation and descriptive, structural-semantic, which consists in describing the semantics of language units of different levels in different contexts, as well as comparative – comparing canonical and non-canonical sonnets. It is he who allows us to trace how formal and meaningful features interact in a sonnet.

Results of the study: it was stated it is the comparative analysis that allows us to work out the skills of determining the formal and substantive features of a sonnet and, using the example of their interaction, to

trace the way the elements of form can act as elements of content in the literary text.

Keywords: *sonnet genre; philological analysis; requirements for form and content; canonical sonnet; non-canonical sonnet; text-centric approach; microtheme*

Введение

При изучении дисциплины «Филологический анализ текста» со студентами филологического факультета одной из основополагающих тем является «Специфика художественного текста». При этом наиболее значимыми элементами, составляющими его специфику, являются язык, жанр и композиция. Однако при анализе произведения информация о жанре, как правило, сводится лишь к его определению. Тем не менее данный аспект может быть значимым элементом анализа, в том числе и его содержательной стороны. В связи с этим актуальность данной темы не вызывает сомнений.

Давая студентам теоретические сведения по категории жанра, мы выделяем основные аспекты и отмечаем, что она является категорией развивающейся и в настоящее время ее развитие привело к тому, что нормой является слияние различных жанров в одном произведении. Тем не менее до сих пор существуют жанры, отличающиеся строгостью требований как к форме, так и к содержанию. В первую очередь к ним относится жанр сонета. Многообразию требований к этому жанру складывалось как поиск гармоничной формы, которая максимально соответствует содержанию. Именно поэтому в сонете требования к форме и содержанию настолько связаны друг с другом и создают практически математически выверенную гармонию, «золотое сечение». Думается, она и является причиной такой популярности сонета: для каждого поэта необходимость соединить глобальность содержания и математическую точность, присущую этой твердой форме, с проявлением своего таланта – это своеобразный вызов, испытание мастерства.

В связи с этим на практическом занятии, посвященном теме жанра, мы рассматриваем данную категорию на примере именно сонета.

Сведения о нем, как правило, можно найти в разного рода поэтиках, учебниках по литературоведению, филологическому анализу текста, словарях. В научной литературе последних лет сонет исследовался мало, имеются более ранние работы по особенностям жанра и его месту в творчестве конкретных поэтов [4; 6; 15; 16], а также специфике национальной формы сонета того или иного народа [3], по такой сложной форме, как венок сонетов [8; 12], а также некоторые работы, посвященные отдельным аспектам семантики и поэтики жанра [1; 10; 13]. В интересующем же нас аспекте освещения всего комплекса требований к форме и содержанию жанра с последующим сопоставительным анализом канонических и неканонических сонетов данная тема не рассматривалась. Однако подобный подход к ее трактовке, несомненно, заслуживает внимания, поскольку позволяет проиллюстрировать теоретические положения, касающиеся проблемы жанра, углубить знания студентов по одной из самых интересных и популярных (у авторов) поэтических форм.

Проблема исследования заключается в поиске способов того, как именно необходимо акцентировать внимание студентов на вопросах жанра, учитывая, что в художественном тексте форма неразрывно связана с содержанием, а в сонете это сказывается особенно заметно. Поэтому **целью** данной статьи является углубление и систематизация сведений по жанру сонета, расширение проблематики жанра в ходе филологического анализа текста как фактора, отражающегося в содержании, и создание образцов анализа жанровой формы.

Для этого мы планируем решить следующие **задачи**: 1. Систематизировать требования жанра сонета к содержанию и форме. 2. Провести сопоставительный анализ канонического и неканонического сонетов по данным требованиям, уделив основное внимание выявлению элементов структуры сонета и трактовке их содержания. Тем самым мы проследим, как жанр, будучи элементом формы, может быть элементом содержания произведения.

Ведущими **методами** исследования являются наблюдения, описательный, структурно-семантический и сравнительный.

Материалы

Обратимся к рассмотрению требований к **содержанию** сонета:

1. Сонету присуща глобальность тем: жизнь, смерть, любовь, творчество, самопознание, часто – обращение к предыдущим эпохам. 2. Главный (лирический) герой – это сам автор. В сонете он максимально сближается с лирическим героем. Причем это всегда поэт. 3. Основные свойства – автобиографизм, интеллектуальность, лиризм, крайняя эмоциональность (образ мира выстрадан). 4. Сонет – это мир в миниатюре. Отсюда – целостность картины мира, законченность, что создает переплетение и развитие тем. Поэтому не должно быть недоговоренности. 5. Содержание должно выстраиваться по схеме: тезис (тема) – антитеза (развитие темы) – синтез (ее поворот) – развязка (разрешение). В последних двух строчках загадка-ответ.

Для жанра сонета характерны, пожалуй, самые строгие требования к **форме**: 1. Количество строк – 14. 2. Строфы – либо два катрена и два терцета, либо три катрена и дистих. 3. Размер – пяти- или шестистопный ямб. 4. Перекрестная рифма – чередование женской и мужской, «рифмы должны быть точными и звонкими» [14, с. 4]. 5. Количество слогов – 154. Такое количество слогов – 154 – исходит из количества строк и размера, и, если оно значительно отличается от нормы, это сказывается на содержании – возникает недоговоренность. 6. Каждая строфа должна быть законченной. 7. Отсутствие повторов (кроме союзов, местоимений и если «повторение не продиктовано сознательным замыслом автора») [Там же]. 8. Строчки не должны начинаться со служебных слов. 9. Только высокая и нейтральная лексика. 10. «Катрены и терцеты различаются и интонационно (на смену напевности первых приходит динамичность и экспрессия вторых)» [Там же].

Данные требования мы рассматриваем на примере классических сонетов и сонетов, нарушающих канон. В качестве классического образца возьмем перевод С. Маршака 61-го сонета У. Шекспира: *Твоя ль вина, что милый образ твой Не позволяет мне сомкнуть ресницы И, стоя у меня над головой, Тяжелым векам не дает за-*

крыться? (I) Твоя ль душа приходит в тишине Мои дела и помыслы проверить, Всю ложь и праздность обличить во мне, Всю жизнь мою, как свой удел, измерить? (II) О нет, любовь твоя не так сильна, Чтоб к моему являться изголовью, Моя, моя любовь не знает сна, На страже мы стоим с моей любовью. (III) Я не могу забыться сном, пока Ты – от меня вдали – к другим близка (IV) [17].

В данном сонете соблюдены почти все требования к форме: в сонете 14 строк, три катрена и дистих; пятистопный ямб; рифма перекрестная мужская и женская; 146 слогов (небольшое отличие – в связи с размером); все строфы закончены; только высокая (*сомкнуть, помыслы, праздность, обличить, удел, изголовье, на страже, забыться*) и нейтральная лексика; интонационно катрены и терцет различаются.

По содержанию: тема – жизнь и любовь; лирический герой – видимо, поэт, потому что создается ощущение, что стихотворение носит черты автобиографичности. Несомненно присутствует интеллектуальность (герой размышляет о природе своих чувств, их роли в своей жизни, познает себя) и вместе с тем эмоциональность (читатель чувствует напряженность состояния героя, вызванную разочарованием и печалью от неполной взаимности).

Достоинством одного из ведущих подхода филологического анализа текста (текстоцентрического) является анализ содержания стихотворения по ССЦ (сложным синтаксическим целым) – в данном случае строфам. Путем формулировки микротемы каждой строфы мы можем определить развертывание мысли автора. Тем самым содержание произведения предстает перед нами более объемно и глубоко. В случае же сонета это позволяет отследить и наличие обязательных для сонета структурных элементов. Так, микротемой первой строфы является «моя любовь не отпускает меня ни днем, ни ночью»; второй – «она – мерило, всех моих поступков»; третьей – «твоя любовь не так сильна, поэтому не она помогает мне быть достойным тебя, а моя любовь»; четвертой – «в твоей жизни есть не только наша любовь, как в моей». Как видим, содержание сонета выстраивается по классической схеме: в первой строфе возникает первая тема, те-

зис (его любовь огромной силы), во второй – вторая тема, антитезис (сила моей любви позволяет ей быть мерилom моей жизни), в третьей происходит развитие тем и возникает ведущая оппозиция (твоя любовь не так сильна), в четвертой – развязка (моя любовь заполняет всю мою жизнь, в твоей же – есть еще многое другое). Таким образом, тема полностью осмыслена, раскрыта, никакой недоговоренности не возникает, складывается законченная картина.

Не соблюдены только два требования к форме: часть строк начинается со служебных слов, и есть повторы. В частности, многократно повторяются личные и притяжательные местоимения 1 лица. Однако, как было указано, местоимения в сонете могут повторяться – прежде всего потому, что персональность, отражение личности автора является сущностной чертой поэзии вообще [9, с. 33]. Кроме того, в данном произведении частотность этих местоимений связана с намерением автора включить их в главную оппозицию. Тем не менее, основная часть требований, и прежде всего касающихся содержания, соответствует канону. В связи с этим можем сделать вывод, что перед нами классический сонет, в котором максимально соблюдены все требования и к форме, и к содержанию.

К сонетам, нарушающим жанровый канон сонета, относится, например, стихотворение И. Анненского «Человек» (2), который называют ироническим. У Анненского ирония – это «не частный вид эмоциональной оценки, а отношение к миру, способ мышления», здесь она «всеохватывающая и трагическая, становится универсальным способом его поэтического видения» [7]: *Я завожусь на тридцать лет, Чтоб жить, мучительно дробя Лучи от призрачных планет На «да» и «нет», на «ах!» и «бя», (I) Чтоб жить, волнуясь и скорбя Над тем, чего, гляди, и нет... И был бы, верно, я поэт, Когда бы выдумал себя, (II) В работе ль там не без прорух, Иль в механизме есть подвох, Но был бы мой свободный дух – (III) Теперь не дух, я был бы бог... Когда б не пиль да не тубо, Да не тю-тю после бо-бо!.. (IV) [2].*

Проанализируем, как выполняются в данном стихотворении требования к форме. Количество строк – 14; строфы – два катрена и два терцета. Четырехстопный ямб. Чередования женской и мужской

рифмы нет. Количество слогов – 112. Уже по количеству слогов мы сразу можем понять, что доля недосказанности будет велика. Повторы в стихотворении есть: «чтоб жить», «дух». Все строфы являются незаконченными. Строфы начинаются со служебных слов – союзов, предлогов. В стихотворении имеет место не только высокая и нейтральная, но и разговорная лексика (междометия «*бья*», «*тю-тю*», «*бо-бо*», слово в переносном значении «*завожусь*», лексемы «*проруха*», «*подвох*»). Это связано с ироническим характером сонета. Ирония не обязательно создается разговорными словами, но здесь они поддерживают именно подобную направленность.

Как видим, отступлений от канона достаточно много уже на понимании поверхностного смысла. Обратимся к глубинному смыслу. Для этого вначале определим тип поэзии. Строчка «и был бы, верно, я поэт» позволяет утверждать, что в данном стихотворении разрабатывается тема «поэт и поэзия». Следовательно, по лирическому герою (он – поэт) и теме произведения (жизнь, творчество, самопознание) отступлений от канона нет. Как пишет Л.А. Колобаева, в данном стихотворении «жизнь человека рассматривается с большой высоты, в масштабах конечных ее измерений — рождение и смерть, итоги существования, возможные и реальные его ценности. Изображение дается в наибольшем отвлечении от подробностей конкретной, индивидуальной судьбы. В каждой его строфе (начиная со второй) дается образ неосуществившейся возможности» [7]. Следовательно, темы сонета, как и требует жанр, глобальны.

Рассмотрим структуру сонета, выявив микротему каждой строфы. Микротемой первой строфы (первая тема, тезис) является «жизнь мучительна, потому что в ней много лжи, иллюзий и ограничений». Стихотворение написано И. Анненским в 1908 г, когда он уничтожил все свои бумаги. Напряженное эмоциональное состояние, порожденное кризисом личности, ощущается читателем по многократному семантическому повтору: «завожусь, чтоб жить, мучительно дробя», «чтоб жить, волнуясь и скорбя над тем... чего нет», «призрачные планеты», «проруха», «подвох». Микротемой второй строфы (антитеза, развитие темы) является «я хотел бы быть

другим поэтом». Микротема третьей строфы (синтез тем, поворот) – «что-то помешало быть таким поэтом, каким хотел». Микротема четвертой строфы (развязка) – «я мог бы быть таким поэтом, каким хочу, если бы не ограничения, потери и страх».

Другими словами, по структурной схеме содержания сонет И. Анненского не отходит от требований жанра. Однако текст характеризуется большой долей недосказанности, и основное содержание находится в подтексте. Недосказанность передается языковыми единицами различных уровней. В первую очередь морфологического – междометиями. Они сразу обращают на себя внимание за счет своего количества и разнообразия, что, как правило, не характерно для поэзии (где они в основном книжные, не являются членам предложения, располагаясь в начале строк, и их меньше). Данная часть речи предназначена выражать чувства и смыслы, но не называть их, следовательно, недоговоренность является ее конституционным свойством. В первой строфе междометия «ах!» и «бья» передают разброс эмоций – от восхищения до отвращения, и тем самым значение границ. В последней строфе междометия дублируют этот смысл: «пиль» (к собаке) – ‘фас, вперед’, «тубо» – ‘не тронь, сидеть, к ноге’; междометие «тю-тю» актуализирует смысл ‘потеря’, «бо-бо» – ‘боль, болит’. Данные междометия также активно передают ироническую тональность. Недоговоренность создается здесь и синтаксическими средствами – прежде всего неполными предложениями. «В работе ль там не без прорух» ... Подобное выражение сказуемого (не без прорух), когда «преуменьшаются не только мнимые добродетели, но и явные пороки человека или степень весьма неприятных состояний, ситуаций» [5, с. 50], является одним из способов передачи иронии и в то же время создает неопределенность, как и частица ль. «Но был бы мой свободный дух – Теперь не дух, я был бы бог...». Условное наклонение глаголов-сказуемых, инверсия, неоправданный с синтаксической точки зрения (но вполне понятный в поэтическом тексте) повтор и явный пропуск смысловых звеньев (как и синтаксических позиций) в данных строках создают крайне завуалированное содержание, и имен-

но здесь от читателя требуются максимальные ментальные усилия для расшифровки («если бы мой дух был бы свободен, я был бы настоящим поэтом»). И, наконец, недосказанность в данном контексте передается пунктуационными средствами, т.к. ни одна строфа не является законченной: в конце стоит не точка, а другие знаки – запятая и даже многоточие, – которые есть и внутри строф.

Таким образом, данный сонет не относится к каноническим. Хотя структурные элементы классического сонета здесь присутствуют, тем не менее не выполняется одно из главных требований жанра (и на уровне формы, и на уровне содержания): произведение не представляет собой «мир в миниатюре», в нем слишком велика доля недоговоренности. Это не целостная картина, а, скорее, концентрация на одной и той же мысли («я не такой поэт, каким хотел бы быть») и острые негативные эмоции по этому поводу, которые автор пытается скрыть за самоиронией.

Заключение

1. Каноны, разграничивающие жанры, вместе с тем поддерживают их многообразие, которое порождает вариативность – неотъемлемое свойство художественной литературы, связанную с индивидуальностью авторов и возможностью представить объект изображения в бесконечном множестве образов различными способами (жанрами).

2. Жанровая система «эпос-лирика-драма» прошла огромный исторический путь и, будучи формой творчества, носит развивающийся характер, что предполагает постоянное изменение. Чаще всего изменение данной жанровой системы связано с тенденцией к слиянию жанров, что особенно ярко проявляется в литературе Нового времени. Видоизменению подвержен даже такой «жесткий» жанр, как сонет, отличающийся максимальным набором требований и к форме, и к содержанию. Развитие данного жанра шло по пути выявления и уточнения внешних и внутренних признаков и приведению их к гармоническому единству. Однако неизбежным было и нарушение требований к соблюдению жанрового канона,

что подтверждает мысль о глубоко креативном и развивающемся характере литературы, когда даже твердые формы подвергаются расшатыванию норм и движению вперед.

3. На занятиях по «Филологическому анализу текста» наиболее эффективен сравнительный анализ канонических и неканонических сонетов. Именно он позволяет отработать навыки определения формальных и содержательных признаков сонета и на примере их взаимодействие проследить, как в художественном тексте элементы формы могут выступать в качестве элементов содержания.

Список литературы

1. Акопян Л.Г. Межтекстовые взаимодействия в венке сонетов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. №3. С. 21-29. <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/13328>
2. Анненский И. Человек. URL: <https://www.culture.ru/poems/29828/chelovek> (дата обращения: 21.03.2022).
3. Адреюшкина Т.Н. Немецкий сонет: эволюция жанра: Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. М., 2008. 33 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/nemetskiisonet-evolyutsiya-zhanra> (дата обращения: 21.03.2022).
4. Владимиров О.Н. Роль сонета «В Альпах» в самоопределении Бунина-поэта Бальмонта // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 36-42.
5. Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова. Сб. статей. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1997. С. 48-58.
6. Жидиханова К.А. Сонеты К.Д. Бальмонта // Вестник Брянского государственного университета, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sonety-k-d-balmonta> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Колобаева Л.А. Ирония в лирике Иннокентия Анненского // «Филологические науки». 1977. № 6. С. 21-29. URL: <http://annenskiy.lit-info.ru/annenskiy/articles/kolobaeva-ironiya.htm> (дата обращения: 21.03.2022).
8. Коноплюк Н.В. Сонетный цикл: проблема жанра // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 3(12). С. 14-17.

9. Кузнецова Н.Н. Язык поэзии. Оренбург: ООО «Издательство «Оренбургская книга», 2021. 162 с.
10. Ложкова А.В. Сонет как лирический жанр // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2012. № 6. С. 5-18.
11. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
12. Останкович А.В. Жанровая специфика, принципы и закономерности циклической связи сонетов // Наука. Инновации. Технологии, 2008. № 5. С. 39-44.
13. Останкович А.В. Художественная роль повтора в гармонии сонета // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 39. С. 104-114. <http://vestnik.stavsu.ru/39-2004/13.pdf>
14. Плавский З.И. Четырнадцать магических строк // Западноевропейский сонет (XIII–XVII века): Поэтическая антология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 3-28.
15. Погребная Я.В. Особенности хронотопа сонетианы В.В. Набокова // Артикульт. 2017. №27(3). С. 106-112. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-3-106-112>
16. Федотов О.И. Сонеты из Страны стихов (сонеты в строфическом репертуаре Владимира Набокова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 14. С. 89-104.
17. Шекспир У. «Твоя ль вина, что милый образ твой...» (перевод С. Маршака). URL: <https://www.kostyor.ru/poetry/marshak/?n=86> (дата обращения: 21.03.2022).

References

1. Akopjan L.G. Mezhtekstovye vzaimodejstvija v venke sonetov [Intertextual interactions in the wreath of sonnets]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2015, no. 3, pp. 21-29. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/13328> (accessed 21 March 2022).
2. Annenskij I. *Chelovek* [Human]. URL: <https://www.culture.ru/poems/29828/chelovek> (accessed 21 March 2022).

3. Adrejushkina T.N. *Nemeckij sonet: jevoljucija zhanra* [German sonnet: the evolution of the genre]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2008, 33 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/nemetskiisonet-evolyut-siya-zhanra> (accessed 21 March 2022).
4. Vladimirov O.N. Rol' soneta «V Al'pah» v samoopredelenii Bunina-po-jeta Bal'monta [The role of the sonnet “In the Alps” in the self-determination of Bunin-poet Balmont]. *Sibirskij filologičeskij žurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, no. 1, pp. 36-42.
5. Ermakova O.P. Ob ironii i metafore [On irony and metaphor]. *Oblik slova* [Shape of the word]. Moscow: In-t rus. jaz. RAN, 1997, pp. 48-58.
6. Zhidihanova K.A. Sonety K.D. Bal'monta [K.D. Balmont's Sonnets]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin], 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sonety-k-d-balmonta> (accessed 21 March 2022).
7. Kolobaeva L.A. Ironija v lirike Innokentija Annenskogo [Irony in the lyrics of Innokenty Annensky]. *Filologičeskie nauki* [Philological Sciences], 1977, no 6, pp. 21-29. URL: <http://annenskiy.lit-info.ru/annenskiy/articles/kolobaeva-ironiya.htm> (accessed 21 March 2022).
8. Konopljuk N.V. Sonetnyj cikl: problema zhanra [Sonnet cycle: the problem of the genre]. *Baltijskij gumanitarnyj žurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2015, no. 3(12), pp. 14-17.
9. Kuznecova N.N. *Jazyk poezii* [The language of poetry]. Orenburg: Orenburgskaja kniga Publ., 2021, 162 p.
10. Lozhkova A.V. Sonet kak liričeskij zhanr [Sonnet as a lyrical genre]. *Ural'skij filologičeskij vestnik* [Ural Philological Bulletin], 2012, no. 6, pp. 5-18.
11. Nikolina N.A. *Filologičeskij analiz teksta* [Philological text analysis]. Moscow: Akademija Publ., 2003, 256 p.
12. Ostankovich A.V. Zhanrovaja specifika, principy i zakonomernosti cikličeskoj svjazi sonetov [Genre specificity, principles and patterns of cyclic connection of sonnets]. *Nauka. Innovacii. Tehnologii* [Nauka. Innovation. Technology], 2008, no. 5, pp. 39-44.
13. Ostankovich A.V. Hudozhestvennaja rol' povtora v garmonii soneta [Artistic role of repetition in sonnet harmony]. *Vestnik Stavropol'skogo go-*

- sudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2004, no. 39, pp. 104-114. URL: <http://vestnik.stavsu.ru/39-2004/13.pdf> (accessed 21 March 2022).
14. Plavskin Z.I. Chetyrnadcat' magicheskikh strok [Fourteen magic lines]. *Zapadnoevropejskij sonet (XIII–XVII veka): Pojeticheskaja antologija* [Western European sonnet (XIII–XVII centuries): Poetic anthology]. Leningrad: Leningrad University Publ, 1988, pp. 3-28.
 15. Pogrebnaja Ja.V. Osobennosti hronotopa sonetiany V.V. Nabokova [Chronotope features of V.V. Nabokov's sonetiana]. *Artikult*, 2017, no. 27(3), pp. 106-112. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-3-106-112>
 16. Fedotov O.I. Sonety iz Strany stihov (sonety v stroficheskom repertuare Vladimira Nabokova) [Sonnets from the Land of Poems (sonnets in the strophic repertoire of Vladimir Nabokov)]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University Bulletin], 2006, no. 14, pp. 89-104.
 17. Shakespeare W. "Tvoja l' vina, chto milyj obraz tvojoj..." [Is it thy will thy image should keep open...] (translated by S. Marshak). URL: <https://www.kostyor.ru/poetry/marshak/?n=86> (accessed 21 March 2022).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Наталья Николаевна, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, д-р. фил. наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, Оренбургская область, 460000,
Российская Федерация
ospu@ospu.ru

Шевякова Ирина Александровна, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, канд. фил. наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, Оренбургская область, 460000,
Российская Федерация
ospu@ospu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalya N. Kuznetsova, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, Orenburg Region, 460000, Russian Federation
ospu@ospu.ru

Irina A. Shevyakova, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, Orenburg Region, 460000, Russian Federation
ospu@ospu.ru

Поступила 27.02.2022
После рецензирования 20.03.2022
Принята 29.03.2022

Received 27.02.2022
Revised 20.03.2022
Accepted 29.03.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-152-162

УДК 81-25'37'42:811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТА «ОРЕНБУРГСКАЯ СТЕПЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Н.А. Белова, У.Н. Карташова

Цель. В статье представлен анализ репрезентантов концепта «Оренбургская степь» и его составляющих на английском языке. Авторы ставят целью проанализировать возможные варианты перевода составляющих концепта «Оренбургская степь».

Материалы и методы. Источником материала для анализа выступают художественные произведения об Оренбургской области и их переводы на английский язык, данные двуязычных и толковых словарей. В процессе работы были использованы такие методы, как метод сплошной выборки и описания, метод лингвокультурологического анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты исследования. Анализ перевода составляющих концепта «Оренбургская степь» позволил выявить этноспецифические и культурные особенности восприятия данного концепта носителями английского языка. Большинство составляющих концепта «Оренбургская степь» имеют схожее денотативное значение, в то время как коннотативное значение или отсутствует, или отличается, что связано с отсутствием данных реалий в английском языке. Проанализировав материалы художественных текстов об Оренбургской области и их переводы, следует отметить, что репрезентанты концепта «Оренбургская степь» являются вербализацией внутреннего состояния автора и его отношения к степи. Каждое высказывание формирует когнитивную картину мира автора произведения.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере теории и практики перевода, а также на занятиях по регионально-ориентированному переводу.

Ключевые слова: концепт; степь; Оренбургская область; перевод; образ; репрезентанты

REPRESENTATIVES OF THE ORENBURG STEPPE CONCEPT TRANSLATED INTO THE ENGLISH LANGUAGE

N.A. Belova, U.N. Kartashova

Purpose. *The article is devoted to the analysis of the Orenburg steppe concept and its representatives into English. The aim of the study is to analyze the possible ways of translation of the representatives of this concept.*

Materials and methods. *To achieve the goal, the following methods and analysis techniques were used: method of continuous sampling, descriptive method, the method of linguoculturological analysis, comparative method. Works of fiction about the Orenburg region and their translations into English, as well as data from bilingual and explanatory dictionaries were used for the purpose of the study.*

Results. *The analysis of the Orenburg steppe concept and its representatives revealed certain ethno-specific and cultural features in the mental worldview of native English speakers. Most of the components of the concept “Orenburg Steppe” have a similar denotative meaning, while the connotative meaning is either absent or different. This is due to the lack of these realities in the English language. Having analyzed the materials of literary texts about the Orenburg region and its translations, it should be noted that the representatives of the Orenburg steppe concept are a verbalization of the inner state of the author and his attitude to the steppe. Each statement forms a cognitive picture of the author’s world of the work.*

Practical implications. *The results of the study can be used in theory and practice of translation, as well as in region-oriented translation studies.*

Keywords: *concept; steppe; Orenburg region; translation; image; representatives*

Введение

В современной когнитивистике большое количество работ посвящено анализу понятия «концепт», его сущности, структуры и характеристик. Концепт – термин, служащий объяснению единиц мыслительных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека [7, с. 106]. Концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания в виде «квантов» знания [9, с. 55]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт – своего рода посредник между словами и экстралингвистической действительностью [6, с. 102].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили художественные произведения С.Т. Аксакова, А.С. Пушкина и их переводы на английский язык, выполненные Дж. Даффом, Р. Пивером и Л. Волохонской, а также данные двуязычных и толковых словарей. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, описательный метод и метод лингвокультурологического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из вариантов перевода концепта «Оренбургская степь» является перевод отдельных его элементов, например, таких слов, как «степь», «перекати-поле», «ковыль», «попынь», «поземка», словосочетаний «сухая степь», «пустая степь», «бескрайняя степь», «цветущая степь», «родная степь».

Приведем несколько вариантов перевода слова «степь»: ‘steppe’, ‘prairie’, ‘veld’, в значениях, которых имеются различия. Отдельно стоит выделить онлайн-ресурс Multitran, в котором указаны варианты ‘heath’ и ‘prairie’ с пометкой ‘general’ [12]. Не все эти слова подходят для использования в контексте Оренбургской степи.

Так, вариант 'prairie', несмотря на определение из the Cambridge Dictionary 'a large, flat area <...> that is usually covered in grass', которое подходит для описания степи Оренбургской области, имеет географическую отнесенность к Северной Америке – 'a large, flat area of land in North America that is usually covered in grass' [15]. Дефиниция слова 'veld' соответствует определению степей Африки. Такой вариант предлагает Oxford Learner's Dictionaries: '(in South Africa) flat, open land with grass and no trees' [17].

Слово «степь» в русском языке имеет следующее денотативное значение: «равнина, поросшая травянистой растительностью, в умеренных и субтропических зонах Северного и Южного полушарий, характерной особенностью которой является отсутствие или очень малое количество деревьев» [11].

Для полной передачи смысла при переводе какого-либо текста о степях Оренбургской области предпочтительно выбрать вариант 'steppe' – 'a large area of land with grass but few trees, especially in south-east Europe and Siberia' [17], поскольку денотативное значение слова «степь» в русском языке в значительной степени совпадает с денотативным значением в английском.

Следует также отметить перевод слова «ковыль», т.к. это растение знакомо англоговорящим и имеет перевод 'feather grass' [3]. Более того, в Новом Большом англо-русском словаре Ю.Д. Апресяна [8, с. 745] и Большом англо-русском словаре АБВУД Lingvo [13] отмечено, что 'feather grass' означает именно перистый ковыль *Stipa pennata* L., о котором чаще всего и говорят в контексте степей Оренбургской области.

Понятие «поземка» в английском языке не может быть выражено одним словом и из-за этого переводится описательным способом, например, 'blizzard accompanied by ground wind' [13].

Для слова «полынь» существует три варианта перевода: 'wormwood', 'absinthium' и 'absinth'. Стоит отметить, что все варианты означают горькую полынь, а последние два отсылают к ее латинскому названию *Artemisia absinthium*, которая и произрастает на территории области.

Гораздо больше затруднений вызывает перевод слова «перекати-поле». Большой англо-русский словарь АБВУ Lingvo предлагает три варианта перевода: два ботанических – ‘baby’s-breath’, ‘tumble-weed’, один в переносном значении – ‘rolling stone’ [13]. Однако в Новом Большом англо-русском словаре Ю.Д. Апресяна последнее значение указано с важной пометкой «(о человеке)», что сразу же исключает этот вариант для перевода концепта «Оренбургская степь», если только это не обусловлено контекстом конкретно взятого текста [8, с. 106]. Другие же два варианта отличаются видовой принадлежностью растений. Поэтому важно понимать о каком перекасти-поле идет речь, поскольку оба вида присущи Оренбургской области. Так, ‘baby’s breath’ подходит для передачи понятия гипсофила – травянистого растения полукустарниковой формы с мелкими белыми цветками, в то время как ‘tumbleweed’ означает высохшее растение, которое перекачивается по степи в виде большого клубка.

Понятия «сухая степь», «засушливая степь», «высохшая степь» передаются словосочетанием ‘dry steppe’. Словосочетание «пустая степь» не стоит путать с «пустынной степью», которая характерна для территорий между саванной и пустыней в тропических поясах. В первом случае подходящим вариантом перевода является ‘bare steppe’, а во втором – ‘desert steppe’.

Как показывает практика, рассмотрение передачи всего концепта «Оренбургская степь» на английском языке в контексте перевода художественной литературы отличается от рассмотрения передачи отдельных его элементов. Например, переводчик Дж. Дафф при переводе мемуаров С.Т. Аксакова «Семейная хроника» переводит высказывание «поднимешься на гору – там равнина, *непочатая степь*, чернозем в аршин глубиною» [1, с. 28] следующим образом: ‘As you got out of the valley, *the level steppe spread out before you*, a black virgin soil over two feet in depth’ [14, p. 7]. Таким образом, Дж. Дафф передает смысл, изначально заложенный автором, но не акцентирует внимание читателя на словосочетании «непочатая степь», изменяя грамматическую конструкцию. Заслуживает внимания то, как С.Т. Аксаков описывает Оренбургский край: «Ты не

та, но все еще прекрасна, так же обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна, Оренбургская губерния!» [1, с. 31]. И хотя слово «степь» здесь не употребляется, С.Т. Аксакову удается позволить читателю почувствовать всю красоту степи через ряд живописных прилагательных. Дж. Дафф смог сохранить эту особенность в переводе: ‘It is changed; but it is still beautiful and spacious, fertile and infinitely various, the Government of Orenburg’ [14, p. 11].

Интересно видеть иной перевод слова «ковыль» в оригинале: «Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки, <...>, то светло и тихо незаметно катящиеся по *ковылистым степям* твоим, подобно яхонтам, нанизанным на нитку» [1, с. 32] – ‘Full of water and full of all manner of fish are thy rivers, <...>, glittering like a string of jewels, through *the prairie-grass of the steppes*’ [14, p. 11]. В данном случае Дж. Дафф также меняет грамматическую структуру и использует сочетание ‘the prairie-grass of the steppe’, что помогает английскому читателю представить описываемую автором картину.

Приведем другой пример: «Алексей Степаныч давно не бывал за Кинелем; зеленая, цветущая, душистая степь приводила его в восхищение» [1, с. 151] С.Т. Аксаков на первое место выносит степь и то, как ее природа воздействует на персонажа, в то время как Дж. Дафф использует пассивную конструкцию, тем самым выделяя человека: ‘It was long since Alexyey Stepanitch had been across the Kinel; and he was delighted by the greenness and fragrance of the steppe’ [14, p. 140]. Таким же образом он поступает в следующем предложении: «Полная звуков, голосов и жизни степь, богатая тогда, всеми породами полевой дичи, так сильно его развлекала ...» [1, с. 151], в котором на английском языке роль сказуемого от степи переходит к звукам, что также переносит фокус внимания читателя на другой объект: ‘In those days the steppe was alive with birds of every kind, and the sound of their myriad voices was so attractive to him’ [14, p. 140]. Необходимо отметить, что Дж. Дафф не разделяет словосочетания «зеленая степь» и «травянистая степь». Для передачи первого в предложении «Я не согласен с ним, но также очень полюбил <...> *зеленую степь*

вокруг» [1, с. 151] он выбирает словосочетание ‘the wide stretch of *grassy steppe*’ [14, p. 139]. Изначальный акцент на цвет оказывается смещенным на состав растительного мира степи. Предложение «<...> а ездят верхом с утра до вечера по своим раздольным степям, ездят до тех пор, покуда зеленый ковыль, состарившись, не поседет и не покроется шелковистым серебряным пухом» [1, с. 201] Дж. Даффа переводит следующим образом: ‘and they ride all day long over the broad steppes, until the prairie grass turns from green to grey and veils itself with a soft, silvery down’ [14, p. 193]. Так, прилагательное «раздольные», которое включает в себя не только указание на размер, но также и признак «свободный», «неограниченный», передано прилагательным ‘broad’ с более узким значением.

В мемуарах С.Т. Аксакова «Семейная хроника» особое место уделено степи, красоте ее природы и тому, как она воздействует на других, тогда как в переводе Дж. Даффа при описании природы первостепенным является передача общего смысла.

Еще одним примером перевода художественного произведения для рассмотрения вариантов выражения концепта «Оренбургская степь» на английском языке может служить перевод романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка». В отличие от Дж. Даффа переводчики Р. Пивер и Л. Волохонская сохранили характеристику цвета оригинального предложения «Я ничего не вижу, кроме *белой степи* да ясного неба» [10, с. 22] и не стали заменять прилагательное на другие варианты, такие как ‘snow-white’ и ‘snowy’: ‘I see nothing but the white *steppe* and the clear sky’ [16, p. 259]. Также удачно, на наш взгляд, переведено словосочетание «необозримая степь» в предложении «Снег лежал ослепительной пеленою на *необозримой степи*» [10, с. 28]. В переводе ‘Snow lay in a dazzling mantle over *the boundless steppe*’ переводчику удалось передать словосочетание той же грамматической конструкцией, что и в оригинале, не сузив значение [16, p. 264]. В переводе предложения «Передо мною простиралась печальная степь» [10, с. 35] для выражения «печальная» использовалось прилагательное ‘dismal’, которое сохранило эмоциональную окраску: ‘Before me stretched the dismal *steppe*’ [16, p. 268].

Заключение

Анализ перевода составляющих концепта «Оренбургская степь» позволил выявить этнокультурные особенности в ментальном мировосприятии носителей английского языка. Для определения денотативных и коннотативных значений, составляющих концепт «Оренбургская степь», мы обращались к словарям и художественной литературе с соответствующей тематикой. Следует отметить, что большинство составляющих концепт «Оренбургская степь» имеют схожее денотативное значение, в то время как коннотативное значение или отсутствует, или отличается. Это чаще всего связано с отсутствием данных реалий в английском языке. Перевод репрезентантов концепта «Оренбургская степь» является сложной задачей, характеризующейся множеством нюансов, таких как выбор лексики, необходимость сохранения смысла и отсутствие искажений в переводе художественных произведений на данную тематику.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Аксаков С.Т. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст., и примеч. В.А. Богданова. М.: Современник, 1984. 527 с.
2. Дафф А. Джеймс Дафф из Тринити: жизнеописание. / Пер. с англ. В.А. Астровой: под ред. Г.О. Иванова // Аксаковский сборник. Уфа, 2001. Выпуск 3. С. 196-240.
3. Королев Н.Н. Русско-английский словарь. URL: <https://rus-eng.slovaronline.com/> (дата обращения: 06.12.2021).
4. Красная книга Оренбургской области. Животные и растения / Администрация Оренбургской области. Госкомитет по охране окружающей среды Оренбургской области. Институт степи Уральского отделения Российской Академии наук. Оренбургский государствен-

- ный педагогический университет. Оренбургский государственный университет. / Под ред. Л.Г. Евдокимова, Е.Г. Байдакова. Оренбург: «Оренбургское книжное издательство», 1998. 176 с.
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
 6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебн. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 269 с.
 7. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 272 с.
 8. Новый большой англо-русский словарь / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. English-Russian dictionary: Ок. 250 000 слов: В 3 т. М.: Рус. яз., 1993.
 9. Петров В.В. Структуры значения: логический анализ. Новосибирск: Наука, 1979. 142 с.
 10. Пушкин А.С. Капитанская дочка. Москва: Эксмо, 2021. 320 с.
 11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. М.: АСТ, 2018. 282 с.
 12. Электронный словарь Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2> (дата обращения: 06.12.2021).
 13. Электронный словарь АБВУЯ Lingvo. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 06.12.2021).
 14. Aksakov S. T. A Russian gentleman: translated by J.D. Duff. London: E. Arnold, 1917, 209 p.
 15. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 06.12.2021).
 16. Novels. Tales. Journeys: the complete prose of Alexander Pushkin / Alexander Pushkin; a new translation by R. Pevear and L. Volokhonsky. NY: Alfred A. Knopf, 2016. XIX, 484 p.
 17. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 06.12.2021).

References

1. Aksakov S.T. *Izbrannye sochinenija* [Selected works]. Moscow: Sovremennik Publ., 1984, 527 p.
2. Daff A. Dzhejms Daff iz Trinitii: zhizneopisanie [James Duff from Trinity: A Life Story]. *Aksakovskij sbornik* [The Aksakov collection]. Ufa, 2001, no. 3, pp. 196-240.
3. Korolev N.N. *Russko-anglijskij slovar'* [Russian-English dictionary]. URL: <https://rus-eng.slovaronline.com/> (accessed December 06, 2021).
4. *Krasnaja kniga Orenburgskoj oblasti. Zhivotnye i rastenija* [The Red Book of the Orenburg region. Animals and plants]. Orenburg: Orenburgskoe Publ., 1998, 176 p.
5. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Glossary of cognitive terms]. Moscow: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1996, 245 p.
6. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku: uchebn. posobie* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Nauka, 2007, 269 p.
7. Maslova V.A. *Sovremennye napravlenija v lingvistike* [Modern trends in linguistics]. Moscow: Akademija Publ., 2008, 272 p.
8. *Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar': v treh tomah* [New English-Russian dictionary: in 3 volumes]. Moscow: *Russkij jazyk Publ.*, 1993.
9. Petrov V.V. *Struktury znachenija: logičeskij analiz* [Meaning structures: logical analysis]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 142 p.
10. Pushkin A.S. *Kapitanskaja dochka* [The Captain's Daughter]. Moscow: Eksmo Publ., 2021, 320 p.
11. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*: [Defining dictionary of the Russian language]. 100000 slov, terminov i frazeologičeskijh vyrazhenij [100000 words, terms and phraseological expressions] / S.I. Ozhegov. Moscow: AST Publ., 2018. 282 p.
12. Multitran dictionary. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2> (accessed December 06, 2021)
13. ABBYY Lingvo Dictionary. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (accessed December 06, 2021)
14. Aksakov S.T. A Russian gentleman: translated by J.D. Duff. London: E. Arnold, 1917, 209 p.

15. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed December 06, 2021)
16. Novels. Tales. Journeys: the complete prose of Alexander Pushkin. NY: Alfred A. Knopf, 2016. XIX, 484 p.
17. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed December 06, 2021)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Белова Наталья Александровна, доцент кафедры теории и практики перевода, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
natalya.belova.83@bk.ru

Карташова Ульяна Николаевна, студент 2 курса
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
art.ulyana@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalya A. Belova, Candidate of Philology, associate professor, Department of Theory and Practice of translation
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russian Federation
natalya.belova.83@bk.ru
SPIN-code: 1208-8315
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3195-8030>

Uliana N. Kartashova, 2-year undergraduate in Philology
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russian Federation
art.ulyana@mail.ru

Поступила 13.01.2022
После рецензирования 17.01.2022
Принята 18.02.2022

Received 13.01.2022
Revised 17.01.2022
Accepted 18.02.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-163-181

УДК 81-11

УЗУСНАЯ ИНТОНАЦИОННАЯ НОРМА КАК НЕЧЕТКОЕ МНОЖЕСТВО: ФАЗЗИФИКАТОРЫ И ДЕФАЗЗИФИКАТОРЫ

Ю.А. Ненашева

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях современной тенденции к цифровизации дискурса теме исследования вероятностных характеристик единиц в дискурсе. Предметом анализа выступают просодические характеристики речи дикторов-чтецов, воспроизводящих диалогическое взаимодействие персонажей. Авторы ставят целью представить узусную интонационную норму как нечеткое множество фонологизированных интонационных контуров. В статье отражены факторы, детерминирующие специфику интонационных контуров, предложено определение этих факторов в терминах нечеткой логики.*

***Методология.** Методологическую основу исследования составляют положения когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию текстов/речевых сообщений и положения экспериментального анализа дискурса ЭАД, уточненные в целях исследования просодических характеристик.*

***Результаты.** Компьютерный акустический анализ позволяет выявить специфику просодического выражения значения высказывания в дискурсе, определить факторы, влияющие на вероятностные характеристики интонационной организации высказывания, и описать возможность исчисления этих вероятностных характеристик.*

Факторы, детерминирующие просодическую организацию высказываний, могут быть определены как фаззификаторы и дефаззификаторы, фасилитирующие передачу коммуникативного смысла высказывания в дискурсе.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при работе по созданию приложений с голосовым взаимодействием, а также в образовательном процессе на среднем и старшем этапах обучения иностранному языку.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход; экспериментальный анализ дискурса; интонация; повелительные высказывания (императив), интонационный контур; синтаксические/лексические маркеры/праймеры; фаззификатор/дефаззификатор

CONVENTIONAL INTONATION NORM AS A FUZZY SET: FUZZIFIERS AND DEFUZZIFIERS

Iu.A. Nenasheva

Purpose. The paper is given to the topic of probabilistic characteristics of the discourse units, being relevant in the course of present-day tendencies towards digitalization of the discourse. The subject for analysis is represented by prosodic characteristics of read-aloud speech imitating face-to-face dialogue. The author aims at representing the conventional intonation norm as a fuzzy set of phonologized intonation contours (ICs). The paper states the factors that determine the specific character of ICs and suggests defining these factors in terms of fuzzy logic.

Methodology. The methodology of the research is based on the interdisciplinary cognitive-discursive approach to studying verbal interaction in discourse, which requires taking into consideration cognitive and discourse factors. The methodology of the presented research also includes regulations stated by the experimental discourse analysis and specified for the purposes of experimental prosodic research.

Results. Computer analysis helps to describe specific features of prosodic organization of the utterance and identify factors that determine this specificity. Identifying determining factors allows to define them as fuzzifiers and defuzzifiers, which help to transmit the meaning of the utterance.

Practical application. *The results of the research can be used in creating online/web applications with voice activation/interaction. The results can also be used L2 teaching to advanced students.*

Keywords: *cognitive-discursive approach; experimental discourse analysis; intonation; prosody; imperatives; intonation contour; syntactic/lexical primers/markers; fuzzifier/defuzzifier*

Введение

Традиционная интонационная норма английского языка представляет собой набор просодических контуров, соотносимых с определенными коммуникативными значениями. Авторы классификаций интонационных контуров используют разные критерии: 1) коммуникативный тип предложения, лежащего в основе высказывания (statement, command, Wh-question) с эмфатическими вариациями («nuclear tones») [34, с. 106-242; 38, с. 25-69]; 2) формальный критерий, подразделяя интонационные контуры по виду тонального движения (profiles) [22, с. 139-193]) и соотнося выделяемые контуры с «nuclear tones» [32, с. 89-91; 35, с. 283-285]; 3) прагматический критерий, выделяя два типа тонов (proclaiming and referring tones), используемые для передачи новой и общей информации для коммуникантов [23, с. 67-70]. Само понятие нормы неизменно находится в фокусе внимания лингвистов, несмотря на достаточно долгую научную историю исследования этого объекта [13; 4; 15]. Направление исследования интонации в соответствии с информацией, передаваемой в речевом сообщении, получившее развитие в последние годы, делает упор на структуры распределения информации в сообщении и корреляции тональных движений и их сочетаний с этими структурами (focus, givenness) [30, с. 53-61; 29, с. 135-136; 24, с. 3-16]. Кроме того, особое внимание уделяется исследованию вероятностных характеристик языковой нормы разных языковых систем в дискурсе [25; 26; 27; 28; 31].

Появление большого количества экспериментальных дискурсивных дает материал для уточнения и частичного пересмотра традиционных систем классификации интонации, поскольку имен-

но интонация – последнее средство, способное при недостаточности других языковых средств убрать многозначность, обеспечить возможность адекватной интерпретации. Мы предполагаем, что использование когнитивно-дискурсивного подхода к изучению просодической организации устной речи, а также применение методологии экспериментального анализа дискурса (ЭАД) [7, с. 65-66; 14, с. 98-103, 114] дает возможность изучить узусную интонационную норму. Выделение особенностей узусной интонационной нормы и определение факторов, детерминирующих эти особенности позволяют оценить вероятностные характеристики просодических составляющих интонационной организации высказываний в дискурсе. Основанием для такого предположения служат результаты многочисленных исследований в области онтогенеза речи, рече-производства и речевосприятия: механизмов внимания и памяти, задействованных в этих процессах: в процессах рече-производства/речевосприятия задействованы два типа обработки информации: автоматический и контролируемый [9; 8; 2, с. 299-305; 1, с. 134]. При автоматической обработке информации и принятии решений на основании ее результатов пользователь языка применяет наиболее частотные языковые единицы и конструкции, что экономит временные ресурсы и ресурсы внимания и памяти в процессах производства/восприятия речевого сообщения. Контролируемый/осознанный тип обработки информации требует больше времени и затрудняет процесс коммуникации. Вероятностные характеристики узусной интонационной нормы могут быть определены на основании выявления и описания факторов, детерминирующих интонационную организацию высказываний в дискурсе при использовании двух вышеупомянутых типов обработки информации в дискурсивной деятельности. Определенные факторы (мимика, жесты), сопровождающие процессы рече-производства и речевосприятия, способны оказать влияние на восприятие речи и на просодическую организацию высказываний.

Опираясь на мнение, высказанное Л.А. Кантером [3, с. 74], мы предполагаем, что узусная интонационная норма может быть опи-

сана как набор нечетких множеств фонологизированных просодических конструкций, соответствующих регулярным идентифицируемым коммуникативным значениям. Основаниями рассматривать узусную норму как сложное нечеткое множество являются когнитивный и дискурсивный/прагматический/социальный аспекты речевой деятельности:

1) Когнитивный аспект: а) категоризация как основная когнитивная деятельность человеческого сознания по познанию окружающего мира предполагает последовательное создание двух виртуальных множеств: понятийного множества и языкового множества; б) речепроизводство и речевосприятие включают процессы мотивированного, хотя не обязательно осознаваемого отбора языковых единиц, необходимых для выражения коммуникативного смысла. Данный отбор является частью вероятностного процесса кодирования – превращения единиц виртуального языкового множества в конкретную речевую единицу.

2) Дискурсивный аспект: речь всегда реализуется в условиях неопределенности (*uncertainty*) как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего. Эта неопределенность обуславливается: а) постоянно изменяющейся коммуникативной ситуацией; б) различиями в составе «общего знания» участников коммуникации, имеющих различный социальный и речевой опыт – “*shared experience*”, “*common conceptual ground*” [37, с. 5-8, 36].

Представленная в виде сложного нечеткого множества узусная интонационная норма в дискурсе имеет один или несколько центров аттракторов, в которых сосредоточены наиболее частотные просодические конструкции, характеризующиеся низкой функциональной вариативностью, и периферические области, в которых расположены интонационные конструкции с более высокой функциональной вариативностью. Периферические области нечетких множеств могут перекрываться, создавая области многозначности – интонационную омонимичность, обусловленную высокой функциональной вариативностью интонационных контуров, что может послужить причиной неправильной интерпретации получа-

емых акустических сигналов, результатом чего становится коммуникативная неудача.

Мы предлагаем использовать термины «фаззификатор» и «дефаззификатор» для обозначения [10]. Данный термин применяется в математической логике для описания отображения «четкой» точки (или значения переменной) из X в нечеткие множества из Y . Дефаззификатор отображает нечеткие множества из Y в четкое значение выхода [21]. Применение черт fuzzy-систем к дискурсу показывает наличие значительного сходства:

1. Дискурс также оперирует нечеткими входными данными: отсутствие информации об идентичности речевого и социального опыта со-коммуникантах, непрерывно изменяющиеся во времени условия коммуникации, невозможность однозначно задать коммуникативный смысл высказывания в дискурсе;
2. При оценке выбора той или иной единицы в речепроизводстве/речевосприятии в дискурсе невозможна четкая формализация критериев этой оценки, по отношению к выбранной языковой единице участники дискурса оперируют критериями: «чаще всего используется», «преимущественно встречается», «в большей/меньшей степени подходит для выражения значения»;
3. При качественной оценке входных данных и полученного результата участники дискурса оперируют не только непосредственными значениями данных, но и распределением этих единиц, их частотностью;
4. Когнитивные операции планирования и прогнозирования вероятных результатов дискурсивной деятельности представляют собой проведение быстрого моделирования сложной динамической системы – дискурса [7, с. 122-123] и сравнительный анализ с предполагаемой степенью точности, позволяющий оценить разные варианты выходных значений – результатов.

Таким образом, обозначение факторов, сопровождающих дискурсивную деятельность и оказывающих влияние на результат этой

деятельности – интонационную организацию высказывания, как фаззификаторов и дефаззификаторов может помочь в пересмотре и уточнении систему узусной интонационной нормы и обеспечить ее адекватное описание.

Методика исследования

В качестве материала исследования были использованы художественные тексты и их аудиоварианты. Выбор материала для исследования обоснован аргументами, выдвинутыми проф. Шу и О.В. Федоровой и др. [39, с. 331-332; 14, с. 88, 115; 36, с. 95-96]. Такой материал дает возможность одновременно исследовать решения об интонационной организации, принятые чтецами при восприятии письменного текста (единицы, активизирующие когнитивные процессы) и воспроизводстве этого текста [12]. Поскольку аудиокнига представляет собой аудиомедиальный текст – текст, зафиксированный в письменной форме, но поступающий к получателю в устной форме и воспринимаемый получателем на слух. [6, с. 79-80; 16, с. 12-14], и может рассматриваться как вид драматургического произведения [7, с. 133-134], ее части, в которых имитируется непосредственное вербальное взаимодействие между персонажами, представляют собой осуществление дискурсивной деятельности «виде игры актеров, озвучивающих тот или иной текст – фрагмент дискурса как речемыслительной деятельности, «погруженной в жизнь» [Там же]. Изучение структуры, частотности, распределения как просодических конструкций самих высказываний, составляющих прямую речь – непосредственное вербальное взаимодействие, так и сопровождающих их единиц, дает возможность выделить факторы, способные оказать влияние на интонационную организацию высказываний, – фаззификаторы и дефаззификаторы.

Материал исследования представляет собой художественные тексты британских авторов, воспроизведенные шестью общепризнанными британскими актерами речевого жанра (3 мужчин/3 женщины). Материалом для акустического анализа послужили выборки высказываний, включающие канонические повелительные выска-

зывания [19, с. 47; 20]. Для проведения сравнительного анализа было сделано 2 выборки: AImperative и YAImperative. Общее количество высказываний в выборках составило 9117 высказывания. Исследование включает в себя корпусный анализ письменных вариантов художественных текстов, акустический анализ аудиовариантов этих текстов и статистическую оценку данных, полученных в ходе акустического анализа.

Результаты

Корпусный анализ письменных вариантов художественных текстов позволил выделить в тексте единицы – актуализаторы, активизирующие когнитивные процессы при принятии чтецами решений о выборе интонационных конструкций [5, с. 11; 2]. Такими единицами являются глаголы речевой каузации (глаголы, вводящие прямую речь персонажей, из которой была сделана выборка исследования) и субъектно/объектно-обстоятельственные квалификаторы [17, с. 87; 18, с. 129]. Данные корпусного анализа показывают, что глаголы речевой каузации повелительных высказываний слабо представлены глаголами, выражающими побуждение: в качестве эмпирически очевидных формальных актуализаторов интонационной организации повелительных высказываний выступают другие глаголы. В качестве примеры приведены данные по выборке AImperative (Табл. 1. Актуализаторы в выборке AImperative).

Таблица 1.

Актуализаторы в выборке AImperative

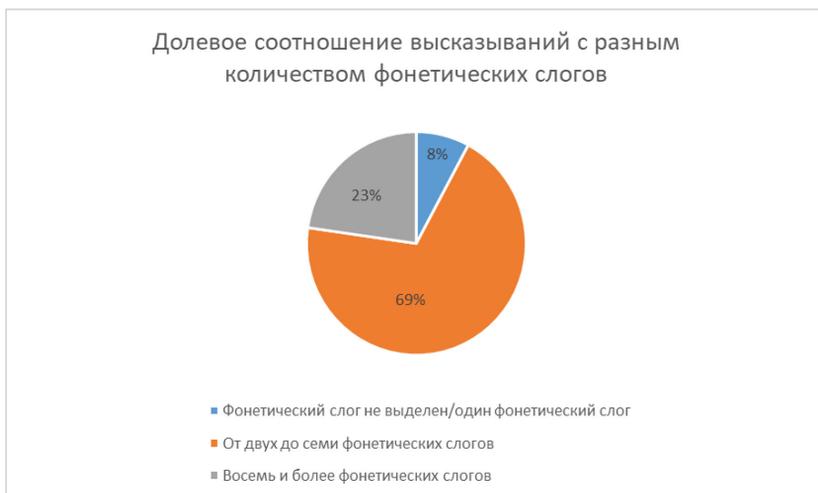
	Частотность в выборке А	Частотность в корпусе А	Относит. частотность
Said	999	7785	10019,8
Shouted	30	125	160,88
Snapped	30	84	108,11
Cried	25	168	216,22
Urged	14	32	41,18
Ordered	12	79	101,67
Pleaded	12	31	39,89
Demanded	9	187	240,68

Из данных таблицы следует, что глаголы, обозначающие повышенную громкость говорения, имеют низкую относительную частотность в корпусе письменных вариантов текста, но в выборках представлены более часто. Это свидетельствует о значимости просодического параметра громкости, для указания и использования которого в интонационном контуре высказывания автор письменно-го текста использует специальные глаголы. Глаголы речевой каузации представляют собой лексические маркеры/праймеры, единицы, маркирующие особые условия речепроизводства, сопровождающие коммуникацию и одновременно активирующие когнитивные процессы принятия решений при выборе подходящей просодической организации высказывания прямой речи.

Исследование субъектно/объектно-обстоятельственных квалификаторов показало, что эмотивный контекст канонических повелительных высказываний относительно редко выражен такими простыми элементами, как, например, *cheerfully*, *angrily*, *furiously*, выражающими легко идентифицируемый эмотивный контекст, который может быть однозначно соотнесен с интонационными контурами, описанными кодифицированной интонационной нормой английского языка. Гораздо чаще эмотивный контекст был выражен сложными единицами: *in a loud, unsteady voice*, *said eyes glowing*, *said urgently*, что указывает на наличие сильного эмоционального переживания, но не позволяет однозначно идентифицировать его как положительное или отрицательное. Такие единицы также выступают лексическими маркерами/праймерами, однако их функция заключается в передаче информации о характере/степени/силе эмоциональных переживаний, сопровождающих процесс речепроизводства, что оказывает влияние на просодическую организацию высказываний прямой речи.

В ходе исследования было обнаружено, что несмотря на то, что письменная речь позволяет автору использовать более длинные предложения, чтецы членили длинные конструкции с двумя и более распространенными грамматическими основами на самостоятельные высказывания, отделенные паузами: так, например, высказы-

вания вида «*Go and take*» чаще всего представляют собой интонационную группу с единым контуром, а высказывания, имеющие структуру «*Go to the next room immediately and call Mrs. Raisin*», делятся на два самостоятельных высказывания с более простой грамматической структурой. Чтецы также предпочитали выделять обращения, находящиеся в препозиции к повелительной грамматической структуре, в отдельную интонационную группу при помощи пауз, тогда как обращения, находящиеся в постпозиции, оставались в той же интонационной группе. Кроме того, была обнаружена зависимость частотности высказываний от количества обнаруживаемых фонетических слогов (Диаграмма 1. Долевое соотношение высказываний с разным количеством фонетических слогов).

Такая зависимость просодической организации высказывания прямой речи от синтаксической структуры показывает, что количество грамматических основ, фонетических слогов, положение дополнительных элементов (обращение) относительно главных членов предложения являются синтаксическими маркерами/праймерами, активирующими процессы членения в речепроизводстве.

Несмотря на ограниченный набор интонационных конструкций, описываемый кодифицированной интонационной нормой, соотно-

симый с однозначными коммуникативными значениями, в интонационных конструкциях исследуемых выборок не было обнаружено такой однозначности. Кроме того, интонационный контур Tergase (ровное тональное движение) проявился в 4,3% от общего количества автономных, самостоятельных высказываний несмотря на то, что кодифицированная интонационная норма относит этот интонационный контур к незавершенным высказываниям [12]. В исследованных высказываниях преобладают интонационные контуры со нисходящим тональным движением, которое может носить простой (реализуется как разница между тональными уровнями смежных слогов) или сложный характер (реализуются внутри одного фонетического слога).

Компьютерный анализ (Praat [33]) показал, что в группах высказываний с выраженным сложным тональным движением было зафиксировано увеличение количества высказываний с эксплицитными показателями, сигнализирующими о наличии эмфазы. Таким образом, наличие сигнала об эмфазе одновременно с небольшой длительностью высказывания (два – семь фонетических слогов) повышает вероятность использования в интонационной структуре высказывания выраженного сложного тонального движения, составляющего значительную долю длительности высказывания.

По результатам компьютерного анализа, второй квартиль значений интенсивности был равен или превышал среднее значение интенсивности в высказывании, а максимум интенсивности локализуется в первых двух третях интонационной структуры в 60% высказываний. Это сигнализирует о повышенной громкости, реализуемой в интонационной структуре канонических повелительных высказываний. Следует предположить, что коммуникативное значение побудительности предполагает привлечение внимания к содержанию высказывания при помощи просодических средств, а актуализаторы направляют выбор интонационных конструкций и модификации их просодических параметров для выполнения цели речевого сообщения.

Выводы

Полученные экспериментальные данные подтверждают предположение Л.А. Кантера о зонной концепции интонации [3, с. 73] и наше предположение о возможности представления узусной интонационной нормы в виде системы нечетких множеств, совокупностей типовых материальных воплощений смысловоразличительных интонационных единиц:

1. Проведенное исследование показало, что регулярная четкая соотнесенность с коммуникативными значениями интонационных конструкций, соответствующих кодифицированной интонационной норме английского языка, отсутствует даже на этапе активации когнитивных процессов принятия решения о выборе интонационной конструкции: в процессах отбора необходимой интонационной конструкции для организации высказывания чтецы руководствуются некоторыми эмпирически определяемыми эксплицитными элементами контекста канонических повелительных высказываний, которые выполняют функцию дефаззификаторов при восприятии письменного текста, позволяя достаточно точно интерпретировать передаваемое письменным текстом коммуникативное значение прямой речи и соотнести его с некоторым множеством интонационных конструкций, которые в большей или меньшей степени соответствуют его цели [28, с. 74-79]. В то же время при восприятии устной речи эти же единицы выполняют функцию фаззификаторов, соотнося конкретную речевую единицу с некоторым множеством языковых значений и мыслительных понятий.

2. Выбирая в пределах нечеткого множества интонационных конструкций, которые в большей или меньшей степени соответствуют цели чтеца, чтецы выбирают необходимую интонационную конструкцию, одновременно контролируя степень вариативности составляющих ее просодических компонентов. Такой контроль необходим, чтобы избежать возникновения функциональной вариативности, при которой данная интонационная конструкция может создать многозначность и быть неправильно

идентифицированной слушателем. Сам факт возможности создания многозначности используемой интонационной конструкцией свидетельствует о том, что кодифицированная интонационная норма не отражает реально существующего положения дел, при котором допустима определенная степень вариативности просодических компонентов интонационной конструкции – несколько интонационных конструкций могут быть успешно использованы для передачи коммуникативного смысла. Главным условием является их принадлежность к одному нечеткому множеству со схожими просодическими составляющими.

3. Сравнительный анализ интонационных конструкций исследованных высказываний показал, что наличие сложных тональных движений в пределах одного фонетического слога сопровождается повышенной вариативностью просодических составляющих интонационной структуры высказывания, вследствие чего нечеткие множества интонационных конструкций со сложными тональными движениями чаще образуют области пересечения с нечеткими множествами интонационных конструкций с простыми тональными движениями. В результате пересечения этих областей нечетких множеств образуются интонационные омофоны. Особенно часто это происходит при увеличении количества слогов в высказывании, при котором увеличивается вероятность возникновения дополнительных тональных движений в предъядерной части высказывания и сдвиг локализации максимального значения частоты основного тона, которая может быть интерпретирована как начальная точка терминального тонального движения, в результате чего сложное тональное движение может быть воспринято как два простых.

4. Центры-аттракторы нечетких множеств интонационных контуров узусной интонационной нормы представлены наиболее частотными интонационными конструкциями, реализующимися на протяжении двух – семи фонетических слогов, содержащих одну грамматическую основу, имеющих дополнительный элемент (обращение) в препозиции к главным членам предложения.

Список литературы

1. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: ЯСК, 2013. 424 с.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: Т. 1. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006. 448 с.
3. Кантер Л.А. Системный анализ речевой интонации. М.: Высшая школа, 1988. 128 с.
4. Касевич В.Б. Еще о языковой норме // Язык и речевая деятельность. 2005. Т. 8. С. 9-24.
5. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3-12.
6. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
7. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
8. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1974. С. 5-20.
9. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
10. Национальная библиотека им. Н.Э. Баумана URL: <https://ru.bmstu.wiki/> (дата обращения: 25.05.2019).
11. Ненашева Ю.А. Художественный текст как материал исследования интонационной организации повседневной речи: новые возможности. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3(53). С. 156-159.
12. Ненашева Ю.А. Функциональная вариативность императива в дискурсе: просодическое свидетельство «гибридизации» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. № 54. С. 28-42. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-28-42>
13. Степанов Г.В. О двух аспектах понятия языковой нормы // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков / Под ред. М.А. Бородиной, М.С. Гурычевой. М.: Наука, 1966. С. 226-235.

14. Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: ЯСК, 2014. 512 с.
15. Федяева Н.Д. Нормы в пространстве языка: монография. М.: ФЛИНТА, 2016. 172 с.
16. Черняк М.А. Массовая литература в понятиях и терминах: учеб. словарь-справочник: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2015. 192 с.
17. Шведова Н.Ю. «Простое предложение»: «Основные понятия» // Русская грамматика. Т.2. М.: Наука, 1980. С. 83-91.
18. Шведова Н.Ю. Семантическая структура простого предложения // Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 123-135.
19. Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010. 520 p.
20. Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands: a cross-linguistic view. // Commands: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 1-45.
21. Bar M. Visual objects in context // Nature Reviews Neuroscience. 2004, no. 5(8), pp. 617-629.
22. Bolinger D. Intonation and its Parts: Melody in Spoken Speech. Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1986, 421 p.
23. Brazil D. The Communicative Value of Intonation in English. Cambridge: CUP, 1997, 188 p.
24. Buring D. Intonation and meaning. Oxford: OUP, 2016. 313 p.
25. Calhoun S. The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective // Language, 2010. № 86(1), pp. 1-42.
26. Clayards M., Tanenhaus M.K., Aslin R.N., Jacobs R.A. Perception of speech reflects optimal use of probabilistic speech cues // Cognition, 2008, № 108(3), pp. 804-809.
27. Dahan D. Prosody and language comprehension. Wiley interdisciplinary reviews // Cognitive science. 2015. № 6(5), pp. 441-452.
28. Ferreira F., Patson N.D. The 'Good Enough' Approach to Language Comprehension // Language and Linguistics Compass. 2007. № 1, pp. 71-83.
29. Fery C. Intonation and prosodic structure. Cambridge: CUP. 2017, 374 p.
30. Halliday M.A.K., Greaves W.S., Halliday F. Intonation in the Grammar of English. London: Equinox Publishing Ltd. 2008, 224 p.

31. Kurumada C., Roettger T.B. Thinking probabilistically in the study of intonational speech prosody. Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science, 2021, e1579. <https://doi.org/10.1002/wcs.1579>
32. Ladd R.D. Intonational phonology. 2nd ed. Cambridge: CUP, 2008, 349 p.
33. Mertens P. The Prosogram: Semi-automatic Transcription of Prosody Based on a Tonal Perception Model // Proceedings of Speech Prosody. Nara, 2004, pp. 549-552.
34. O'Connor J.D., Arnold G.F. Intonation of Colloquial English. London: Longman Publishing, 1973, 290 p.
35. Pierrehumbert J., Hirschberg J. The meaning of intonational contours in the interpretation of discourse // Intentions in Communication. Cambridge, MA: MIT Press, 1990, pp. 271-311.
36. Speer S.R., Warren P., Schafer A. Intonation and sentence processing // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences, 2003, pp. 95-105.
37. Tomasello M. Origins of human communication. MIT Press, 2008, 408 p.
38. Wells J.C. English Intonation. An Introduction. Cambridge: CUP, 2006, 277 p.
39. Xu Y. In defense of lab speech // Journal of Phonetics, 2010. № 38, pp. 329-336.

References

1. Ahutina T.V. *Nejrolingvističeskij analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neurolinguistic Analysis of Lexics, Semantics and Pragmatics]. Moscow: YaSK, 2013, 424 p.
2. Velichkovskij B.M. *Kognitivnaja nauka: Osnovy psihologii poznanija* [Cognitive Science: The Fundamentals of Cognitive Psychology]. Vol. 1. Moscow: Smysl Publ.: «Akademija» Publ., 2006, 448 p.
3. Kanter L.A. *Sistemnyj analiz rechevoj intonacii* [Systemic analysis of speech intonation]. Moscow: Vysshaja shkola, 1988, 128 p.
4. Kasevich V.B. Eshhe o jazykovej norme [Another one on the language norm]. *Jazyk i rechevaja dejatel'nost'* [Language and speech activity], 2005, vol. 8, pp. 9-24.
5. Katsnel'son S.D. Rechemyslitel'nye process [Speech and cognition processes]. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistics questions], 1984, no. 4, pp. 3-12.

6. Komissarov V.N. *Obshhaja teorija perevoda* [General theory of translation]. Moscow: CheRo, 1999, 136 p.
7. Kubrjakova E.S. *V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija* [Looking for the fundamentals of the language: Cognitive science]. In-tazykoznanija RAN. Moscow: Znak, 2012, 208 p.
8. Leont'ev A.N. *Obshhee ponjatie o dejatel'nosti* [General notion of activity phenomenon]. *Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, 1974, pp. 5-20.
9. Lurija A.R. *Jazyk i soznanie* [Language and cognition]. Moscow: MGU Publ., 1998, 336 p.
10. *Nacional'naja biblioteka im. N.Je. Baumana* [National Bauman Library]. URL: <https://ru.bmstu.wiki> (accessed 25 May 2019).
11. Nenasheva Ju.A. Hudozhestvennyj tekst kak material issledovanija intonacionnoj organizacii povsednevnoj rechi: novye vozmozhnosti [Literary text as a material for the study of intonation organization of everyday speech: new possibilities]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2015, no. 11-3(53), pp. 156-159.
12. Nenasheva Ju.A. Funkcional'naja variativnost' imperativa v diskurse: prosodicheskoe svidetel'stvo "gibridizacii" [Functional variation of the imperative in discourse: prosodic evidence of "hybridization"]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobroljubova* [NGLU Bulletin], 2021, no. 54, pp. 28-42. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-28-42>
13. Stepanov G.V. O dvuh aspektah ponjatija jazykovej normy [On two aspects of language norm notion]. *Metody sravnitel'no-sopostavitel'nogo izuchenija sovremennyh romanskih jazykov* [Methods of comparative study of modern Romance languages]. Moscow: Nauka, 1966, pp. 226-235.
14. Fedorova O.V. *Jeksperimental'nyj analiz diskursa* [Experimental analysis of discourse]. Moscow: JaSK, 2014, 512 p.
15. Fedjaeva N.D. *Normy v prostranstve jazyka* [The norm in the language space]. Moscow: FLINTA, 2016, 172 p.
16. Chernjak M.A. *Massovaja literatura v ponjatijah i terminah* [Mass literature in terms and notions]. Moscow: FLINTA, 2015, 192 p.

17. Shvedova N.Ju. Prostoe predlozhenie: Osnovnye ponjatija [Simple sentence: The fundamentals]. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1980, pp. 83-91.
18. Shvedova N.Ju. Semanticheskaja struktura prostogo predlozhenija [Semantic structure of the simple sentence]. *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1980, pp. 123-135.
19. Aikhenvald A.Y. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010, 520 p.
20. Aikhenvald A.Y. Imperatives and commands: a cross-linguistic view. *Commands: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 1-45.
21. Bar M. Visual objects in context. *Nature Reviews Neuroscience*, 2004, no. 5(8), pp. 617-629.
22. Bolinger D. Intonation and its Parts: Melody in Spoken Speech. Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1986, 421 p.
23. Brazil D. The Communicative Value of Intonation in English. Cambridge: CUP, 1997, 188 p.
24. Buring D. Intonation and meaning. Oxford: OUP, 2016, 313 p.
25. Calhoun S. The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective. *Language*, 2010, no. 86(1), pp. 1-42.
26. Clayards M., Tanenhaus M.K., Aslin R.N., Jacobs R.A. Perception of speech reflects optimal use of probabilistic speech cues. *Cognition*, 2008, no. 108(3), pp. 804-809.
27. Dahan D. Prosody and language comprehension. *Wiley interdisciplinary reviews. Cognitive science*, 2015, no. 6(5), pp. 441-452.
28. Ferreira F., Patson N.D. The 'Good Enough' Approach to Language Comprehension. *Language and Linguistics Compass*, 2007, 1, pp. 71-83.
29. Fery C. Intonation and prosodic structure. Cambridge: CUP, 2017, 374 p.
30. Halliday M.A.K., Greaves W.S., Halliday F. Intonation in the Grammar of English. London: Equinox Publishing Ltd, 2008, 224 p.
31. Kurumada C., Roettger T.B. Thinking probabilistically in the study of intonational speech prosody. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 2021, e1579. <https://doi.org/10.1002/wcs.1579>
32. Ladd R.D. Intonational phonology. Cambridge: CUP, 2008, 349 p.

33. Mertens P. The Prosogram: Semi-automatic Transcription of Prosody Based on a Tonal Perception Model. *Proceedings of Speech Prosody, Nara 2004*, pp. 549-552.
34. O'Connor J.D., Arnold G.F. Intonation of Colloquial English. London: Longman Publishing, 1973, 290 p.
35. Pierrehumbert J., Hirschberg J. The meaning of intonational contours in the interpretation of discourse. *Intentions in Communication*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990, pp. 271-311.
36. Speer S.R., Warren P., Schafer A. Intonation and sentence processing. *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*, 2003, pp. 95-105.
37. Tomasello M. Origins of human communication. MA: MIT Press, 2008, 408 p.
38. Wells J.C. English Intonation. An Introduction. Cambridge: CUP, 2006. 277 p.
39. Xu Y. In defense of lab speech. *Journal of Phonetics*, 2010, 38, pp. 329-336.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ненашева Юлия Александровна, канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии
ФГБОУ ВО ЮУрГППУ
пр. Ленина, 69, г. Челябинск, 454080, Российская Федерация
nenajalex@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Iuliia A. Nenasheva, PhD, Associate Professor, Docent, English Philology Chair
South Ural State Humanitarian Pedagogical University (SUSHPU)
69, Lenin Str., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
nenajalex@gmail.com
SPIN-code: 5482-8994
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9474-6457>
Researcher ID: C-1444-2018

Поступила 31.12.2021
После рецензирования 04.01.2022
Принята 23.01.2022

Received 31.12.2021
Revised 04.01.2022
Accepted 23.01.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-182-204

УДК 8; 81-2

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ-ЗАИМСТВОВАНИЙ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА СМИ

Т.А. Юрова

Цель. Данное исследование посвящено выявлению степени понимания значений неологизмов-заимствований, используемых в языке массмедиа, гипотетическому определению уровня усвояемости прочитанных материалов, избыливающих заимствованиями, посредством их соотнесения с разного рода тематическими темами.

Метод и методология исследования. Методами исследования послужили анкетирование, проведение интернет – опроса, сопоставительный и описательный анализ.

Результаты. Анализ семантической перцепции неологизмов-заимствований широким кругом читающей публики продемонстрировал отсутствие полного понимания и возможности единогласного соотнесения значений с тематическими сферами. Данный факт свидетельствует о невозможности полноценной и качественной переработки получаемой информации.

Область применения материалов. Теоретические и практические результаты могут быть применены в лекционных курсах по лексикологии английского языка и спецкурсах по дискурсу современных СМИ.

Ключевые слова: национальный язык; языковые каноны; неологизмы-заимствования; понимание; усвояемость; средства массовой информации

SEMANTIC PERCEPTION OF NEOLOGISM BORROWINGS IN TERMS OF MEDIA LANGUAGE

T.A. Yurova

Purpose. This study is developed in order to identify the degree of understanding of neologism borrowings meanings used in the mass me-

dia language, hypothetical determination of the digestibility level of the articles, abounding in borrowings, by means of correlating borrowing meanings with thematic areas.

Research method and methodology. *The research methods were as follows: a conducting a questionnaire Internet survey, as well as carrying out a descriptive and a comparative analysis.*

Results. *An analysis of the semantic perception of neologism borrowings by a wide range of the reading public demonstrated the lack of a 100% degree of understanding and the impossibility of unanimous correlation of neologism borrowings meanings with topic areas. This fact indicates the impossibility of a full and quality processing of the information received from the mass media. The need for language canons compliance was identified.*

Practical implications. *Theoretical and practical results can be applied in lecture courses on the lexicology of the English language and special courses on the discourse of the modern media.*

Keywords: *national language; language canons; neologism borrowings; perception; digestibility; mass media*

Актуальность исследования обусловлена насущной необходимостью поддержания чистой естественной среды обитания национального языка, установления попечительства и проявления заботы со стороны каждого, кто на нем говорит.

Национальный язык выступает в качестве средоточия, кладезя культурного достояния нации, метафизических, духовных ценностей, которые создаются на протяжении многих веков многими поколениями людей [2].

Обилие иностранных слов, присутствующее во всех сферах жизни и особенно в средствах массовой информации, может вызывать неоднозначную реакцию у читающей публики. Необходимо осознавать, что каждое иностранное слово несет в себе не только созданный в другой культуре постулат и мораль, но и особый колорит, вес иной национальной культуры, которые не всегда могут быть согласованы и увязаны с ценностями русской

культуры. Речевая культура может быть сохранена посредством целевых усилий всех членов общества, пользующихся национальным языком.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые приводятся результаты интернет-опроса, нацеленного на выявление степени семантического восприятия неологизмов-заимствований, встречаемых в статьях электронных СМИ.

Целью исследования явилось выявление степени понимания значений неологизмов-заимствований, употребляемых в разных контекстах в статьях, публикуемых на страницах электронных газет, и, соответственно, уровня усвояемости прочитанных материалов, а также связанного с этим гипотетического воздействия на умы, возможного манипулирования сознанием читающей публики.

Без нормы не существует ни одна языковая система. Общепринятые языковые каноны составляют суть любого национального языка, знание которых позволяет грамотно читать и писать, ощущать себя культурным человеком, связанным тесными узами с культурой и культурной традицией [1].

Наличие особого языка СМИ обусловлено общей закономерностью развития общества в эпоху массовой информатизации [5]. Большое количество фундаментальных исследований тенденций развития национального языка связано с анализом языка СМИ. Накапливая языковую, ценностную, историко-культурную память языка, язык СМИ используется для создания текстов, описывающих разные виды коммуникации. Интерес к этому языку вполне правомерен по причине того, что именно в нем отображается литературный язык со всеми сопутствующими канонами и нормами [3]. Язык телевидения, прессы, радио реконструирует и делает богаче язык социума. Язык средств массовой информации воспроизводит своеобразие формирования, преобразования, интеграции человеческого общества в целом и народа в частности. Не следует забывать, что этнос выступает в качестве определенной силы по реформированию, а порой и смене языкового канона.

Средства массовой информации пребывают в постоянном движении и развитии, деятельность СМИ является наиболее важной в обществе. Изучение языка СМИ берет отсчет в начале 20 в., когда язык СМИ стал считаться отдельным явлением с характерными для этого всевозможными лингвистическими, функционально-семиотическими, прагматическими атрибутами обновления. Соблюдение языковых канонов было до определенного момента обязательным для работников средств массовой информации и нарушение норм вызывало негативную реакцию со стороны властей и общества, однако с середины 80-х гг. ситуация изменилась по причине сложившейся определенной общественно-политической ситуации в стране. Уже тогда описанные тенденции вызывали беспокойство у лингвистов, а с годами эти чувства только усиливались, что обусловило необходимость анализа происходящих языковых изменений революционного характера в языке СМИ. Прежде всего, изменения в деятельности СМИ соотносятся с непринятием устарелого семантического шифра, шаблонов советского времени, многоречивости, стереотипов. Причиной и источниками появления языковых инноваций выступили процессы по уменьшению роли коммунистической идеологии, политизации общества, по снятию вето с богословской лексики и конечно увеличение потока заимствований [6].

Однако переходный период, обусловленный политической, экономической и социальной сумятицей, давно завершен и возникает необходимость определения ситуационного состояния языка масс-медиа. С этой целью на платформе онлайн-сервиса «Google Формы» в режиме реального времени было проведено анкетирование и тестирование участников.

Опрос состоял из 22 вопросов, из которых 11 были закрытыми (формулировка позволяла отвечать односложно), 11 альтернативными (респонденту были предложены варианты ответа, но он также имел возможность добавить свою формулировку). В ходе исследования были опрошены 65 респондентов: 54 (85,7%) женщин и 10 мужчин (15,9%), один респондент не пожелал обозначить свою гендерную принадлежность (Рис. 1).

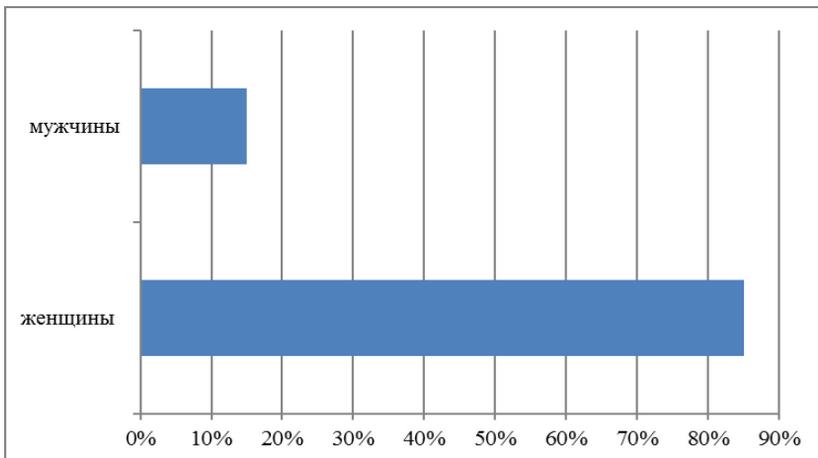

Рис. 1. Гендерная идентичность участников опроса

Возрастной контингент был распределен согласно шести группам: до 18 лет – 0 участников (0%), 19-25 лет – 9 человек (14,1%), 26-35 лет – 8 интервьюируемых (12,5%), 36-45 лет – 7 респондентов (10,9%), 46-60 – 12 опрашиваемых (18,8%), более 60 – 27 человек (43,8%) (Рис. 2).

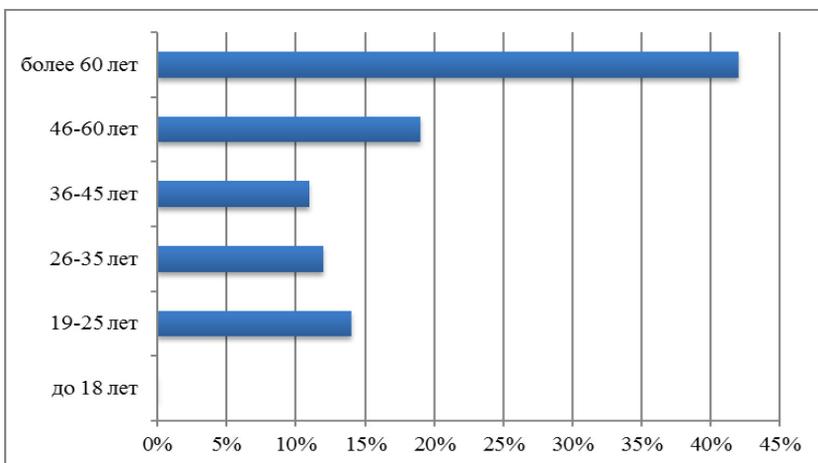

Рис. 2. Возрастной контингент участников

Как видно из рисунка 2 в опросе в основном принимали участие люди старше 60 лет, имеющие другую языковую моду, другое медийное восприятие и потребление. То, что создавалось в другой политический период, т.е. не в современных идеологических и ценностных условиях, является более близким и понятным этой возрастной категории. Современный медийный язык может вызывать у них непонимание, отторжение, т.н. когнитивную слепоту. По причине дальнейшего стремительно меняющегося мира и по мере дальнейшего медийного обогащения иностранными словами будут появляться новые тексты, вызывающие у читающей публики ценностно-эстетические и когнитивные конфликты, непонимание языкового и культурного кода этноса.

Из текстов электронных версий российских газет методом сплошной выборки был отобран ряд часто встречающихся в течение последнего десятилетия английских неологизмов-заимствований. На первом этапе проведения опроса респондентам было предложено ответить «да» или «нет» на вопрос, знакомы ли им слова *апвелинг*, *мундиаль*, *фрирайдер*, *рейв*, *кэшит*, *денуклеаризация*, *стрим*, *soft skills*, *hard skills*, *selfie*, *ниар-ход*. На втором этапе участникам было предложено определить тематические сферы, к которым могли бы быть отнесены те же неологизмы, которые были выбраны для первого этапа.

Результаты ответов были следующими:

Апвелинг

82% респондентов ответили, что им не знакомо *апвелинг*, 10% респондентов значение известно, 7.8% затруднились дать точное значение (Рис. 3).

На вопрос, к какой тематической сфере может быть отнесено употребление слова *апвелинг*, были получены результаты, представленные на рисунке 4. Одна группа опрошенных (23.1%) соотнесла это заимствование с природной сферой, однако другая группа с такой же процентной выраженностью выбрала из предложенного списка сфер финансовую. В свою очередь, 21.2% отождествляли неологизм-заимствование *апвелинг* с научной сферой, 15.4% –

с интернет-сферой, 7.7% – со спортивной сферой, 1.9% – с политической, развлекательной сферами.

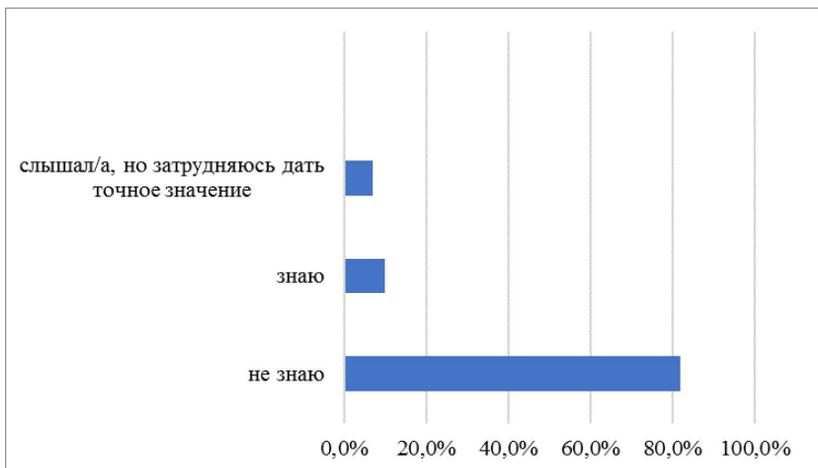

Рис. 3. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *апвеллинг* в процентном выражении

А 9.6% не смогли определиться с названием тематической сферы и написали «не знаю» (Рис. 4).

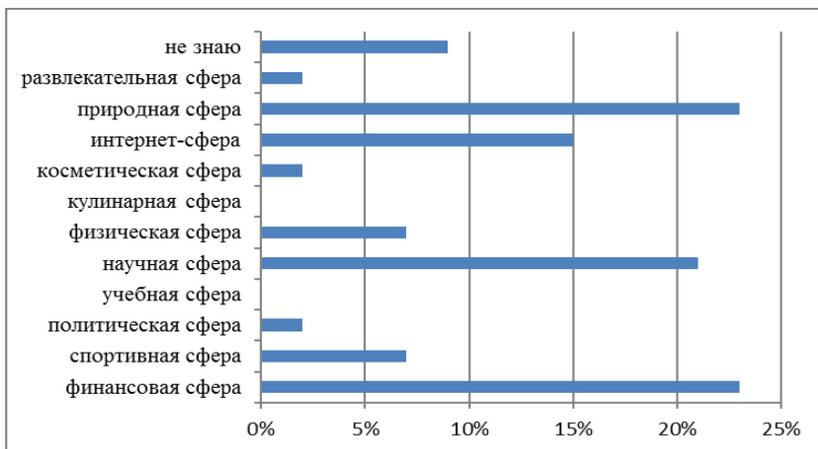

Рис. 4. Соотнесение неологизма-заимствования *апвеллинг* с тематической сферой употребления в процентном выражении

Мундиаль

54.7% участников ответили, что им известно значение слова, 21.9% подчеркнули, что они слышали это слово, но затруднились дать точное значение и 25% процентов ответили, что не знают значения этого заимствования (Рис. 5).

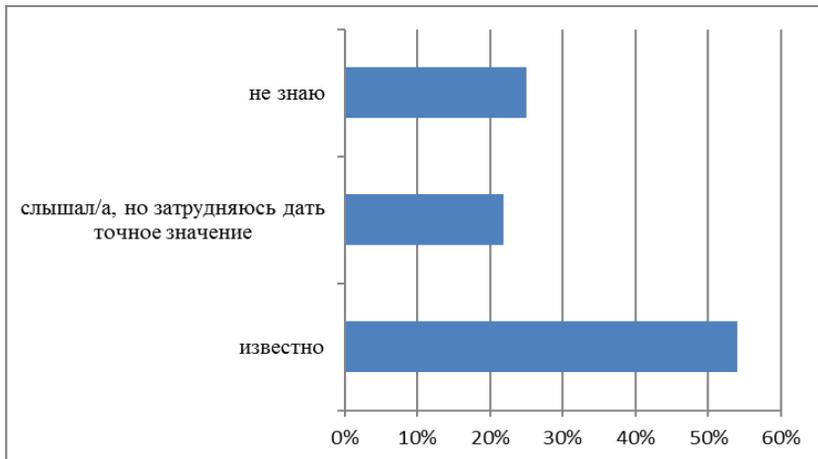

Рис. 5. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *mundial* в процентном выражении

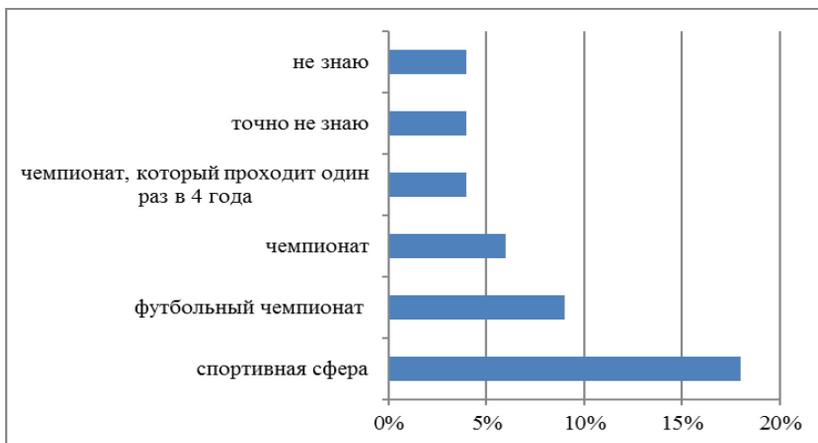

Рис. 6. Соотнесение заимствования *mundial* с тематическими сферами в процентном выражении

На просьбу соотнести слово *mundialь* с определенной тематической сферой 18.2% респондентов посчитали, что это иностранное слово может быть связано со спортивной сферой и обозначать проведение чемпионата мира по футболу. 9.1% сопоставили его с футбольным чемпионатом, 6.8% – просто с чемпионатом, 4.5% – с чемпионатом, который проходит 1 раз в 4 года. Две другие группы участников с таким же процентным выражением (4.5%) дали ответ – «точно не знаю» и «не знаю» (Рис. 6).

Фрирайдер

Реагируя на вопрос «Знакомо ли вам слово *фрирайдер*?», 56.3% ответили, что оно им известно, 31.3% пояснили, что слышали, но затрудняются дать точное значение и 14.1% участников признались, что значение слова им неизвестно (Рис. 7).

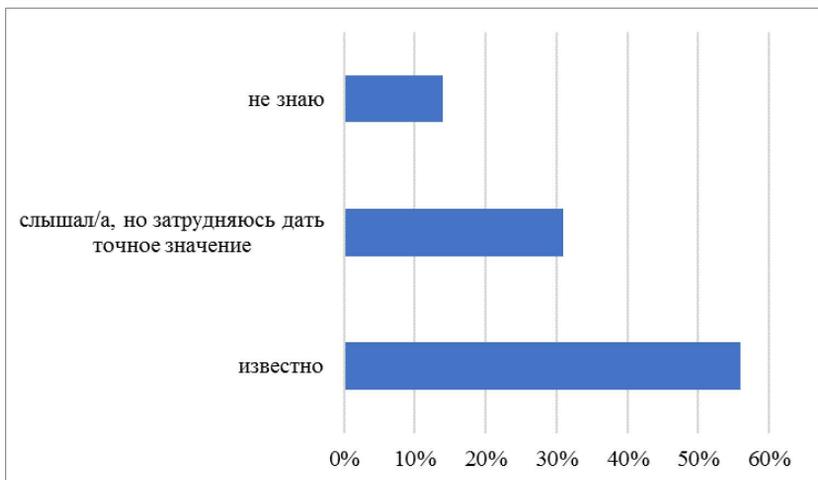

Рис. 7. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *фрирайдер* в процентном выражении

Соотнося слова *фрирайдер* с возможными тематическими сферами, 58.6% выбрали спортивную сферу, 13.8% – финансовую, 12.1% предположили, что это интернет-сфера, 6.9% отдали предпочтение политической сфере, 5.2 % выбрали учебную и развлекательную сферы. 1.7% участников, не выбрав ни одну из предложен-

ных сфер, добавили собственные варианты, указав на физическую, экономическую, литературную сферы употребления неологизма-заимствования. 3.4% ответили, что не знают, к какой тематической сфере может быть отнесено иностранное слово, а один из участников опроса указал, что заимствование описывает человеческие качества (Рис. 8).

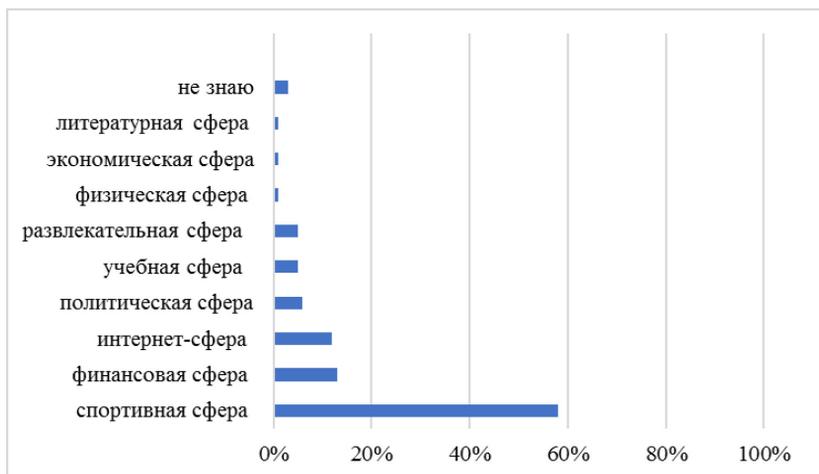

Рис. 8. Соотнесенность неологизма-заимствования *фрирайдер* с тематической сферой в процентном выражении

Рейв

54% участников опроса заявили, что иностранное слово им знакомо, 15.6% выбрали ответ слышал/ла, но затрудняюсь дать ответ, 29.7% значение слова было не известно, а 1.6% внесли свою личную формулировку, высказав предположение, что это что-то развлекательное (Рис. 9).

Рассуждая на тему, с какой сферой может быть сопоставимо иностранное слово *рейв* 71.9% участвующих в опросе предположили, что это развлекательная сфера, 7% обозначили финансовую и спортивную сферы, 5.3% соединили заимствование с физической областью, две группы (3.5%) связали слово с интернет-сферой и природной (Рис.10).

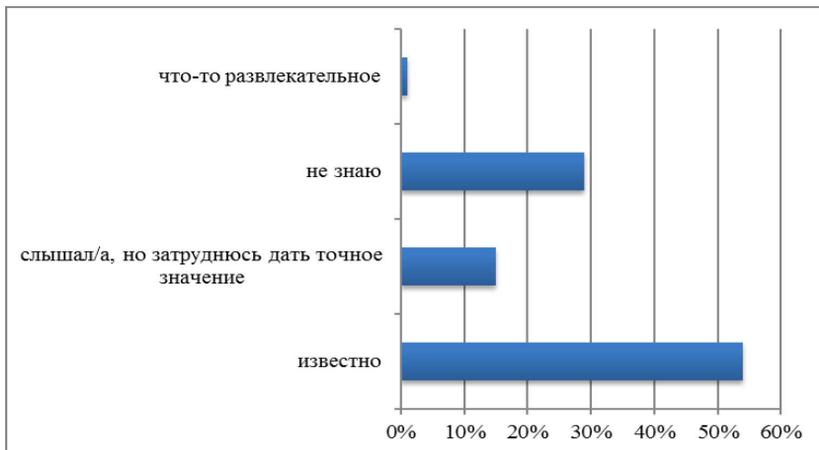

Рис. 9. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *рейв* в процентном выражении

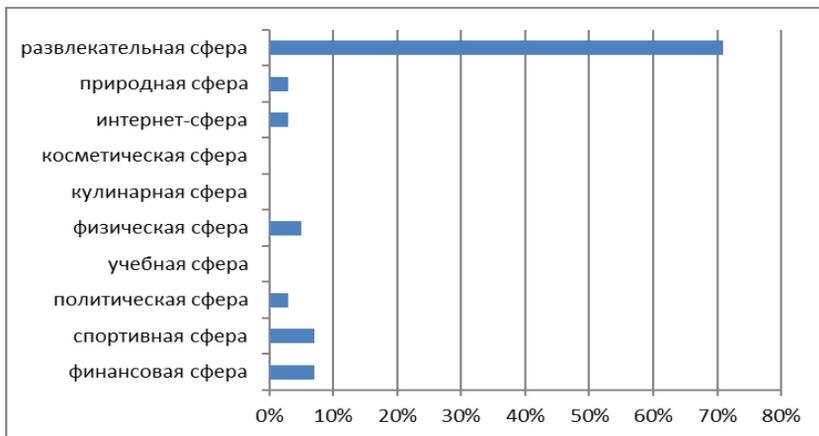

Рис. 10. Соотношенность неологизма-заимствования *рейв* с тематической сферой в процентном выражении

Кэшить

Участвуя в опросе, 60.9% экспертов ответили, что им известно значение слова; 25% слышали, но затруднились дать точное определение. Три группы участников опроса (1.6%) заявили, что не слышали это слово, но значение понимают, либо не слышали, но

думают, что понимают. Последняя группа (1.6%) предположила, что это «блюдо» (Рис. 11).

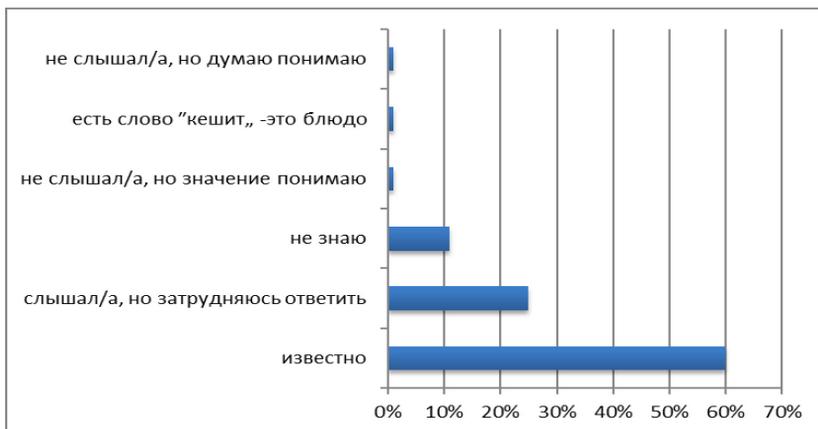

Рис. 11. Семантическая перцепция неологизма-займствования *кэшит* в процентном выражении

Обозначая тематическую принадлежность слова кэшит, 87.9% респондентов соотнесли его с финансовой сферой, 15.5% предположили, что это интернет-сфера, 1.7% участников сопоставили слово с кулинарной сферой (Рис. 12.)

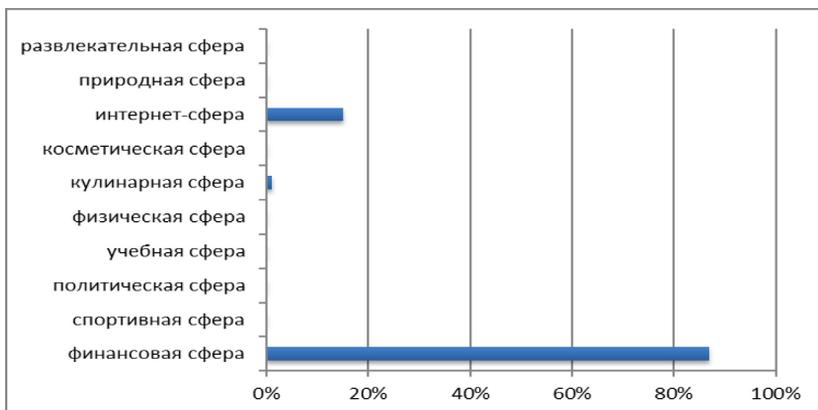

Рис. 12. Процентная соотнесенность неологизма-займствования *кэшит* с тематической сферой в процентном выражении

Денуклеаризация

В процессе опроса 41.3% анкетированных заверили, что им известно значение иностранного слова, 34.9% его не знали, 23.8% слышали, но затруднились дать точное значение (Рис. 13).

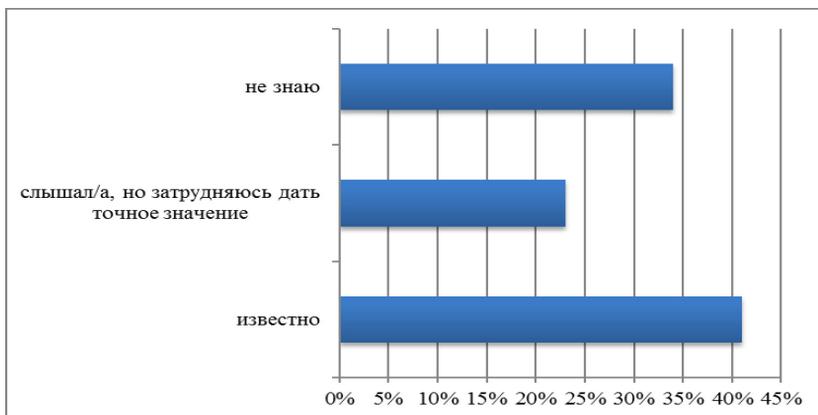

Рис. 13. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *денуклеаризация* в процентном выражении

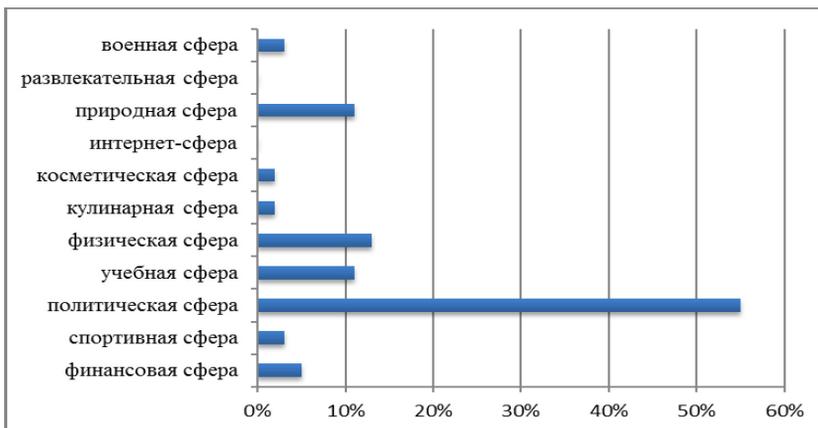

Рис. 14. Процентная соотношенность неологизма-заимствования *денуклеаризация* с тематической сферой в процентном выражении

На вопрос, к какой тематической сфере может быть отнесено слово *денуклеаризация*, 55.6% участников предположили, что это

политическая сфера, 13% привязали слово к физической сфере, две группы (11%) соединили слово с учебной и природной сферами, 5.6% посчитали, что это финансовая сфера, две группы (3.7%) решили, что заимствование может употребляться в спортивной и военной сферах, а еще две подгруппы (1.9%) соединили заимствование *денуклеаризация* с кулинарной и косметической сферами (Рис. 14).

Стрим

85,9% участвующих в опросе сообщили, что им известно значение неологизма *стрим*, 10,9 % заверили, что слышали это слово, но затрудняются дать точное значение, 3.1% указали, что это слово им не известно (Рис. 15).

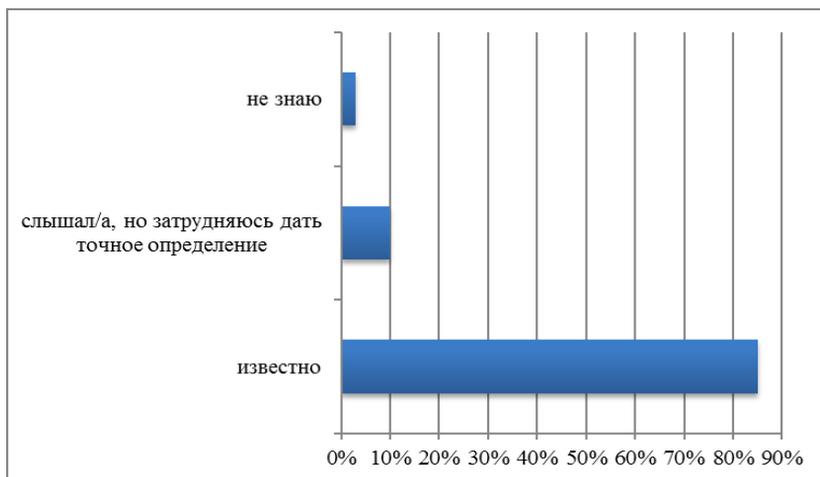

Рис. 15. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *стрим* в процентном выражении

Рассуждая на тему соотнесенности неологизма *стрим* с какой-либо тематической сферой, 79.7% участников предположили, что это интернет-сфера, 32.2% соотнесли неологизм с развлекательной сферой, 10.2% предположили, что слово может быть употреблено в политической сфере, две подгруппы (5.1%) отнесли слово к финансовой и природной сферам, три группы (3.4%) объединили неологизм-заимствование *стрим* со спортивной, учебной и физи-

ческой областями, 1,7% затруднились ответить на заданный вопрос (Рис. 16).

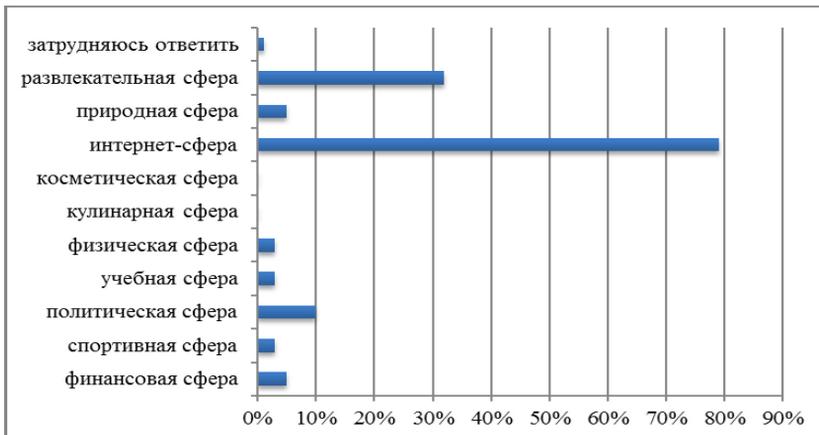

Рис. 16. Соотнесенность неологизма-заимствования *стрим* с тематической сферой в процентном выражении

Soft skills

57,8% участвующих в ходе опросе сообщили, что значение слова им известно, 25% слышали, но затруднились дать точное значение, 17,2% признались, что не знают, что означает это заимствование (Рис. 17).

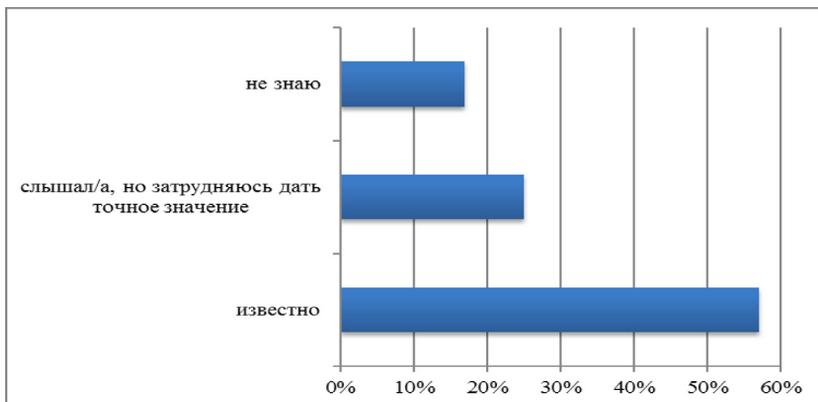

Рис. 17. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *soft skills* в процентном выражении

Соотнося неологизм *soft skills* с тематической сферой, 37.5% отождествили слово с учебной сферой, 26.8% сопоставили иностранное слово с психологической областью, 25% с интернет-сферой, пять подгрупп (3.6%) соотнесли неологизм с финансовой, спортивной, политической, природной, профессиональной сферами (Рис. 18).

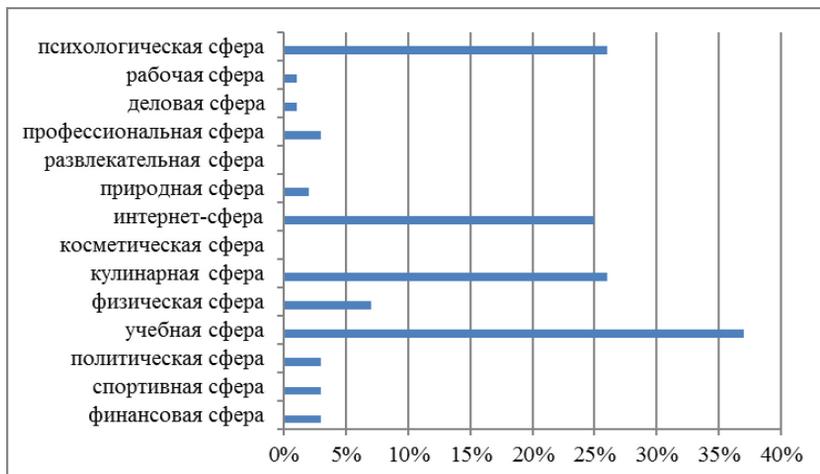

Рис. 18. Соотнесенность неологизма-заимствования *soft skills* с тематической сферой в процентном выражении

Hard skills

50.8% участников опроса ответили утвердительно на вопрос, известно ли им значение неологизма *hard skills*, 28.6% подчеркнули, что слышали слово, но затрудняются дать точное значение, 22.2% заявили, что значение им неизвестно (Рис. 19).

Выбирая тематическую сферу употребления неологизма *hard skills*, 46.4% участников обозначили учебную сферу, 26.8% выбрали интернет-сферу, 21.4% отдали предпочтение технологической области, 14.3% посчитали, что неологизм-заимствование может быть применен в физической сфере, 8.9% соотнесли неологизм со спортивной сферой, 5.4% соотнесли слово с финансовой областью, четыре группы (3.6%) провели параллель с политической, косметической, природной или развлекательной областями, другие четыре

подгруппы (1.8%) предположили, что это может быть деловая, профессиональная или умственная сферы (Рис. 20).

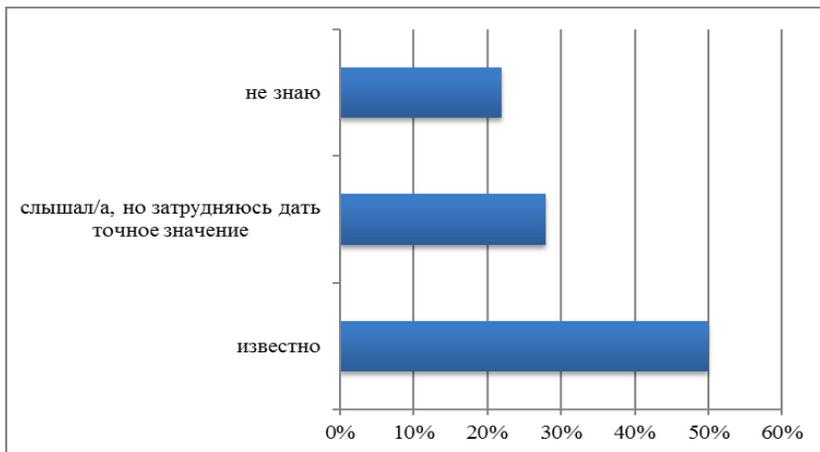

Рис. 19. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *hard skills* в процентном выражении

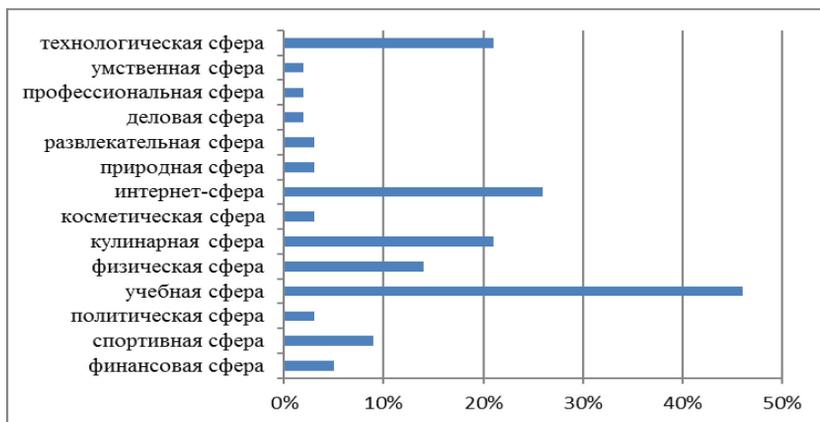

Рис. 20. Соотнесенность неологизма-заимствования *hard skills* с тематическими сферами в процентном выражении

Selfie

Предоставляя ответ на вопрос, известно ли значение неологизма *selfie*, 95.3% опрошенных реагировали положительно, 3.1% слы-

шали, но затруднились дать точное значение, 1.6% сообщили, что значение им не известно (Рис. 21).

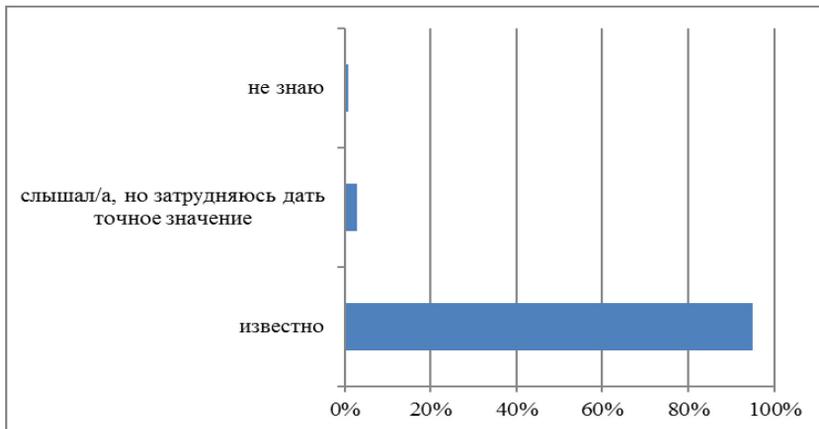

Рис. 21. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *selfie* в процентном выражении

Определяя тематические сферы, 75.8% участников отнесли неологизм *selfie* к развлекательной сфере, 37.1% участников посчитали, что это интернет-сфера, три группы экспертов (1.6%) выделили политическую, косметическую сферы, а также область создания фотографий (Рис. 22).

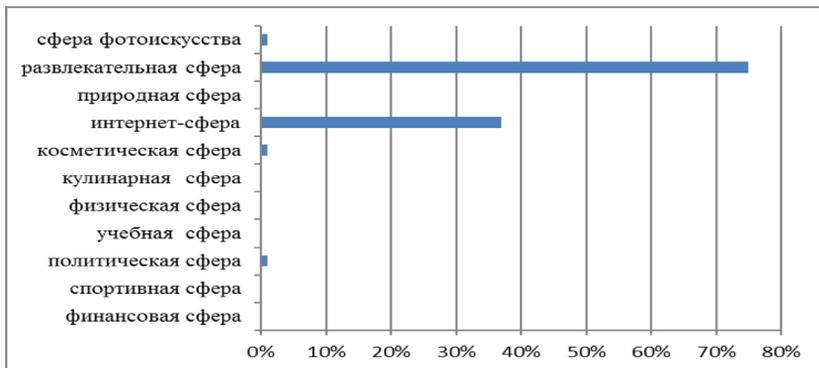

Рис. 22. Соотнесенность неологизма-заимствования *selfie* с тематическими сферами в процентном выражении

Пиар-ход

Значение неологизма *пиар-ход* было известно большей части участников (84.4%), остальная часть ответов распределилась следующим образом: слышал/а, но затрудняюсь дать точное значение; не знаю, думаю, что понимаю, о чем идет речь; не слышал/а, но думаю, что понимаю смысл (Рис. 23).

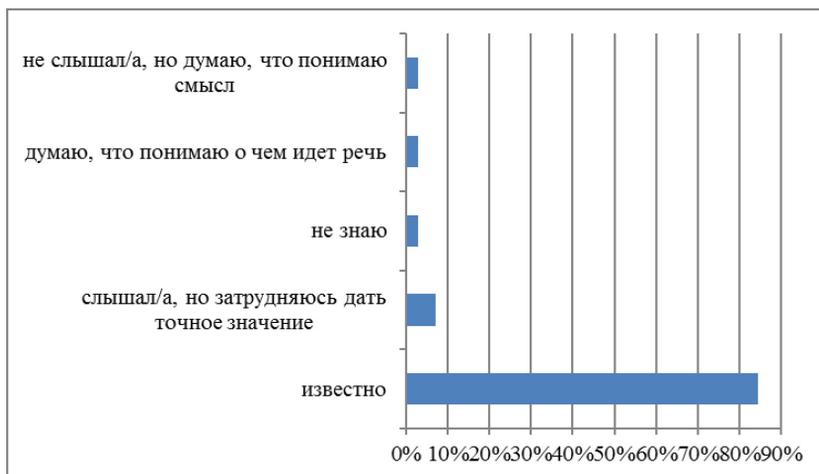

Рис. 23. Семантическая перцепция неологизма-заимствования *пиар-ход* в процентном выражении

Соотнося неологизм *пиар-ход* с тематическими сферами, 59.6% принимающих участие в опросе выбрали политическую сферу, 36.8% посчитали, что это интернет-сфера, 31.6% соотнесли неологизм с экономической сферой, 26.3% сопоставили иностранное слово со сферой развлечений. 8.8% отождествляли неологизм с учебной сферой, а 3.5% объединяли слово со спортивной областью. Пять подгрупп (1.8%) соотносили данный неологизм с физической, кулинарной, косметической, медиа- и социальной отраслями, 1.8% подтвердили, что не знают, к какой сфере может быть отнесено заимствование. Еще одна небольшая группа (1.8%) настаивала на том, что неологизм можно отнести к любой сфере, где необходимо внимание людей (Рис. 24).

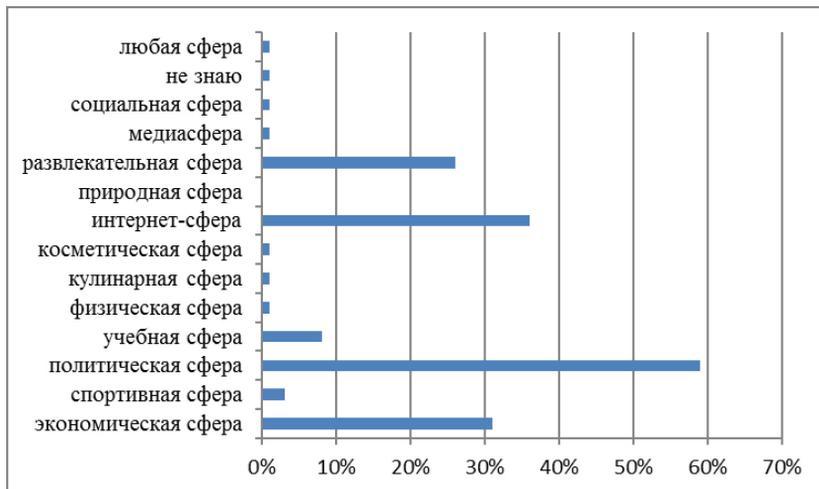

Рис. 24. Соотнесенность неологизма-заимствования *пиар-ход* с тематическими сферами в процентном выражении

Таким образом, использованные методы анкетирования и проведения интернет-опроса показали, что степень глубины понимания прочитанного и степень возможной переработки получаемой информации не всегда может быть высокой по причине того, что читающий порой не четко понимает значение иностранных слов, не может полномасштабно соотнести значение иностранного слова с тематической сферой.

Представляется, что дальнейшее всеобъемлющее исследование степени семантического восприятия неологизмов-заимствований, употребляемых в контекстах статей, публикуемых на страницах электронных газет, поможет привлечь внимание к необходимости соблюдения языковых канонов, способствующих лучшему пониманию текстов, минимизации возникновения ценностно-эстетических и когнитивных конфликтов, сохранению языкового и культурного кода этноса.

Предпочтительной для СМИ должна быть роль законодателя языковой моды, нацеленной на поддержание и сохранение языковой нормы, а также своеобразного учредителя языкового стиля.

Список литературы

1. Голованова Е.И. Проблемы литературной нормы и язык средств массовой коммуникации // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск: ЧГУ, 2010. Т. 2, № 6. С. 65-68.
2. Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1. С. 28-48.
3. Матвеева Н.В. Механизмы формирования содержания и смысла текста в процессе его восприятия: психолингвистический подход // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 82-92.
4. Солганик Г.Я. О языке газеты. М.: Изд-во МГУ, 1968. 48 с.
5. Казак М.Ю. Об основных тенденциях развития языка СМИ // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С. 249-253.
6. Шаззо А.А. Тенденция к демократизации языка в качественной прессе начала третьего тысячелетия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. № 2. Филология и искусствоведение. Майкоп: АГУ, 2012. С. 272-276.
7. Юрова Т.А. Лексические новообразования в СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12. Ч. 1. Тамбов: Грамота. С. 202-205.
8. Юрова Т.А. Субстанционный анализ появления лексических инноваций // Университетские чтения-2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 88-92.
9. Юрова Т.А. Лингвокультурная эволюция когнитивного сознания // Казанская наука. № 1. 2020. Казань: Изд-во Рашин Сайн, 2020. С. 94-97.
10. Kluckhohn F., Strodtbeck F. Variations in value orientation. N.Y.: Harper Collins, 1961, 437 p.

References

1. Golovanova E.I. Problemy literaturnoj normy i jazyk sredstv massovoj kommunikacii [Problems of the literary norm and the language of the mass media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic field of media education], 2010, vol. 2, no. 6. Chelyabinsk: ChGU, 2010, pp. 65-68.

2. Krysin L.P. Russkij literaturnyj jazyk na rubezhe vekov [Russian literary language at the turn of the century]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2000, no. 1, pp. 28-48.
3. Matveeva N.V. Mehanizmy formirovanija sodержanija i smysla teksta v processe ego vosprijatija: psiholingvističeskij podhod [Mechanisms for the formation of the content and meaning of the text in the process of its perception: a psycholinguistic approach]. *Vestnik VolGU [VolSU Bulletin]*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 82-92.
4. Solganik G.Ya. *O yazyke gazety* [On newspaper language and speech], Moscow: MGU Publ., 1968, 48 p.
5. Kazak M.Yu. Ob osnovnyh tendencijah razvitija jazyka SMI [On the main trends in the development of the media language]. *Zhurnalistika i mediaobrazovanie v XXI veke* [Journalism media education in the 21st century]. Belgorod: BelSU Publ., 2006, pp. 249-253.
6. Shazzo A.A. Tendencija k demokratizacii jazyka v kachestvennoj presse nachala tret'ego tysjacheletija [The trend towards the democratization of the language in the quality press of the beginning of the third millennium]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie* [Adyge State University Bulletin. Philology and art history]. Series 2, no. 2. Maykop: AGU Publ., 2012, pp. 272-276.
7. Yurova T.A. Leksicheskie novoobrazovanija v SMI [Novel words and word combinations in the media]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 12, part 1. Tambov: Gramota Publ., pp. 202-205.
8. Yurova T.A. Substancionnyj analiz pojavlenija leksičeskikh innovacij [Substantial analysis of the emergence of lexical innovations]. *Universitetskie čteniya-2019. Materialy nauchno-metodičeskikh čtenij PGU* [University reading-2019. Materials of scientific and methodical readings of PSU]. Pyatigorsk: PGU Publ., 2019, pp. 88-92.
9. Yurova T.A. Lingvokul'turnaja jevoljucija kognitivnogo soznanija [Linguistic and cultural evolution of cognitive consciousness]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2020, no. 1. Kazan': Rashin Sajn Publ., 2020, pp. 94-97.
10. Kluckhohn F., Strodtbeck F. Variations in value orientation. N.Y.: Harper Collins, 1961, 437 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Юрова Татьяна Александровна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

просп. Калинина, 9, г. Пятигорск 357532, Ставропольский край, Российская Федерация

Tatyana-Yurova@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Yurova, Associate Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph. D. in Philology
Pyatigorsk State University

9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Stavropol region, Russian Federation

Tatyana-Yurova@rambler.ru

Поступила 08.02.2022

После рецензирования 13.02.2022

Принята 12.03.2022

Received 08.02.2022

Revised 13.02.2022

Accepted 12.03.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-205-213

УДК 8.11.161.1'38

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЗВАНИЙ ВРЕМЕН ГОДА В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX–XXI ВВ.)

Ван Сяосюй

Цель. *Статья посвящена изучению функционирования названий времен года в русской поэзии XX–XXI вв. Актуальность данной работы обусловлена недостаточной разработанностью ряда вопросов, касающихся эстетического потенциала языковых единиц, в том числе темпоральных лексем, обозначающих времена года, а также необходимостью их описания как значимых элементов художественного текста. Целью исследования является анализ данных темпоральных слов в аспекте отражения эстетических категорий.*

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили тексты стихотворных произведений XX–XXI вв., собранные и систематизированные на основе выборки из Национального корпуса русского языка. При проведении исследования были использованы такие основные методы, как наблюдение, классификация, обобщение, описательно-аналитический, метод компонентного анализа.*

Результаты. *Анализ языкового материала показал, что названия времен года используются для отражения только двух эстетических категорий – прекрасного и возвышенного. При этом большинство примеров относится к описанию красоты пейзажа.*

Область применения результатов. *Полученные в ходе исследования выводы могут найти применение в преподавании вузовских курсов по лексикологии, лингвокультурологии и филологическому анализу поэтической речи.*

Ключевые слова: эстетический потенциал темпоральных лексем; эстетические категории; прекрасное; возвышенное; функционирование названий времен года; художественный текст; поэтические произведения

FUNCTIONING OF THE NAMES OF THE SEASONS IN THE ASPECT OF AESTHETIC CATEGORIES REFLECTION (BASED ON THE MATERIAL OF POETIC WORKS OF THE XX–XXI CENTURIES)

Wang Xiaoxu

Purpose. *The article is devoted to the study of the functioning of the names of the seasons in Russian poetry of the XX–XXI centuries. The relevance of this work is due to the insufficient elaboration of a number of issues concerning the aesthetic potential of linguistic units, including temporal lexemes denoting the seasons, as well as the need to describe them as significant elements of a literary text. The purpose of the study is to analyze the data of temporal words in the aspect of reflection of aesthetic categories.*

Materials and methods. *The research material was the texts of poetic works of the XX–XXI centuries, collected and systematized on the basis of a sample from the National Corpus of the Russian language. For the purposes of the study, such basic methods as observation, classification, generalization, descriptive-analytical, component analysis method were used.*

Results. *The analysis of the linguistic material showed that the names of the seasons are used to reflect only two aesthetic categories, i.e., the beautiful and the sublime. At the same time, most of the examples relate to the description of the beauty of the landscape.*

Practical implications. *The conclusions obtained in the course of the study can be used in teaching university courses on lexicology, linguoculturology and philological analysis of poetic speech.*

Keywords: *aesthetic potential of temporal lexemes; aesthetic categories; beautiful; sublime; functioning of the names of the seasons; artistic text; poetic works*

Введение

Изучение функционирования темпоральных лексем в художественных текстах привлекает внимание многих лингвистов. Среди исследований по данной проблеме немало работ, отражающих описание названий времен года. Некоторые авторы [3; 4; 10] изучают темпоральные лексемы в составе лексико-семантического поля. Согласно другой точке зрения [1; 9], названия времен года рассматриваются как компоненты тематической группы. Представлены также исследования, в которых данные слова описываются в качестве средств репрезентации концепта времени (например, [7]). Однако многие вопросы, касающиеся изучения употребления обозначений времен года в аспекте отражения эстетических категорий, остаются недостаточно разработанными, что обусловило актуальность нашего исследования.

Понятие эстетической категории как части философии является важнейшим понятием эстетики. По мнению О.А. Кривцуна, эстетические категории являются наиболее общими признаками, «с помощью которых описываются процессы художественного творчества, восприятия, строение и своеобразие произведений искусства, чувственно-выразительные качества природы, дизайна, спорта» [5, с. 15].

Что касается выделения категорий эстетики, то по этому вопросу до сих пор нет единого мнения. Вслед за В.В. Бычковым [2, с. 207], мы рассматриваем прекрасное, возвышенное, трагическое и комическое как модификации метакатегории эстетического. В основе прекрасного, как мы считаем, лежат наши представления о красоте, совершенстве, гармонии. Категория возвышенного отражает такие свойства природных явлений, как мощь, огромные масштабы, а также мощные внутренние силы и созидательные возможности человека. Переживание возвышенного связано с чувством восторга и прямым утверждением данного предмета или явления. Трагическое относится только к сфере искусства, и его сущность состоит в художественном освоении жизненных противоречий, коллизий. Наиболее полно категория трагического воплощается в трагедии

как жанре драматического искусства. Комическое выражает, как правило, противоречие (или несоответствие) формы явления его содержанию, что интерпретируется не декларативно, а в контексте игрового пространства, вызывая смеховую реакцию реципиента.

Результаты и обсуждение

Изучение поэтических произведений XX-XXI вв. показало, что обозначения времен года используются для отражения двух эстетических категорий – прекрасного и возвышенного. При описании красоты природы, пробудившейся к новой жизни, поэты нередко употребляют слова, обозначающие особые приметы определенного времени года. Большинство частей этих лексических единиц, характеризующих сияние солнца, появление зеленой листвы, цветов, синева небосвода, яркие краски цветущих растений, связано со зрительным каналом восприятия информации. В стихотворных текстах используются слова, называющие те реалии действительности, которые благодаря их объективным свойствам вызывают у человека переживание прекрасного. Этому также способствует мастерство авторов, описывающих картины природы в красочной, образной форме. Например: *...поздняя весна скользит украдкой / В прозрачном кружеве акаций и цветов.* (М. Волошин. «Плаванье»); *А девственно-бледные дикие розы, / А желтые шапочки нежной мимозы, / А тень кипарисов, их темные сны, – / Как сказочны лики испанской весны!* (К. Бальмонт. «Лиловые гроздья роскошных глициний...»); *Наконец пришел художник Лето, / Все вокруг раскрасил ярким цветом, / Чисто, чисто вымыл синий свод небес.* (М. Одинокова. «Лето»); *А за окном, забывенно блистая росой, / Лето цвело и сады опускались к реке.* (Б. Поплавский. «Розовый час проплывал над светящим миром...»); *Есть у осени моменты / Удивительной красы: / Разноцветие букетов, / Многоцветие листвы.* (Е. Казакова. «Есть у осени моменты...»); *И елочки зеленые / Теперь стоят белые. / Такие нарядные, / Как невесты зрелые.* (В. Бойко. «Зима»). Так, в произведении К. Бальмонта красоту сказочных ликов «испанской весны» передает, в частности, описание

цветов. Следует сказать, что обозначения растений нередко вызывают чувство прекрасного уже в силу определенных свойств самих денотатов, о чем свидетельствуют нередко и толкования их семантики. Эту мысль подтверждает, например, дефиниция лексемы *роза*, включающая слово *красивый*. В словаре данная лексема представлена как ‘кустарниковое растение ... с красивыми крупными душистыми цветками’ [6, с. 682].

Также используются слова, характеризующие пробуждение природы с помощью иных каналов восприятия действительности. В приводимых далее примерах представлены слова, передающие слуховые впечатления: *Весело чижик поет / В маленькой ивовой клетке. / Снова весна настает, / Бойко судачат соседки...* (В. Ходасевич. «Весна»); *И только стоит мне взглянуть в глаза твои – / Опять весна пришла и трелят соловьи. / Весна пришла!* (И. Северянин. «Ведь только ты одна»).

Выявлены фрагменты текстов, в которых функционируют лексические единицы, связанные со способностью человека воспринимать и различать запахи. К словам такого типа относятся использованные в приводимых далее примерах прилагательные *душистый*, *ароматный* и *благоуханный*: *Я вдыхаю во всю грудь / Ароматную весну.* (А. Волин. «Ароматная весна»); *Душистое лето наполнено счастьем до края, / И шествует чинно полями, на скрипке играя...* (Л. Киселева. «Душистое лето»); *Зима пришла благоуханная – / Сошлись декабрь, январь, февраль / И жаркость небывало пряная / С собой заполнила всю даль!* (Д. Кракенор. «К песне»).

К сфере отражения прекрасного можно отнести и сочетание лексемы *весна* с оценочными словами, которые содержат в своем значении семантический признак ‘красивый’: *красота* ‘все красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение’ [Там же, с. 304], *краса* (‘то же, что красота’ [Там же, с. 303]), *красавица* (‘девушка или женщина с красивой внешностью’ [Там же]), *прекрасный* (‘очень красивый’ [Там же, с. 583]), *красный* (народно-поэт., устар. ‘красивый, прекрасный’ [8, с. 1598]), *чудесный* (‘исполненный очарования, дивный, прекрасный’ [Там же, с.

1164]), *сказочный* ('прекрасный, необычайный и небывалый' [Там же, с. 720]) и др. Приведем текстовые примеры: *Нам мечталась та ночь / вся в огнях, / в чудесах, / вся одетая в русской зимы красоту...* (К. Симонов. «Новогодняя ночь в Токио»); *Закурит и по солнцу прочитает: / Опять пришла весна – земли краса.* (В. Луговской. «Обходчик»); *Весна красавица пришла издалека, / И мир пустой недвижно озирает.* (Б. Поплавский. «Холодное, румяное от сна...»); *Настанет прекрасная осень, / ливень прольется над нами.* (В. Сонора. «В этом мире слишком «много» миров...»); *Но недолго тут / Красоваться ей, / Близит к осени / Лето красное.* (С. Дрожжин. «Как прошла весна...»); *Гляди – чудесная весна / Уже согнала снег и стужу...* (А. Несмелов. «Давно ли?»); *Или... сказочное лето / Променять на год уюта / И за стоимость билета / Отказаться от маршрута.* (М. Тарловский. «В каждой, даже в самой скромной...»).

Отражению прекрасного способствует также употребление глагола соответствующего эмоционального переживания, например: *любить* ('испытывать любовь к кому-чему-н.' [6, с. 336]), *любоваться* ('рассматривать, наблюдать с удовольствием, с восхищением' [Там же]). *Настоящее время совсем нам не кажется жизнью: / в полусне мы любимся мраморным телом зимы.* (А. Присманова. «Настоящий воитель является пушечным мясом...»).

С описанием весны связано также отражение возвышенных явлений. С этой целью используются слова, которые могут указывать на значительную величину, огромные масштабы, величие или мощные внутренние силы явления: *вселенский* ('то же, что всемирный' [Там же, с. 104]), *царственный* ('величественный и горделивый, величавый' [Там же, с. 871]), *могучий* ('мощный, сильный' [Там же, с. 361]); *мощный* ('очень сильный, значительный, могучий' [Там же, с. 368]). Приведем фрагменты поэтических текстов: *Лишь в памяти зреет грядущее, / Столь бедно и глухо растущее, / И ты уничтожишь забвение / Дыханьем вселенской весны.* (С. Липкин. «Русская поэзия»); *Шла весна в могучей силе, / По ночам крошила снег.* (А. Твардовский. «От ночлега до ночлега...»); *...где засушливое царственное лето, / где владетельная мерзлая зима...* (Н. Гор-

баневская. «Пропоешь, и припев повторишь, и примолкнешь...»); *Теплое сердце брата укусили свинцовые осы, / Волжские нивы побиты желтым палящим дождем, / В нищей корзине жизни – яблоки и папиросы, / Трижды чудесна осень в белом величье своем.* (Н. Оцуп. «Теплое сердце брата укусили свинцовые осы...»). **Мощной зимы несравненные вихри, / Тромбы снегов над жилою калошей / Были, но скрылись, гремели, но стихли.** (В. Щировский. «Мощной зимы несравненные вихри...»).

Заключение

Анализ лексем с временным компонентом значения с точки зрения отражения эстетических категорий показал, что употребление названий времен года в поэтических произведениях связано с отражением двух категорий – прекрасного и возвышенного. Чаще всего эти слова участвуют в выражении явлений природы. При этом наибольшее количество контекстов относится к сфере функционирования лексемы *весна*. С целью выражения данного типа авторской эмоциональности используются лексические единицы, обозначающие те реалии действительности, которые благодаря их объективным свойствам связаны с переживанием прекрасного, а также оценочные слова *краса, чудесный, райский* и др.

Список литературы

1. Борисова Л.В. Концептосфера «Времена года» в традиционной русской лингвокультуре // Вестник ВГГУ, 2012. № 3-2. С. 6-12.
2. Бычков В.В. Эстетика: Учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
3. Закиров А.И. Атрибутивная характеристика лексем, обозначающих времена года в русских народных приметах // Филология и культура, 2011. № 1(23). С. 140-144.
4. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 21 с.
5. Кривцун О.А. Эстетика: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 549 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
7. Салашник Т.В. Национально-культурная специфика концептов времен года в ассоциациях носителей русского и английского языков // Наука. Инновации. Технологии, 2007. № 52. С. 118-122.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1950-1965.
9. У Вэй. Зима и лето как фрагменты русской языковой картины мира (на фоне китайского языка) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. № 160. С. 107-112.
10. Ульянова Т.Б. Опыт сопоставления темпоральной лексики в чувашском, татарском и русском языках // Вестник Чувашского университета, 2007. № 3. С. 223-226.

References

1. Borisova L.V. Konceptosfera «Vremena goda» v tradicionnoi russkoi lingvokulture [Conceptual framework *Four Seasons* in traditional Russian linguoculture]. *Vestnik VGGU* [VSHU Bulletin], 2012, no. 3-2, pp. 6-12.
2. Bychkov V.V. *Estetika: Uchebnik* [Aesthetics: Textbook]. Moscow: Gardariki Publ., 2004, 556 p.
3. Zakirov A.I. Atributivnaia harakteristika leksem oboznachayushih vremena goda v russkikh narodnyh primetah [Attributive characteristics of lexemes denoting the seasons in Russian folk sayings]. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], 2011, no. 1(23), pp. 140-144.
4. Kochnova K.A. *Leksiko-semanticheskoe pole «Prirodnoe vremja» v jazykovej kartine mira A.P. Chehova* [Lexico-semantic field *Nature time* in A.P. Chekhov's language picture of the world]. Abstract of PhD dissertation. Nizni Novgorod, 2005, 21 p.
5. Krivcun O.A. *Eistetika* [Aesthetics]. Moscow: Yurait Publ., 2014, 549 p.
6. Ozegev S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyii slovari russkogo iazyka 8000 slov i frazeologicheskikh vyrazeni* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: ООО «А ТЕМП», 2007, 944 p.

7. Salashnik T.V. Nacionalino kuliturnaia specifika konceptov vremen goda v asociaciiiah nositelei russkogo i angliskogo iazykov [National and cultural specifics of the concepts of the seasons in the associations of Russian and English speakers]. *Nauka. Innovacii. Tehnologii* [Sciences. Innovations. Technologies], 2007, no. 52, pp. 118-122.
8. *Slovari sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1950-1965.
9. U Vei. Zima i leto kak fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (na fone kitaiskogo iazyka) [Winter and summer as fragments of the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language)]. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena* [RSPU Bulletin], 2013, no. 160, pp. 107-112.
10. Uliianova T.B. Opyt sopostavleniia temporalnoi leksiki v chuvashskom, tatarskom i russkom iazykah [Experience of comparing temporal vocabulary in the Chuvash, Tatar and Russian Languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Chuvash University Bulletin], 2007, no. 3, pp. 223-226.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ван Сяосюй, кандидат филологических наук, ассистент института иностранных языков
Вэйнаньский педагогический университет
ул. Чаоян, г. Вэйнань, Провинция Шэньси, 714099, Китай
382814943@qq.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Wang Xiaoxu, Assistant of the Institute of Foreign Languages, Ph.D. in Philological Science
Weinan Normal University
Chaoyang Str., Weinan, Shaanxi Province, 714099, China
382814943@qq.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8595-7236>

Поступила 08.02.2022

После рецензирования 18.02.2022

Принята 27.02.2022

Received 08.02.2022

Revised 18.02.2022

Accepted 27.02.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-214-227

УДК 811.111

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ФОНДА АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Ю.А. Хуснуллина

Цель. Настоящее лингвистическое исследование посвящено анализу динамики развития лексической системы английского языка, при этом особое внимание уделяется английским неологизмам последнего десятилетия. Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением к изучению английской неолексикой как показателя тенденции развития лексической системы в целом.

Методы исследования. В качестве методов исследования использованы методы статистического, словообразовательного, контекстуального, семантического, структурного, компонентного и дефиниционного анализа.

Материалом исследования послужили современные лексикографические онлайн-издания с регулярно обновляемыми корпусами, онлайн-версии периодических изданий, данные лингвистического портала и Американского диалектного общества.

Результаты исследования. Изучение развития лексической системы в диахроническом аспекте позволяет описать современные тенденции развития фонда английских неологизмов. Автор приходит к выводу, что динамика развития фонда английских неологизмов инфокоммуникационных технологий является положительной и стремительной. В результате доказано, что компьютерные технологии и информационно-коммуникационные средства выступают в качестве формообразующего и смыслообразующего принципа в процессе словообразования. Экстралингвистические факторы активно стимулируют процесс неологизации с целью удовлетворения возникающей потребности в лексикализации новых понятий, объектов и явлений действительности.

Область применения результатов. *Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных данных в лекционных курсах и при написании учебных пособий по лексикологии, межкультурной коммуникации и в спецкурсах по неологии.*

Ключевые слова: *неология; неологизация; неологизм; неолексика; неологизированная лексика; лексическая система; информационно-коммуникационное пространство*

DYNAMICS OF ENGLISH NEOLOGISMS DEVELOPMENT

Y.A. Husnullina

Purpose. *The study focuses on the analysis of English lexical system development, while paying special attention to English neologisms of the last decade. The relevance of this study is due to the appeal to the study of English vocabulary as an indicator of modern development trends of the lexical system as a whole.*

Methods. *In the course of the research, methods of statistical, word-formation, contextual, semantic, structural, component and definitional analysis were applied.*

The material of the study. *The data of modern lexicographic online dictionaries with regularly updated corpora, online versions of periodicals, the linguistic portal and the American Dialect Society were used.*

Results. *The article examines the development of lexical system in the diachronic aspect, along with the description of modern trends in the development of English neolexics. The author comes to the conclusion that the dynamics of English ICT neologisms development is positive and expeditious. As a result, it is proved that computer technologies and information and communication medium act as a form- and meaning-forming principle in the word-formation process. These extralinguistic factors actively stimulate the process of neologization in order to meet the emerging need for lexicalization of new concepts, objects and phenomena of reality.*

***Practical implications.** The practical significance of the research results lies in the possibility of using the obtained data in a lecture course and when compiling textbooks on lexicology, intercultural communication and in special courses on neology.*

***Keywords:** neology; neologization; neologism; neolexics; neologized lexics; lexical system; information and communication medium*

Современные языки находятся в постоянном противостоянии старого и нового, тенденции развития и пополнения новыми словами и сохранении уже имеющегося словарного состава. «Каждое употребление слова, в том числе и слова производного, вызывается необходимостью объективировать, выявить, реализовать его значения как ту часть сведений о мире или информации о нем, которая была получена человеком в процессе его познавательной и общественной деятельности и которая соотнесена в языке с данным словесным знаком» [1, с. 6]. Главная функция языка – обеспечение коммуникативной пригодности и появление неологизмов обусловлено не только потребностями общества, но и внутриязыковыми процессами. «Неология является необходимой в специальных областях, где постоянное появление новых понятий требует непрерывного создания новых лексических единиц. В терминологии особо выделяют два типа неологических ситуаций: первый тип, когда два или несколько обозначений соответствуют одному понятию, когда данное явление затрудняет общение; второй тип, когда специальный язык не обладает необходимым обозначением, чтобы выразить то или иное понятие. В первом случае, для обеспечения общения необходимо упростить различные формы и сократить их до одной; во втором случае следует создать новую форму для выражения нового понятия» [2, с. 3-4].

В настоящее время область информационных технологий стремительно развивается, образуются лексические лакуны и зачастую неологизмы сохраняют свою новизну весьма непродолжительный период времени. По мере активного употребления новых лексических единиц в информационно-коммуникационном пространстве, неологизм переходит в разряд общеупотребительных слов.

С наступлением XXI в. многие европейские языки значительно обновили свой словарный состав. Английский язык стремительно расширялся и, выступая донором, во многом способствовал всемирному языковому развитию. Согласно данным, опубликованным лингвистическим порталом The Global Language Monitor (GLM), к концу 2020 г. общее число слов английского языка составило приблизительно 1500000 единиц [15]. В корпус включены лексические единицы, зарегистрированные в общепринятых словарях (Oxford English Dictionary, Merriam-Webster's, Collins English Dictionary и др.). Поскольку не существует единой системы подсчета общего количества слов в языке, как правило, полагаются на данные, предоставленные GLM. Американская компания отслеживает тенденции использования языков во всем мире, уделяя особое внимание языку англоязычного населения, которое, по данным портала, составляет более 1,58 млрд. человек. Помимо этого, лингвистический портал ведет фиксацию новых слов и составляет ежегодный рейтинг наиболее популярных языковых единиц. Анализ англоязычного информационного пространства осуществляется при помощи специально разработанного алгоритма GLM Predictive Quantities Indicator (PQI). Портал GLM отслеживает функционирование англоязычной лексики интернет-сообществ и средств массовой информации, а по итогам года публикует перечень наиболее популярных слов в мире. Лексикографы констатируют, что в среднем каждые 98 минут в английском языке появляется новое слово.

Данное лингвистическое исследование направлено на изучение англоязычных неологизмов информационно-коммуникационного пространства, образованных с 2010 г. по текущий момент 2021 г. Предлагаем обратить внимание на наиболее популярные из них, согласно перечню, составленному различными ведущими организациями. По данным Американского общества Диалекта (ADS < American Dialect Society), словами года, имеющими отношение к информационным технологиям, стали: *tweet*, *to google*, *Web 2.0* (3.0 и т.д.) (2009); *app* (< *application*), *-pad* (*iPad*, *ViewPad*, *WindPad*), *hacktivism*, *3G/4G/5G* (2010); *FOMO*, *tablet*, *cloud*, *Big*

Data (2011); *#hashtag*, *hate-watching*, *HD*, *MOOC*, *phablet*, *Windows Metro*, *SoLoMo* (2012); *selfie*, *bitcoin*, *robo sapiens*, *doge*, *glasshole* (в отношении Google Glass) (2013); *selfie stick* (2015); *fam*, *tweetstorm* (2016); *shitpost*, *blockchain*, *digital blackface*, *emergency podcast*, *get the zucc*, *initial coin offering*, *ratio* (в отношении Twitter), *rogue*, *Internet freedom* (2017); *techlash*, *deepfake*, *finsta* (2018); *doomscrolling*, *fancam*, *TikToked*, *be muted* (в отношении проводимых онлайн мероприятий), *zoomer* и его дериваты (2020). Примечательно, что начиная с 1990-х г. словами года выступали термины компьютерных технологий: *in-formation superhighway* (1993), *cyber* (1994), *web* (1995), *millennium bug* (1997), *e-* ('*e-mail*' или '*e-commerce*', 1998), *Y2K* (1999). Последнему термину соответствуют *The Year 2000 problem*, *the Y2K problem*, *Millennium bug*, *Y2K bug*, *Y2K glitch*, *Y2K error*, обозначающие потенциальные компьютерные ошибки, связанные с форматированием и хранением данных календаря для дат в 2000 г. и позже. Словами десятилетия стали: *web* (1990-х), *to google* (2000-х), *emoji*, *meme*, *selfie* (2010-х) [3].

Согласно данным словаря английского языка Collins English Dictionary, словами года являются: *bitcoin*, *phablet*, *geek* (2013); *photobomb*, *tinder* (2014); *swipe*, *contactless* (2015); *sharenting*, *uberization*, *JOMO* (2016); *Insta* (2017); *deepfake*, *influencer* (2019); *TikToker*, *mukbang* (2020) [4]. По данным Oxford English Dictionary, в ежегодный рейтинг популярных слов входят: *unfriend* (2009), *GIF* (2012), *selfie* (2013), разновидности идеограмм и смайлов (*Face With Tears of Joy*, *Unicode: U+1F602, part of emoji*, 2015) [11].

Лексикограф Г. Барретт, специализирующийся на сленге и новых словах, соведущий общественной радиопрограммы «Путь со словами» на KERA-FM, регулярно публиковал список слов года в New York Times и Dallas Morning News: *sofalize* (2010); *cloud music* (2011); *MOOC* (2012); *bitcoin*, *#nofilter*, *ITAP* (<*I took a picture*), *selfie* (2013) [5, 6, 7, 8]; *anonymish*, *emoji*, *satellite handshake*, *selfie stick*, *эмотикон smugshrug*, *V to V* (=V2V, *vehicle to vehicle*), *web rooming* (2014) [9]. Принимая во внимание вышеизложенные рейтинги наиболее популярных слов информационно-коммуникационного про-

странства, мы пришли к следующим заключениям. За короткий период времени неологизмы упомянутого макрополя становятся наиболее общеупотребительными и длительно удерживают лидирующие позиции функционирования в коммуникативном пространстве. Помимо этого, английские неологизмы становятся заимствованиями (неолексемами) в других современных языках. Английский язык является международным языком общения, в особенности языком компьютерно-опосредованной коммуникационной среды, и становится языком-донором, при этом для обогащения словарного состава использует собственные словообразовательные механизмы и семантические ресурсы (хотя данные ресурсы могли быть ранее заимствованы). Какими бы ни были причины языковых изменений (внутрилингвистические, социальные, культурные, политические, экономические, научно-технологические и т.п.), в первую очередь реагирует неологизированная лексика. Данное обстоятельство обуславливает актуальность и необходимость проведения лингвистических исследований на предмет изучения неологизированных единиц как показателя динамики развития лексического фонда в целом.

Английские неологизмы являются индикатором изменений в языковой среде и отражением экономической, социальной, политической и духовной стороны состояния развития общества. Будучи международным, английский язык крайне подвержен влиянию экстралингвистических факторов, и именно он в первую очередь реагирует на мировые изменения. Начиная с 2020 г. английскому языку в большей степени, чем другим современным языкам, пришлось быстро и неоднократно адаптироваться под новую скоро меняющуюся действительность. Чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения обусловила феноменальную широту языковых изменений. По сравнению с предыдущими годами, оксфордский корпус мониторинга английского языка показывает огромный прирост неолексики. Ежедневное обновление новостного контента приводит к тому, что лексикографы трудятся над изучением и описанием сотни важных новых слов и употреблений. В любое другое время лишь десяток рейтинговых слов мог соста-

вить перечень слов года. Данная чрезвычайная ситуация является исключительной в рамках нашего собственного жизненного опыта, однако в истории подобные мировые потрясения происходили неоднократно. Английский язык изобилует словами и выражениями из предыдущих эпидемий, пандемий и массовых социальных волнений. Лексико-семантическая система стремится удовлетворить извечную потребность человечества описывать переменчивую действительность.

Современные языки достаточно быстро накопили новый коллективный словарь, касающийся понятия коронавирусной инфекции и сопутствующей обновленной лексики, во многих случаях став основной частью активно функционирующего словарного состава языка. Буквально в режиме реального времени лексикографы смогли отслеживать и анализировать сейсмические сдвиги в языковых данных и резкое повышение частоты неологизмов. За короткий промежуток времени специальная эпидемиологическая и медицинская лексика наряду с компьютерной терминологией вошла в повседневный дискурс. Инициативы в области общественного здравоохранения быстро внедрились новые регламенты жизнедеятельности, радикально изменив социальное поведение каждого индивида. Ранее узкоспециализированные компьютерные термины проникли в общеупотребительный пласт лексики и незамедлительно претерпели воздействие неологизации. Это объясняется быстрым освоением новых технологий и моделей поведения для осуществления и поддержания удаленной деятельности и времяпрепровождения.

Реалии новой нормы существования общества обусловлены культурными и социальными изменениями. Так, неологизм *doomscrolling* характеризует новый вид деятельности, который охватил мировое сообщество – пролистывание контента социальных сетей и новостных лент СМИ с целью выборки удручающей и настораживающей информации. *“Gleefreshing has no real chance of edging out doomscrolling as the definitive experience of 2020. We will no doubt continue to doomscroll into 2021, whereas who can even say when our next opportunity to gleefresh will be? All the more reason*

*to indulge. 'Tis better to have gleefreshed and lost than never to have gleefreshed at all' [14]. Антонимом к слову *doomscrolling* выступит неологизм *gleefreshing*, который образовался для обозначения деятельности по отбору позитивной составляющей новостного контента социальных сетей.*

Большую значимость в социуме приобрело понятие *in-person* как противоположность всему тому, что люди вынуждены совершать удаленно или дистанционно (*remotely, distantly, online*). Слова *remote* и *remotely* отличаются коммуникативной востребованностью. Наблюдается явление семантической инновации – закрепленное новое семантическое значение позволяет применять слова по отношению к работе, осуществляемой из дома и без очного присутствия на рабочем месте (в офисе). Сравним наиболее устойчивые словосочетания со словом *remote* до наступления 2020 г. (*remote+village, island, location, control, monitoring*) и после 2020 г. (*remote+learning, working, workforce, instruction, monitoring*). Примечательно, ранее слово *remote*, как правило, применялось в семантической и синтаксической целостности в отношении географически удаленной местности, где условия располагают к уединению и одиночеству. В новой реалии значение получило более абстрактную образность. Заметим, что последняя коллокация из вышеприведенного списка сохранила свою форму и семантическое значение, поскольку во всех отношениях соответствует современной действительности. По данным отчета, представленного лексикографами *Oxfords Languages*, использование слов *remote* и *remotely* резко возросло в марте 2020 г., при этом активность применения слова *remotely* увеличилась более чем на 300% по сравнению с прошлым годом [12, с. 21].

Словосочетание *social distancing* в общем смысле социальной удалённости относится к середине XX в., но к началу XXI в. в результате сложившейся угрозы жизни и здоровью человечества обновилось и конкретизировалось значение «сохранение физической дистанции с целью уменьшения распространения инфекции». Политика дистанцирования подразумевает сокращение социальных

контактов, вследствие чего коммуникативное поведение снижается. В другую историческую эпоху данные обстоятельства привели бы к языковой стагнации. Однако в век информационных технологий наблюдается прямо противоположная ситуация. Ощущение социальной близости обеспечили новые компьютерные технологии, снабдив общество различными средствами связи, начиная от мобильной телефонии и заканчивая новейшими средствами ведения виртуальной коммуникации. В сфере образования многих стран обнаружилась нехватка технологических средств для повсеместного введения дистанционного обучения. Термин *e-learning* применительно к новой форме получения образования стал широко использоваться, в том числе в странах Африки и Азии [Там же, с. 19].

Смешанные формы обучения и гибкий график удаленной деятельности стали возможны благодаря достижениям в области коммуникационных технологий и большой пропускной способности интернет-соединений. Футурологи предполагали, что в ближайшие 5-10 лет общество плавно перейдет на новый формат ведения жизнедеятельности, однако пандемия Covid-19 осуществила резкий переход за считанные недели. Во многих ситуациях как само общество, так и компьютерные технологии оказались не готовыми к столь кардинальным переменам. Возникли различного рода технические трудности. Напр., употребление слова *unmute*, которое было относительно редким до марта 2020 г., увеличилось на 500%; также увеличилась частотность употребления аналогичного словосочетания *on mute* [Там же, с. 22]. Разумеется, пользователи инфокоммуникационных технологий сталкиваются и с более серьезными трудностями. Проникновение компьютерных технологий в общественные сферы вызывает значительный рост разного рода киберугроз (*cyber threat*). Одним из новых явлений в виртуальном пространстве стал *Zoombombing*. Неологизм образован по аналогии с ему подобным и ранее известным *photobombing*. *Photobombing cats and camera cockups: how lockdowns transformed my fitness routine* [10]. Первый компонент *zoom* (Zoom – онлайн-платформа для проведения видеоконференций) является определяющим второго ком-

понента *bombing* («обстрел»). Зумбомбинг представляет собой практику несанкционированного проникновения в видеоконференции и размещения агрессивного или оскорбительного контента с целью нарушить работу онлайн-платформы. “*The video messaging service has boomed since the coronavirus outbreak but users have fallen victim to a particular type of attack called Zoombombing. Zoom has some important work to do in core application security, cryptographic design and infrastructure security. Zoom is being scrutinised by cyber security experts around the world*” [13]. Вынужденное приостановление трансляции стало серьезной проблемой, решение которой лежит в усилении кибербезопасности. Морфема *zoom* пополнила ряды мотивирующих основ современного английского языка (*zoomer, oysgezoomt, Zoom fatigue, zumping* < *Zoom+dumping, Zoombombing, Zoom tom, Zoom party, Zoom school, Zoom town, etc.*). Устойчивые словосочетания, включающие компонент *zoom*, отличаются положительной коннотацией, что объясняется позитивными эмоциями и мироощущением в процессе и по итогам использования новой технологии, обеспечивающей виртуальную коммуникацию. Неологизмы *Zoom-ready, Zoom-friendly* применяются для описания соответствующего ситуации внешнего вида коммуниканта – прически, макияжа, одежды, аксессуаров. Сравним характер семантических изменений в устойчивых словосочетаниях. До 2020 г. компонент *zoom* участвовал в формировании терминосокращений – *zoom+10x, 5x, optical, click, lens*. С наступлением 2020 г. компьютерный термин расширил область своего применения и приобрел новые формы и значения, применяемые ординарными пользователями разных возрастных категорий и профессиональных отраслей – *zoom+via, meetings, conferencing, optical, Skype*. Таким образом, проявляется когнитивный аспект неологизации.

Из вышеизложенного следует, что динамика развития фонда английских неологизмов инфокоммуникационных технологий является положительной, а в последние годы – стремительной. Компьютерные технологии и информационно-коммуникационное пространство выступают формо- и смыслообразующим началом в словообразователь-

ном процессе. Если ранее постоянно развивающиеся компьютерные технологии опережали уровень восприятия общественности, то в настоящий момент можно наблюдать, как основные сферы общественной жизни потрясены эпидемиологической обстановкой, а компьютерные технологии в отдельных отраслях «отстают» от возросших нужд и потребностей социума (*cyber security, biometric technology*). Представляется возможным предположить, что сложившаяся ситуация продолжит активно стимулировать процесс неологизации в целях удовлетворения возникающей потребности в лексикализации новых понятий, объектов и явлений действительности.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Изд-во Наука, 1981. 200 с.
2. Скуратов И.В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 37 с.
3. American Dialect Society URL: <https://www.americandialect.org/> (дата обращения: 29.01.2022).
4. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 29.01.2022).
5. Barrette G., Sifton S. The Words of the Year // The New York Times, Dec 18, 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/12/19/weekinreview/19sifton.html> (дата обращения: 29.01.2022).
6. Barrette G. Which Words Will Live On? // The New York Times, Dec 31, 2011. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/01/opinion/sunday/the-words-that-defined-2011.html> (дата обращения: 29.01.2022).
7. Barrette G. Words of 2012 // The New York Times, Dec 22, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/12/23/opinion/sunday/the-words-and-expressions-of-2012.html> (дата обращения: 29.01.2022).
8. Barrette G. A Wordnado of Words in 2013 // The New York Times, Dec 31, 2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/22/opinion/sunday/a-wordnado-of-words-in-2013.html> (дата обращения: 29.01.2022).

9. Barrette G. Top buzzwords and phrases of 2014 // Dallas Morning News, Dec 19, 2014. URL: <https://www.dallasnews.com/opinion/commentary/2014/12/20/grant-barrett-top-buzzwords-and-phrases-of-2014/> (дата обращения: 29.01.2022).
10. Cartner-Morley J. Photobombing cats and camera cockups: how lockdowns transformed my fitness routine // The Guardian, 8 Dec 2020. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/dec/08/photobombing-cats-and-camera-cockups-how-lockdowns-transformed-my-fitness-routine> (дата обращения: 29.01.2022).
11. Oxford Dictionary Online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 29.01.2022).
12. Oxford Languages. Words of an unprecedented year. 2020, 36 p. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (дата обращения: 29.01.2022).
13. Parsons J. Zoom adds features to try and stop trolls zoombombing meetings // Metro, 9 Apr 2020. URL: <https://metro.co.uk/2020/04/09/zoom-adds-features-try-stop-trolls-zoombombing-meetings-12532270/> (дата обращения: 29.01.2022).
14. Schwedel H. We're No Longer Doomscrolling. Now We're Gleefreshing. Slate, 6 Nov 2020. URL: <https://slate.com/human-interest/2020/11/doomscrolling-opposite-term-biden-win.html> (дата обращения: 29.01.2022).
15. The Global Language Monitor. URL: <https://languagemonitor.com/> (дата обращения: 29.01.2022).

References

1. Kubryakova E.S. *Tipy yazykovyh znachenij. Semantika proizvodnogo slova* [Types of language values. Semantics of a derived word]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 200 p.
2. Skuratov I.V. *Tipologicheskaya harakteristika neologizmov v sovremenном razgovornom i delovom francuzskom yazyke: lingvisticheskij i sociolingvisticheskij aspekt* [Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2006, 37 p.

3. American Dialect Society. URL: <https://www.americandialect.org/> (accessed January 29, 2022).
4. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed January 29, 2022).
5. Barrette G., Sifton S. The Words of the Year. *The New York Times*, Dec 18, 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/12/19/weekinreview/19sifton.html> (accessed January 29, 2022).
6. Barrette G. Which Words Will Live On? *The New York Times*, Dec 31, 2011. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/01/opinion/sunday/the-words-that-defined-2011.html> (accessed January 29, 2022).
7. Barrette G. Words of 2012. *The New York Times*, Dec 22, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/12/23/opinion/sunday/the-words-and-expressions-of-2012.html> (accessed January 29, 2022).
8. Barrette G. A Wordnado of Words in 2013. *The New York Times*, Dec 31, 2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/22/opinion/sunday/a-wordnado-of-words-in-2013.html> (accessed January 29, 2022).
9. Barrette G. Top buzzwords and phrases of 2014. *Dallas Morning News*, Dec 19, 2014. URL: <https://www.dallasnews.com/opinion/commentary/2014/12/20/grant-barrett-top-buzzwords-and-phrases-of-2014/> (accessed January 29, 2022).
10. Cartner-Morley J. Photobombing cats and camera cockups: how lockdowns transformed my fitness routine. *The Guardian*, 8 Dec 2020. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/dec/08/photobombing-cats-and-camera-cockups-how-lockdowns-transformed-my-fitness-routine> (accessed January 29, 2022).
11. Oxford Dictionary Online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed January 29, 2022).
12. Oxford Languages. Words of an unprecedented year. 2020, 36 p. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (accessed January 29, 2022).
13. Parsons J. Zoom adds features to try and stop trolls zoombombing meetings. *Metro*, 9 Apr 2020. URL: <https://metro.co.uk/2020/04/09/zoom-adds-features-try-stop-trolls-zoombombing-meetings-12532270/> (accessed January 29, 2022).

14. Schwedel H. We're No Longer Doomscrolling. Now We're Gleefreshing. *Slate*, 6 Nov 2020. URL: <https://slate.com/human-interest/2020/11/doomscrolling-opposite-term-biden-win.html> (accessed January 29, 2022).
15. The Global Language Monitor. URL: <https://languagemonitor.com/> (accessed January 29, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хуснуллина Юлия Арсеновна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры иностранных языков
*Федеральное Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Поволжский государ-
ственный университет телекоммуникаций и информатики»
ул. Льва Толстого, 23, г. Самара, Самарская область, 443010,
Российская Федерация
y.husnullina@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yuliya A. Husnullina, Cand. in Linguistics, Associate Professor, De-
partment of Foreign Languages
*Povolzhskiy State University of Telecommunications and Infor-
matics
23, L. Tolstoy Str., Samara, Samara Region, 443010, Russian Fe-
deration
y.husnullina@mail.ru
SPIN-code: 1101-0020
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6372-4645>*

Поступила 08.02.2022

После рецензирования 13.02.2022

Принята 23.02.2022

Received 08.02.2022

Revised 13.02.2022

Accepted 23.02.2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- ПРЕДИКТОРЫ РАБОЧЕГО ПРОТЕСТА В СССР В КОНЦЕ
1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА)
А.О. Тюрин 14
- АДЫГСКАЯ ДЖИГИТОВКА XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
Н.В. Юрченко 37
- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)
П.А. Сунгуров 54

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА
ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА
Е.В. Лазинина 64

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В СТРУКТУРЕ ЗООМОРФНОГО КОДА
КУЛЬТУРЫ ЭВЕНОВ
Р.П. Кузьмина 81
- СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕКЛАМНОМ
ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
В.В. Богуславская, Хунбо Юй 97

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ КУЛИНАРНЫХ ИДИОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ Е.В. Лазуткина, О.Н. Ратуева, Е.П. Ефремова, Н.А. Сидорова	121
ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЖАНРА НА ПРИМЕРЕ ТВЕРДОЙ ФОРМЫ СОНЕТА Н.Н. Кузнецова, И.А. Шевякова	137
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТА «ОРЕНБУРГСКАЯ СТЕПЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК Н.А. Белова, У.Н. Каргашова	152
УЗУСНАЯ ИНТОНАЦИОННАЯ НОРМА КАК НЕЧЕТКОЕ МНОЖЕСТВО: ФАЗЗИФИКАТОРЫ И ДЕФАЗЗИФИКАТОРЫ Ю.А. Ненашева	163
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ-ЗАИМСТВОВАНИЙ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА СМИ Т.А. Юрова	182
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЗВАНИЙ ВРЕМЕН ГОДА В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX–XXI ВВ.) Ван Сяосюй	205
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ФОНДА АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ Ю.А. Хуснуллина	214
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	228

CONTENTS

HISTORY STUDIES

PREDICTORS OF WORKERS' PROTEST IN THE USSR AT THE END OF THE 1920S – THE BEGINNING OF THE 1930S: SOCIAL IDENTITY AND SELF-EFFICIENCY (BY THE MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION) A.O. Tyurin	14
ADYGHE RIDING OF THE XIX – EARLY XXI CENTURIES IN MODERN HISTORIOGRAPHY N.V. Yurchenko	37
ECONOMIC POTENTIAL OF TOBOLSK PROVINCE (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES) P.A. Sungurov	54

PHILOSOPHICAL STUDIES

COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION AS A CHARACTERISTIC OF THE SUBJECT OF DIGITAL SOCIETY E.V. Lazinina	64
--	----

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

IMAGE OF THE BEAR IN THE STRUCTURE OF THE ZOOMORPHIC CODE OF THE EVEN CULTURE R.P. Kuzmina	81
SOCIAL INTERACTION IN ADVERTISING TECHNICAL DISCOURSE V.V. Boguslavskaya, Hongbo Yu	97

REVISITING THE WAYS OF RUSSIAN CULINARY IDIONYMS TRANSFER INTO ENGLISH E.V. Lazutkina, O.N. Ratueva, E.P. Efremova, N.A. Sidorova	121
STUDY OF THE CATEGORY OF THE GENRE ON THE EXAMPLE OF THE SOLID FORM OF THE SONNET N.N. Kuznecova, I.A. Shevjakova	137
REPRESENTATIVES OF THE ORENBURG STEPPE CONCEPT TRANSLATED INTO THE ENGLISH LANGUAGE N.A. Belova, U.N. Kartashova	152
CONVENTIONAL INTONATION NORM AS A FUZZY SET: FUZZIFIERS AND DEFUZZIFIERS Iu.A. Nenasheva	163
SEMANTIC PERCEPTION OF NEOLOGISM BORROWINGS IN TERMS OF MEDIA LANGUAGE T.A. Yurova	182
FUNCTIONING OF THE NAMES OF THE SEASONS IN THE ASPECT OF AESTHETIC CATEGORIES REFLECTION (BASED ON THE MATERIAL OF POETIC WORKS OF THE XX–XXI CENTURIES) Wang Xiaoxu	205
DYNAMICS OF ENGLISH NEOLOGISMS DEVELOPMENT Y.A. Husnullina	214
RULES FOR AUTHORS	228

Подписано в печать 30.03.2022. Дата выхода в свет 30.03.2022. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,95. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP141/022. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.